

3 1761 07140227 5

РОСТОВЪ
ВЕЛИКІИ
—
УГЛИЧЪ

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

ЧТО
ГОРОДА—
ТО НОРОВЪ

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Русскіе города

РАЗСАДНИКИ
ИСКУССТВА
СОБРАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВА-
ВАННЫХЪ МОНОГРАФІЙ
ВЫПУСКЪ I

РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ

УГЛИЧЬ

МОСКВА

ИЗДАНИЕ Г. КНЕБЕЛЬ

БОРИСЪ ФОНЪ ЭДИНГЪ

РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ

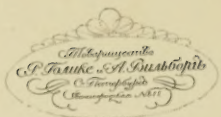
УГЛИЧЪ

ПАМЯТНИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ

ИЗДАНИЕ

Г. КНЕБЕЛЬ

DK
651
R68E45

1028681

Предисловіе

Съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги осуществляется завѣтная мечта, желѣмая нами съ давнихъ поръ. Задолго до появленія первыхъ выпусковъ нашей «Исторіи Русскаго Искусства» насъ увлекала мысль объ изданіи большой серіи монографій, посвященныхъ историческимъ городамъ Россіи. Казалась безконечно заманчивой уже одна возможность увидѣть когда нибудь полку-другую книгъ, въ которыхъ, наконецъ, то были бы собраны всѣ чудесныя сокровища, разсыпанныя въ этихъ «разсадникахъ русскаго искусства». Такая полка книгъ сулила развернуть всѣ стороны этого искусства и ввести насъ въ самыя глубокіе тайники художественнаго творчества древней и новой Руси. Постепенно выросъ бы тотъ фундаментъ, на которомъ уже нетрудно было бы возводить зданіе «Исторіи». Однако, въ то время нныя задачи отодвинули эту мысль на второй планъ: судьбѣ угодно было, чтобы мы отдали всѣ свои силы именно «Исторіи», — не только собранію случайнаго матеріала, но и его систематизаціи. И вотъ теперь, когда эта послѣдняя работа уже близится къ концу, мы вновь имѣемъ возможность вернуться къ первоначальному проекту, и приступаемъ къ изданію серіи «русскихъ городовъ».

Въ «Исторію Русскаго Искусства» вошли главнымъ образомъ произведенія, сосредоточенныя въ столицахъ, и лишь весьма небольшое пошло сюда изъ тѣхъ небольшихъ захолустныхъ городковъ, которые были нѣкогда въ силѣ, славились своимъ художествомъ и имѣютъ великое счастье хранить въ своихъ стѣнахъ до сихъ поръ драгоцѣннѣйшіе памятники этого искусства: Новгородъ, Псковъ, Владиміръ, Ростовъ, Угличъ, Ярославль, Суздаль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Вологда, Устюгъ, Архангельскъ, — чѣмъ это не музеи? Не тѣ музеи, которые случайнымъ

подборомъ вещей напоминають лавки старьевщика, не музей-кладбища, а музей живого и жизненнаго искусства. Здѣсь никто ничего не собиралъ,—все стоитъ тамъ же, гдѣ стояло въ старину и нерѣдко все сохраняетъ тотъ же видъ, что и въ былыя времена.

Наша серія городовъ меньше всего должна напоминать «путеводители». Читатель очень разочаруется, если захочетъ отыскать здѣсь свѣдѣнія о приходящихъ и отходящихъ поѣздахъ и пароходахъ или удобныхъ и неудобныхъ гостиницахъ. Но если кому нибудь предстоитъ поѣздка въ Ростовъ или Ярославль, или Кострому, онъ хорошо сдѣлаетъ, ознакомившись предварительно съ соответствующимъ томомъ нашей библіотеки русскихъ городовъ: онъ съ удвоеннымъ интересомъ проведетъ въ нихъ время и увидитъ тамъ не мало прекрасныхъ произведеній, которыя, быть можетъ, ускользнули бы отъ его вниманія.

Игорь Грабарь.

Душино

20 марта 1913 г.

Ростовъ
Великіи

Прошлое Ростова Великого

ВВЕДЕНИЕ.

Болѣе ста лѣтъ Ростовъ живетъ тихой дремотной жизнью второстепеннаго провинціального городка; фабрики, школы, заводы, гимназія и электричество—вотъ тѣ культурныя пріобрѣтенія, которыхъ, не торопясь, достигаетъ Ростовъ и, глядя на современный городъ, трудно себѣ представить, что здѣсь, на этомъ же мѣстѣ, широкимъ русломъ шла, полная значенія, жизнь религіознаго, политическаго и экономическаго центра огромной области.

Но не безслѣдно для города прошла жизнь эпохъ болѣе творческихъ, чѣмъ современность: храмы, стѣны, терема и башни—драгоцѣнное наслѣдіе старины, выдѣляющее Ростовъ изъ тысячи Богомъ и людьми забытыхъ городовъ. Стр. 11, 13, 14.

Высокое очарованіе, свойственное ему, раскинувшемуся у необъятной шири и глади озера, тонко намѣчаетъ одно старое стихотвореніе:

.....
Среди полей и пажитей цвѣтущихъ,
Богатыхъ сель картиной окаймлень,
Отрада душъ окрестъ тебя живущихъ,
Ты свыше, градъ Святой, благословень.

Когда востокъ зарею заалбѣтъ,
Ночной покровъ взовьется надъ тобой,
И озеро твое румянится, краснѣтъ,
И тихій звонъ раздастся надъ водой,

И выйдешь ты изъ мрака ночи смѣло,
Твоя колокола начнутъ привѣтныи зовъ,
О градъ Святой, о градъ прекрасно-бѣлый,
И многобашенный, Ростовъ.

.....
Ночная тѣнь опять, какъ пеленою
Спустилась на тебя и тихо все вокругъ,
Лишь изрѣдка часовъ прислушаешься къ бою,
Да слышишь сторожей унымый частый стукъ.

Да слышится вдали надъ озеромъ въ селенѣ
Чуть слышными лай собакъ или пѣсня по полямъ,
А шорохъ твоихъ послѣднее моленье
Вечерней жертвою восходить къ небесамъ¹.

Значеніе Ростова въ исторіи русской культуры огромно, но его скорѣе угадываешь, чѣмъ ясно представляешь себѣ. Городъ, уже въ старину считавшійся древнимъ, уже въ древности носящій имя «Славный» и «Великій», этотъ городъ за нѣсколько послѣдующихъ столѣтій только утрачивалъ свою славу. Цѣлыя поколѣнія, равнодушныя къ своей собственной славѣ и къ славѣ своихъ предковъ, свели на пѣть тысячелѣтнюю исторію «столицы сѣвера». Земля была болѣе вѣрной хранительницей минувшаго. Но не только она сохранила слѣды давнихъ эпохъ. Еще косность народной жизни передала стародавнiе обряды и повѣрья. — быть можетъ мало понятныя самому населенію. Ихъ немного, но навѣрное больше, чѣмъ извѣстно статистическимъ описаніямъ.

Близъ города, у маленькой часовни, есть колодезь, въ который проходящіе пунники бросаютъ мелкія монеты. У деревни Сажино стоитъ береза, обвѣшанная пестрыми ленточками, доскуточками и тесемками съ крестами. Это священная береза, на которую молятся «какъ на икону». Такъ народъ вѣковыми обычаями оправдываетъ описаніе суевѣрій Муромской мордвы: «очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеси и сребренницы на ня поверзающе..... душаниамъ деревяннымъ вѣтви уброедемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеси»².

Еще одно врачеваніе говоритъ намъ, что значительные языческіе боги, уступивъ мѣсто новому культу, умерли, но большей живучестью отличались существа менѣе значительныя. Такъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще въ 1890-хъ годахъ сохранялся стародавній способъ лѣченія лихорадки: знахарка печеть въ домѣ больного 12 пирожковъ и, обязательно ночью, выноситъ ихъ на перекрестокъ, за деревню. Этихъ жертвенныхъ пирожковъ, изготовленныхъ для двѣнадцати Трисовицъ, не можетъ тронуть ни одно живое существо, но если до утра они исчезнутъ, значить 12 сестеръ приняли жертву, и больной долженъ поправиться.

Слабѣнныя крестьянскія пѣсни, имѣющія практическое примѣненіе, сохранились лучше другихъ. Здѣсь мы приводимъ плачь невѣсты сироты надъ могилой отца.

Вы подуйте ко, буйны вѣтры,
Со всѣ чепаре стороны,
Ужь заиди ко, тула грозная,
Гы ударь во, громада стрѣла,
Во матушку дару землю,
Расквѣсь ко, гробова доска,
Распахнись ко, бѣло-полотно,

¹ И. Хрущовъ. «Ростовскій уѣздъ», Москва, 1859 г., съ примѣчаніемъ: изъ журнала «Зиваѣтка», Полѣе патентовано Гитовымъ изъ брошюръ «Асафъ Лазаревичъ», Москва, 1887. — А. Титовъ, «Ростовскій уѣздъ».

Видъ Ростова съ сѣвренной стороны.

(Фот. Д. П. Мальгина).

Ты встань-ко, кормилецъ батюшко,
Ужь на эту пору-времячко,
На мою-то свадьбу горькую,
Ужь на этотъ ли на горькій часъ:
Пришла я къ тебѣ, кормилецъ мой,
Попросити и поклониться:
Не объ златѣ, не объ серебрѣ,
Не о большомъ приданьемъ,
Ужь прошу-то я, родимый мой,
Благословеньица великаго
На чужую дальну-сторону,
Ко чужому отцу съ матерью,
Ко дородному ко молодцу,
Простонала мать Сыра-земля,
Отсылала гробова доска:
Ужь пойдѣ-ко, ты дѣвца,
Ужь пойдѣ-ко, ты красная,
У Того проси благословеньица,
Кто тебя поилъ-кормилъ,
Кто тебя радилъ-красилъ¹.

¹ Автору не приходилось встрѣчать ни повѣрій, ни цѣсень въ родѣ приводимыхъ здѣсь: свидѣнія о нихъ заимствованы изъ книгъ А. Титова «Ростовскій уѣздъ» и «Ярославская губернія».

Не только въ этихъ старыхъ пѣсняхъ, но даже въ современной частушкѣ встрѣчаются отголоски древняго міровоззрѣнія:

Поитьемъ, подруженька, помолимся
Рабиноушкѣ сухой,
Не избавить ли рабиноушка
Отъ славуюшки дихой.

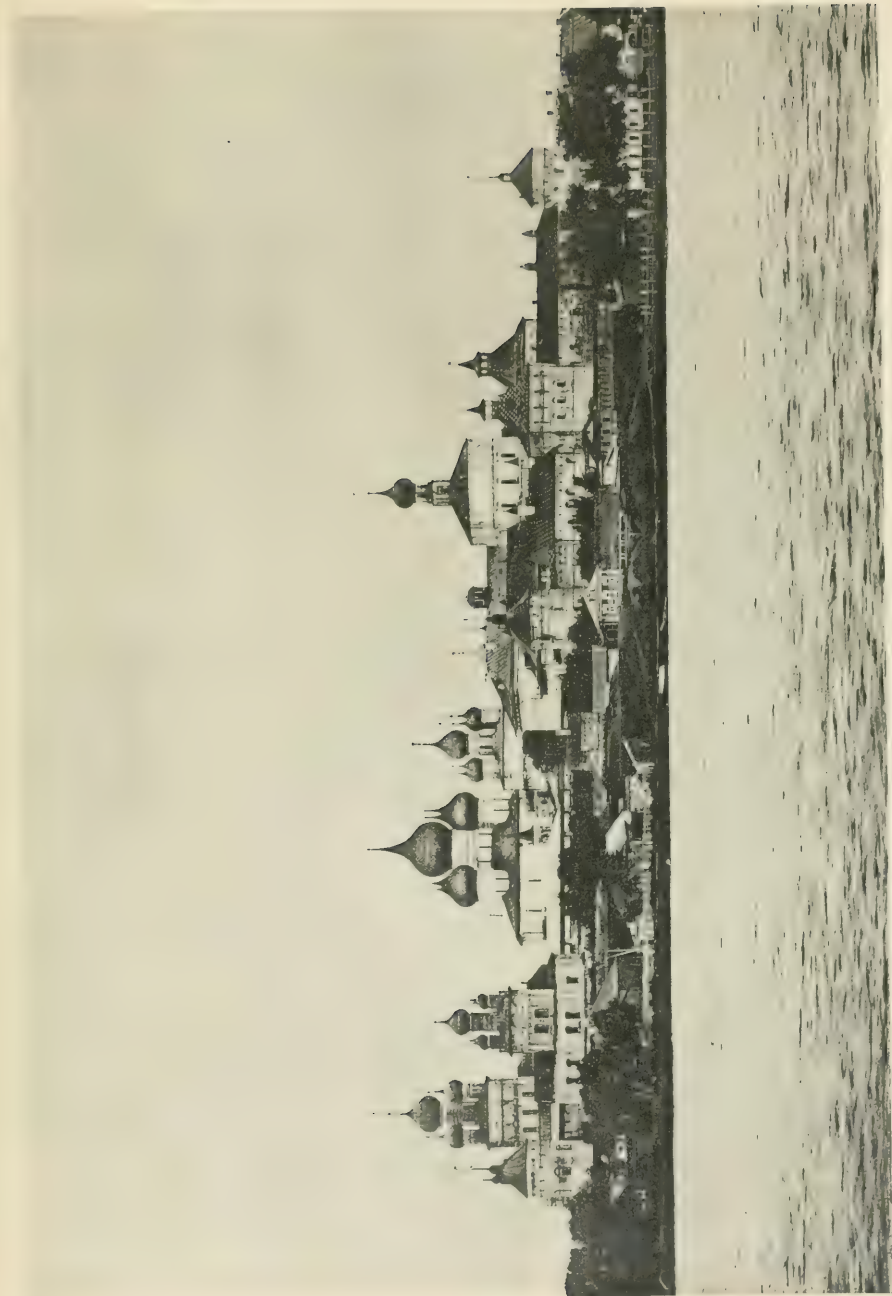
Но и эти обычаи, послѣдніе слѣды народной культуры, умираютъ: и здѣсь мы должны отмѣтить, какъ трагична участь памятниковъ культуры стараго Ростова. Погибли почти все мѣстные историческіе документы и замерли народныя преданія, могущія живымъ словомъ освѣтить прошлое. Крохи, дошедшія до насъ, говорятъ намъ о созданномъ когда то цѣломъ мірѣ народныхъ сказаній, теперь уже навсегда потерянномъ. Сохранилось частью то, что было занесено, болѣе или менѣе случайно, въ рукописи мѣстныхъ любителей, большей частью неизданныя и до сихъ поръ.

Въ 18-мъ и 19-мъ вѣкѣ среди всеобщаго невѣжества и непониманія гибли цѣлыя рукописныя собранія. Пожары и нашествія всѣхъ предыдущихъ эпохъ были не болѣе губительны для памятниковъ старины, чѣмъ то безразличіе къ родному прошлому, которое водарилось въ истекшихъ двухъ столѣтіяхъ. Примѣчаніе Титова къ «Воспоминаніямъ» Артынова сохранило характерное мѣсто, при чтеніи котораго можетъ содрогнуться сердце не только антиквара, но и всякаго культурнаго человѣка.

«Покойный ростовскій гражданинъ А. П. Щенниковъ, умершій въ началѣ 60-хъ годовъ въ глубокой старости, рассказывалъ намъ лично, что вскорѣ послѣ переезда Митрополіи изъ Ростова въ Ярославль въ 1785 (1795?) г. свитковъ и рукописей валялось въ баняхъ и на переходахъ архіерейскаго дома цѣлые вороха. И онъ, бывши въ то время мальчикомъ, вмѣстѣ съ товарищами вырывалъ изъ рукописей заставки и картинки, а изъ свитковъ золотыя буквы и вишѣтки, и наклеивалъ ихъ на латухи»¹. Это было болѣе ста лѣтъ тому назадъ, но и теперь существенно ничто не перемѣнилось. Памятники старины гибнутъ

въ меньшемъ количествѣ только потому, что ихъ самихъ стало меньше. А въ этомъ городѣ, среди монотонной, нѣсколько вилой природы, когда то умѣли жить и создавать такъ, что намъ въ памятникахъ прошлаго ясна печать неслѣпной красоты.

¹ Артыновъ. «Воспоминанія», стр. 63.

Видъ Ростова съ озера. Фото. М. А. Орлова.

Планъ Казани 150-хъ годовъ. Изъ коллекции Б. П. фонъ Шунера.

I.

ВОЛЫНЫЙ ГОРОДЪ.

Что же помнить эта низменная равнина, когда то лѣсистая, теперь открытая,— эта равнина, съ царящими надъ всѣмъ горизонталями огромнаго озера и необозримыми луговыми даями? Такъ много помнить она, что намъ былъ бы непонятенъ ея разсказъ о древнихъ насельникахъ края.

Однако, курганы сохранили въ себѣ нѣкоторые остатки минувшей жизни; большое количество монетъ 8—11-го вѣка свидѣтельствуетъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. «Первіи насельници въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлозерѣ Весь», такъ отмѣчаетъ начальная лѣтопись, не помнящая возникновенія Ростова. Меря—народность финскаго племени, остановилась у Ростовскаго озера, очевидно, вслѣдствіе природныхъ мѣстныхъ богатствъ и удобства водныхъ путей. «Старѣйшіе люди, обходя окрестныя страны озера видѣша, яко мѣсто то зѣло красно и мнози бяху ту ловы въ дебрѣхъ лѣсныхъ и во озерѣ, обильныя пажити, многочисленныя борти и бобровыя горы вельми имъ удобно селитися ту, и начаша жити ту собѣ»¹. Однако, истекшіе вѣка не прошли безслѣдно ни для исторіи, ни для топографіи Ростова. Еще на памяти исторіи (17 в.) Ростовцы отстаивали судоходство по рѣкѣ Которосли, которому во многомъ были обязаны Ростовъ и Ярославль своими первоначальными богатствами; но рѣка обмелѣла и была перегорожена фабричными запрудами². Также и Ростовское озеро не оставалось неизмѣннымъ; въ «Воскресенской лѣтописи» мы находимъ: «Въ лѣто 6975, ноября 1 ставишь озеро Ростовское нача выти: бысть того по двѣ недѣли, и ночи людемъ по граду не даде спати, какъ въ шестерѣ молотять или въ осмерѣ и на послѣ протяжно застучитъ, и за много лѣтъ того не бывало»³.

Прекрасный отрывокъ народной пѣсни, сохранный тѣмъ же Артыновымъ, говорить объ исчезнувшихъ теперь богатствахъ моря Тиннаго—Ростовскаго озера.

Ой ты гой еси, море тинное,
Море тинное, ты чужское,
Отчего тебя зовуть озеромъ?
Оттого меня зовуть озеромъ,

¹ Артыновъ. «Село Угодичи». ² Ярославль не замѣтилъ потери Которосли, уже давно владѣя торговлею по всей Волгѣ. ³ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. археографич. комис., т. 8, стр. 151.

Что песку во мѣхъ и въть на донышкѣ
И что ивъть во мѣхъ рыбы заморскіихъ,
Линь живуть во мѣхъ ершь со щукою,
Медка платимка со карасикомъ,
Красноперый окунь со налимами,
Еще сомъ рыба, когда жадуеть
Изъ тое-ль рѣки Волги быстрая
Со яземъ рыбой и со лещикомъ.

О самомъ городѣ сохранилось очень мало данныхъ. По косвеннымъ указаніямъ одной легенды городъ былъ въ нѣсколько разъ больше современнаго; его «средній ровъ» окружалъ огромныя пространства, въ настоящее время совершенно пустынные. Огражденія города были воздвигнуты, при страшныхъ заклятїяхъ, на «головахъ девяти старѣйшинъ народныхъ». Если вѣрить записанному Артыновымъ преданію, воды двухъ рѣчекъ наполнили городской подковообразный ровъ, концы котораго были открыты въ озеро.

Въ 10-мъ вѣкѣ насельники Ростова были покорены Новгородскими колонизаторами. Ключевскій полагаетъ, что долгое сосуществованіе славянскихъ и чудскихъ элементовъ указываетъ на мирный характеръ захвата. Затѣмъ въ Ростовѣ былъ посаженъ «Мужъ отъ Олега», плательщикъ ему дани. Пока югъ былъ центромъ жизни русскаго государства, ростовская область не имѣла постоянного пребыванія своего князя. Въ связи съ этимъ важно отмѣтить духъ вольности его сильнаго вѣча и ничѣмъ не сдерживаемое буйство его земскихъ бояръ, память о чемъ сохранилась въ преданїяхъ до 18-го столѣтія. Когда же сѣверъ становится средоточіемъ политической жизни, Андрей Боголюбскій предпочитаетъ древнему Ростову незначительный Владиміръ, не рассчитывая, очевидно, прочно устроиться въ Ростовѣ съ его давними земскими традиціями. Съ этихъ поръ начинается борьба городовъ. Летописи ярко отразили страстные всплшки ненависти вѣча обиженнаго Ростова. «Пожжемъ Володимеръ, иль наки иного посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопи, каменницы»¹.

Почти сто лѣтъ съ измѣчивымъ счастьемъ отстаивалъ Ростовъ свое первенство, неоднократно утрачивая его. Славнымъ временемъ для города было княженіе великаго князя Константина, родоначальника князей ростовскихъ, не побоявшагося, да обладаніе Ростовской областью, преступить волю своего отца — великаго князя Всеволода. За дѣлательную любовь къ просвѣщенію, Константинъ названъ въ летописяхъ «Мудрымъ», имъ было открыто (сперва въ Ярославлѣ) первое на сѣверѣ училище.

¹ Иное — обратное русскія летописей, изд. по Высочайшему повелѣнію археографич. комиссіей. «Ипатьевская летопись», стр. 117. Въ «Никоновской летописи» послѣ тѣхъ же 1173 годовъ стоитъ: «пожжемъ вса, и возжемъ градъ, и посадимъ на немъ своего посадника, тѣ бо суть холопи наши, каменница и древоубы».

Восточные патриархи, на ряду съ религіозными реликвіями, присылали Великому князю и рукописи. Въ княжескомъ книгохранилищѣ было около тысячи греческихъ книгъ. Татарское нашествіе, гибельное для всей Россіи, тяжело отразилось на Ростовѣ; древній городъ пашель выраженіе своей скорби въ словахъ юнаго князя Василька, замученнаго татарами: «Младая память моя желѣзомъ погыбнетъ и тонкое мое тѣло увидаетъ»¹. Тяжело было Ростову, гордившемуся уже древней славой, примириться съ владычествомъ «юганыхъ». Подъ 1262 г. мы находимъ въ «Воскресенской лѣтописи»: «Избави Богъ отъ лютаго томленія бесъременскаго люди Ростовскія земли молитвами святыа Богородицы и вложи ярость Христіанамъ во сердце, не можаху бо уже терѣвити насилія пганыхъ и созвоише вѣче, а выгнаше ихъ изъ градовъ: изъ Ростова, изъ Володимера, изъ Суждаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля; окунаху бо тиі окаяннии бесъремена дані у татаръ и отъ того пагубу велику творяху людемъ, работяще люди христіанскія въ рѣзѣхъ и многи души разведени быша; челоувѣколюбець же Богъ нашъ милосердіемъ своимъ избави люди своя ото великіа бѣды».

II.

ПОДЪ ВЛАСТІЮ МОСКВЫ.

Въ 13—14-мъ вѣкѣ наступаетъ дробленіе и мельчаніе Ростовскаго княжества. «Что ни село, то князь, что ни деревенька, то князекъ». «У семи ростовскихъ князей одинъ воинъ»,—проницески отмѣтили народныя пословицы. Это дробленіе подрывало значеніе и силу Ростова и укрѣпило возвышеніе хищной Москвы. «Увы, увы тогда граду Ростову, — находимъ мы въ житіи преп. Сергія, — паче-же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе и имѣніе и честь и слава и вся прочая и потягну къ Москве»².

Неистовства Московскихъ намѣстниковъ вызвали въ населеніи панику. Многіе бояре Ростовскіе оставили древній и славный, но безправный городъ и предпочли ему область вѣроломной, но гостепримной Москвы. Въ 1474 г. послѣдняя часть Ростова была куплена Іоанномъ III. Утерявъ политическое значеніе, Ростовъ надолго сохранилъ значеніе религіозное. «Тенерь я уже ничѣмъ неоухудень передъ другими», воскликнулъ Андрей Боголюбскій, узнавъ объ открытіи мощей св. Леонтія въ Ростовѣ, первыхъ мощей въ его области³.

¹ Новгородская четвертая лѣтопись, т. 4, стр. 32. ² Великія мшцы четіи, собранная вверосійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Изд. Археографич. Комиссіи. Мѣсяць сентябрь. ³ Корсаковъ. «Мѣра и Ростовское княжество», стр. 139.

Значеніе святыхъ для Ростовской области замѣчаютъ строки изъ службы: «Римская земля хвалить Петра и Павла, Греческая земля—Константина-царя, Киевская Книжа Владиміра: а Ростовская земля тебя, великій святителе Леонтіе, ублажаетъ, сотворшаго дѣло равноапостолиаго». Цѣлый рядъ Ростовскихъ епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ, святыхъ, преступныхъ, ничтожныхъ и значительныхъ проходятъ въ «Архереомъ Ростовскимъ лѣтописи»,—приписываемой святителю Дмитрію. Изъ этой лѣтописи мы беремъ описаніе горестей, выпавшихъ и на Ростовъ въ смутное время. Еще заранѣе Ростовскій митрополитъ Іона II, будучи въ Москвѣ у патриарха и у царя, предчувствовалъ «схолодѣть» и указывалъ на Григорія Отрѣшева, «Той въ царство Бориса Годунова, на Москвѣ, у святѣйшаго патриарха Іова видѣвъ живуща діакона потаеннаго вора-Гришку Отрѣшева, изъ Чудова монастыря въ домъ патриаршескій взята, пророчески о немъ патриарху возвѣсти, яко сей чернецъ діаволу сосудъ будетъ. Патриархъ же тому не внимаше. Пресвященный же сей митрополитъ ростовскій Іона, по малѣмъ времени, и самому царю Борису сказа, яко чернецъ той самому сатанѣ сосудъ есть»¹.

На ряду съ общеизвестными героями смутнаго времени народъ выдѣлилъ въ Ростовѣ «Героя религіозной мысли и религіознаго чувства, который своими подвигами ясно обозначилъ сокровенныя народныя думы о событіяхъ времени»²—преподобнаго Пришарха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Въ гбсней кельѣ затворника своеобразно отражалась жизнь въ его эпохѣ. Въ годъ первой попытки закрѣпощенія крестьянъ преподобный приковалъ себя желѣзнымъ ужищемъ къ тяжелому обрубку дерева. «Ужище затворника, —говоритъ Забѣлинъ, служило какъ бы прообразованіемъ крѣпостнаго ужища, наложеннаго государствомъ на вольныхъ людей. Шестъ лѣтъ старецъ Пришархъ трудился на грехъ сажняхъ ужища. Въ это время смутныя дѣла стали затягиваться сильнѣе. Въ Угличѣ погибъ царевичъ Дмитрій. Въ правительствѣ ходила мысль о закрѣпощеніи всего крестьянскаго населенія. И вотъ, преподобный и себѣ прибавилъ еще три сажени желѣзнаго ужища, которое получилъ, по замѣчательному совпаденію обстоятельствъ, отъ одного христоробца иль того же Углича. Прошло еще шесть лѣтъ, и въ 1598 г., когда уже явился прямой указъ о закрѣпощеніи крестьянъ, когда съ кончиною царя Феодора пресѣлся на русскомъ престолѣ царскій Рюриковъ корень и внутреннія дѣла стали запутываться въ новыя ужища и цѣпи, у преподобнаго подвижника тоже прибыло еще три сажени ужища—полученныя отъ ибкоего брата, также «трудившагося въ желѣзѣ».

Въ гостинномъ 1611 году Пришархъ получилъ ужище старца Тихона, бывшаго въ томъ же Борисоглѣбскомъ монастырѣ, съ этихъ поръ преподобный носилъ на

¹ Архереомъ Ростовскимъ лѣтописи, изд. Общ. любителей древней письменности, стр. 11. ² П. Е. Забѣлинъ, «Мининъ и Пожарскій. Промыя и гримы въ смутное время», Москва, 1901 г.

Юго-восточная глава собора.

(Фот. Д. Н. фонъ Эдингга).

себѣ цѣль въ двадцать сажень. Но старецъ Принархъ проходилъ свой подвигъ не въ одномъ этомъ двадцатисажennemъ ужищѣ, которое съ такою изобразительностью обозначаетъ ходъ смутной исторіи. При всемъ этомъ, старецъ, сидя даже и въ крѣпкомъ затворѣ, отнюдь не удалялъ своихъ мыслей и отъ общихъ дѣлъ государства. Онъ чутко стерегъ ходъ народныхъ событій, тѣмъ болѣе, что важнѣйшія изъ нихъ почти все проходили, такъ сказать, въ виду его затвора, по той же Ярославской и Ростовской дорогѣ, съ сѣвера на югъ въ Москву.

Однажды, еще въ 1608 г., видитъ онъ въ тонкомъ снѣ потрясающую картину всеобщаго бѣдствія. Вотъ царствующій городъ Москва посѣчена отъ Литвы, все царство поплѣнено, разграблено, пожжено. Проснувшись, сталъ онъ плакать и сокрушаться о видѣніи. Поплакавъ довольно, онъ успокоился. Тогда внезапно озарилъ его праведный свѣтъ и изъ свѣта послышался голосъ, повелѣвавшій идти въ Москву и рассказать царю Василью (Шуйскому), что все это непреложно сбудется. Старецъ оставляетъ свой многолѣтній затворъ, поспѣшаетъ въ Москву; по обычаю,

сначала приходилъ въ Успенскій соборъ, откуда его зовуть во дворець. Представъ царю, старецъ благословляетъ его своимъ крестьянскимъ поклоннымъ крестомъ и воздвигаетъ пророчество: «Я пришелъ рассказать тебѣ правду... А ты, царь, стой въ вѣрѣ твердо и непоколебимо...» — заключилъ свою бесѣду затворникъ. Эта правда, конечно, состояла въ той народной мысли, что, по ходу дѣлъ, въ царствованіе Шуйскаго уже невозможно было отратить грядущихъ для отечества бѣдствій: что бѣды собирались со всѣхъ сторонъ уже по той одной причинѣ, что царемъ былъ Шуйскій, и само пророчество затворника являлось какъ бы обличеніемъ царю, не показавшему достойныхъ силъ и талантовъ въ борьбѣ со смутными обстоятельствами. Однако, народная мысль желала злополучному царю, чтобы стоялъ онъ въ своемъ злополучіи твердо и непоколебимо¹. Но наступило «лихолѣтье», и страна была предоставлена грабежу и полному разоренію.

«Архереомъ Ростовскимъ двоипись» подробно разсказываетъ о нашествіи на Ростовъ поляковъ въ 1609 г. Къ отряду Сапѣи примкнули люди Переяслава Залѣскаго и «сподонна ко граду Ростову, вѣдуще того некрѣпка суща». Ростовцы, услышавъ о приближеніи врага, не готовились къ оборонѣ; они бросились къ митрополиту Филарету Никитичу, проси благословенія бѣжать въ Ярославль. «Онъ же увѣщаваше и утверждаше ихъ стояти крѣпко за православную христіанскую вѣру, и за царя своего ему же и крестъ цѣловаша, и глагола къ нимъ: аще и одолѣны отъ супостата нашихъ и избіены будемъ, то вѣщцы мученическіе отъ Бога пріимемъ. Люди же молвша его да и самъ со ними въ Ярославль поидеть; а свититель Божій, яко адамантъ твердый стоявъ непоколебимъ, съ мужественнымъ великодушіемъ отвѣщавъ рече имъ: аще ми будетъ и многія муку претерѣти, дому пречестныя Богородицы и святахъ ростовскихъ чудотворцевъ не оставлю. То слышавше отъ него люди овыи бѣжаша въ Ярославль, а друзии, яко овцы при пастырѣ своемъ, при архіерѣ божіи останася».

Лишь только стало извѣстно, что непріятель приближается уже къ городу, свититель прошель въ соборъ, гдѣ какъ въ послѣдней твердынѣ беззащитнаго города, собрались оставшіеся горожане. Духовенство облеклось въ лучшія ризы, причастилось и началось причащеніе людей, готовившихся къ смерти. Переяславцы и Литва уже вступили въ городъ, убивая, грабя и сжигая все попадавшееся на пути.

«Митрополитъ же повелѣ утвердити двери: и начаше ти къ нимъ приступати и бичею сокрушашу двери и добывати церковь. Митрополитъ же ко дверемъ приступевъ, началъ говорити къ переяславцамъ увѣщавая отъ божественнаго писанія, чтобы помнили свою православную христіанскую вѣру и отъ литовскихъ бы людей отстали, и чтобы обратились ко своему государю, ему же крестъ цѣловаша; а пере-

¹ В. Ш. д. Савинъ. Митинъ и Пискаревъ. Правда и кривая въ смутное время. Москва, 1901 г.

Ростовская митрополія.

яславци, яко волцы возопиша велиемъ гласомъ и начаше жестоцае въ двери бити, и выбивше двери, начаше сѣщи людей и изсѣкоша множество неповиннаго народа, а митрополита съ мѣста его жива взяша и святительскія одѣянія содраша съ него и одѣяше его въ худыя одѣянія и даше ему пристава. Раку же чудотворца Леонтія златую снемше, разсѣкоше на части и по жребіямъ раздѣлиша себѣ, и всю казну церковную и архіерейскую и градскую разграбиша, и вся церкви и весь градъ раззориша и опустошиша, а митрополита отослаша въ село глаголемое Тушино еже близъ Москвы, въ коемъ Тушинѣ тогда воръ, иже звашеся ложно царевичемъ Дмитріемъ, со измѣнниками быше»¹.

Но уже въ Ярославлѣ возникало великое дѣло—спасеніе родины силами народа. Митрополитъ Кириллъ, еще раньше бывший на Ростовской митрополіи, очевидно былъ памятенъ и любимъ народомъ. Возникшія въ Ярославлѣ несогласія были улажены Ростовскимъ митрополитомъ, прибывшимъ сюда для этого изъ Троицкой лавры. «Изыде изъ келіи своея и прииде въ градъ Ростовъ, скуденъ сущъ по раззореніи и прослезися о немъ: таже иде въ Ярославль и утѣши люди божія пришествиемъ своимъ и укрѣпилиша я, и бываемыя между ими свары разсуждая уми-

¹ «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись».

рише их»¹. А разореніе города было велико, и скоро поправлялся Ростовъ, пережившій уже эпохи славы, доблести и богатства. До января 1612 г. въ Ростовѣ были поляки, но уже во время провада Михаила Феодоровича, разоренный Ростовъ съ возможной торжественностью чествовалъ юного царя. Михаилъ Феодоровичъ со «старницею» — своею матерью прѣбхалъ наканунѣ Благовѣщенія. На владычномъ дворѣ ему была приготовлена «Красная Палата». На другой день, послѣ торжественной литургии въ томъ же соборѣ, гдѣ были схвачены поляками Филаретъ Никитичъ, царь принималъ хлѣбъ-соль отъ земства.

При этомъ были «князь Владимиръ Ивановичъ Бахтеяровъ, князь Афанасій Васильевичъ Лобановъ, посадскіе люди, Василій Зыковъ, Иванъ Черемшнъ, Максимъ Шелудиковъ, Давыдъ Приваловъ, Левъ Тимоновъ, Лукьянъ Голицынъ, Федоръ Кичинъ, Гурко Мальгинъ, Борисъ Говядиновъ, Никита Щановъ, Елисей Серебренниковъ, Кирианъ Щеткинъ всесвятскій и Василій Ломтевъ и другихъ сословій люди, соколей помытчикъ Васька Кѣкинъ, Соколей помытчикъ Петръ Шестаковъ»².

Но еще въ 1619 г., когда князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій «дозирагъ живущее и пустое, что заустело во Ростовѣ»..., безотрадную картину представлялъ городъ. Въ «Дозорной книгѣ» этого года мы зачастую встрѣчаемъ мѣста въ родѣ нижеслѣдующаго: «Мѣсто пожарное Олени Ошанина, а онъ былъ въ земскихъ старостахъ и литовскіе люди его сѣкли, а тѣло его собаки съели. Мѣсто пожарное Дьячка Князева, а онъ убитъ. Мѣсто пожарное Нежданка Оладына: скитаецца по миру. Дворъ Лучки Ермольева: обнищаль...»³. Однако, городъ богатѣлъ и обстраивался, а память перенесенныхъ погромовъ была еще жива: въ 1632 г. «по особому вниманію къ Ростову Царя и Великаго князя Михаила Феодоровича», въ Ростовѣ начали сооружать новый валъ, на протяженіи почти трехъ верстъ, съ двумя каменными и третьимъ деревяннымъ подземными ходами. Въ Хлѣбниковской рукописи⁴ была выдержка о сооруженіи этого вала. «Въ 110 году въ Ростовѣ начали дѣлать городъ земляной тремя городами Ростовомъ Кинешмой, Пошехоньемъ, а работниковъ было пѣшихъ 1000, да конныхъ 100 а землю, на городъ возили телешками на одномъ колесѣ дѣланы, а конныи телеги были дѣланы на дву колесѣхъ. Ищики на встугахъ, а Мастера были пѣмцы⁵, а дѣлали 3 лѣта».

¹ «Архивомъ Ростовскимъ дѣлоскъ». ² Списокъ приведенъ въ рукописи Артынова «Итоисещъ Ростовскыи», безъ указанія источника рукописи эта, на ряду съ историческими легендами о Ростовской старцеѣ и историческими свѣдѣніями для 1916 г., сообщаетъ массу драгоцѣнныхъ, часто документальныхъ свѣдѣній, требующихъ, конечно, оговорочнаго отношенія, часть приходится отбросить, какъ не достоверное, часть оставить подъ сомнѣніемъ. Въ рукописи Артынова были рукописи, утраченныя уже навсегда. «Итоисещъ» перешли въ составъ собранія рукописей А. Титова въ Им. Публичную Библиотеку въ Сиб. ³ А. Титовъ. «Дозорная и переписная книги города Ростова». ⁴ Теперь поступившей въ число другихъ изъ собранія А. Титова въ Им. Публ. Библиотеку въ Сиб. ⁵ У Артынова въ рукописи стоитъ имя пѣмчина Горододѣнца — Янъ. У В. Штернвальда «Отъ Ярославля въ Москву», Ярославль, 1869 приведено изъ «Актовъ юридическихъ» полностью имя дѣлателя — Янъ Боршманъ Класень Кюстинъкъ.

Іона Сысоевичъ.

1607 (?)—1690 г.

Съ портрета, находящагося
въ «Бѣлой палатѣ».

Фот. П. Ф. Борцевскаго.

III.

ЭПОХА ІОНЫ СЫСОЕВИЧА.

Въ 1562 г. на Ростовскую митрополию вступаетъ Іона Сысоевичъ—Іона III, имя котораго прославили архитектурные памятники Ростова и Углича. *Стр. 21, 27.*

Поздній портретъ Іоны, по всей вѣроятности, правильно передаетъ престопагодныя «заботныя» черты великоросса. *Стр. 23.* Іона не былъ родовитъ; его отецъ былъ попомъ на глухомъ погостѣ близъ деревеньки Ангелово.— но мѣсто родины всегда было памятно Іонѣ; грандіознымъ храмомъ въ 365 оконъ онъ отмѣтилъ глухой погостъ, будучи уже всесильнымъ митрополитомъ¹.

Въ Угличскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ прошли юношескіе годы Іоны, была воздвигнута въ 1674 г. цѣлая группа церквей, колокольни и придѣловъ, связанныхъ папертями. *Стр. 164—170.* Бѣлогостицкій и Боговленскій монастыри, гдѣ Іона былъ архимандритомъ и настоятелемъ, были украшены храмами и росписью. Но Іона не былъ провинціальнымъ владыкою, отъ скуки занимающимся строительствомъ. Безъ его участія не проходило ничего значительнаго въ жизни русской церкви, и одно время онъ былъ мѣстоблюстителемъ Патриаршаго престола.

¹ Храмъ сгорѣлъ отъ молніи уже въ 17-мъ вѣкѣ. Артыновъ отмѣчаетъ, что съ многочисленными переходами онъ наименованъ одновременно и Василия Блаженнаго и Новоіерусалимскій храмъ Патриарха Никона; окна были посвящены князьямъ, царямъ и іерархамъ. Артыновъ, «Лѣтописецъ Ростовской», его же «Воспоминанія: Типовъ, прим. къ «Архереомъ Ростовскимъ лѣтописецъ».

Сохранилось «окружное посланіе», обращенное къ пастѣвѣ новымъ пастыремъ, вступающимъ на Ростовскую митрополию: очень обширное, оно приводится нами только въ выдержкахъ: сперва оно наполнено убѣжденіями, увѣщаніями, затѣмъ угрозами. Оно заканчивается слѣдующими строками, характернѣйшими для эпохи: «Аще ли же отъ Бога поданное вамъ исправите, тогда въ день страшнаго суда предъ Судіею чисти станете, и тогда и азъ многорѣшный, аще и самъ не исправился, но съ вами вѣренъ свидѣтель вамъ, яко исправилъ заповѣди Божія. Невѣжа есмь, искусу духовному недостаточенъ есмь отъ божественныхъ словесъ излагати и не имѣю вѣгійскаго ученія, а правомъ грѣхоблюбителей и челоуѣкомъ досадителей, только отчасти совѣтъ духовенъ подаваю вамъ (понеже чада ми естя, и отъ грѣшна мужа двѣтемъ свитымъ мощно родится понеже силенъ и всемоушенъ Богъ немощна въ силѣ устроить), слышите, чада моя»¹.

Однако, самъ Іона, «безмолвно» преданный Никону, не совѣстился счастливо глубиной кротости и мудрости змѣя; въ конфликтѣ между царемъ и патриархомъ онъ искалъ двухъ путей.

Митрополитъ Макарій живо рассказываетъ случай, заставившій Іону сойти съ мѣстообитательства Патриаршаго престола. «1664 года въ ночь съ 17 на 18 декабря, подъ недѣлю св. отецъ, часа за полнятаго (4¹ 2) до свѣта, къ Никитскимъ воротамъ города Москвы подѣхало до десяти саней съ сидѣвшими на нихъ людьми и челоуѣкъ пять или шесть верховыхъ. Они постучали въ ворота, которыя были заперты, и, объявивъ часовому стрѣльцу, что ъдетъ звенигородская (т. е. Саввина монастыря) власть, велѣли открыть ворота, и были пропущены. То же самое они объявили потомъ и также были пропущены у смоленскихъ воротъ, у троицкихъ, у отходной башни и быстро поѣхали къ Успенскому собору. Въ соборѣ шла заутреня, читалась вторая каонизма. Вдругъ загремѣли сѣверныя двери и въ церковь съ шумомъ двинулось множество людей: впереди шли «напроломъ, съ великимъ безстрашіемъ» люди «въ служиломъ платьѣ», за ними старцы, за старцами несли крестъ,

¹ Акты историческія, под. Археограф. Комиссіи, Сиб., 1842 г., т. IV, стр. 179. Приведено по современному списку, находившемуся въ соборѣ Н. М. Стрѣна. Есть списки и въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. «...Молю любовь вашу, украшающую духовнаго оубаго образомъ, аще ли же богатѣете отъ божественныхъ словесъ поученіемъ, не помы невѣрныи будете, но и намъ прехващати сотворите себѣ гудыи. Видите, брати, Господь свѣтъ помилуемъ челоуѣкъ, аще что можеть отъ него утешно быти». Блаженъ челоуѣкъ, кто же накажетъ Господь: нечъ еси, аще отъидати и отпачи неспешати Божія, да не поидеть безуміе въ помысли твоя, да не ослабѣеть умъ твой, понеже зрѣти и не видѣти, и слышати и не оудоволати да не будетъ шина сему. ... А будетъ кто отъ гордыи помыли и тѣлоуѣкомъ, или отъ простыхъ людей кто житиелъ бездѣланикомъ, или обрѣдетъ въ коуѣбѣ божіаго, а те намъ ушнѣтѣ вѣдомо и тѣлоуѣкомъ, бездѣланикомъ будемъ, казати казано дерзочно по словесомъ Правднннмъ, оуи милости, понеже бо не показали свѣтн Отца и Днестога въ своиъ правднлѣхъ, ни милости, ни милости и отъ шнхъ милости не будеть же. Да и те намъ буи вѣдомо, аще сѣбъ по градѣ, кто те оубѣтъ, аще сѣбъ по оубѣтѣ сопрошнннхъ, тѣлоу Божіа, или отъ божественнаго Нисанія поученіа, или учнннн, оубранннхъ быти, или кто истиннаго пастыря и учителя, архимандрита или шумена, или пона, или оубѣтъ поучнннн, или учннн, и ми на тѣлоуѣкомъ, расколнннхъ, съ Божіаю помощіа, поучнннн на тѣлоуѣкомъ, казати будеть, казати на душеннаго работннннн готова духовная паиза».

а за крестомъ слѣдовалъ патриархъ Никонъ съ посохомъ въ рукахъ. Крестъ поставили въ церкви у Спасова образа, противъ патриаршаго мѣста; а Никонъ возшелъ на патриаршее мѣсто и, отдавъ свой посохъ одному изъ старцевъ, взялъ стоявшій тамъ посохъ свитателя Петра. Старцы зашѣли: «исъ полла эти деснота» и потомъ: «достойно есть»... Никонъ приказалъ остановить чтеніе псалтири, а соборному дьякону Михаилу велѣлъ говорить ектенію: «помилуй насъ, Боже», и самъ, съ посохомъ свитателя Петра, пошелъ прикладываться къ святымъ иконамъ, къ мощамъ чудотворцевымъ и къ ризѣ Господней. Возвратившись на патриаршее мѣсто, Никонъ, когда окончилась ектенія, за которою поминалось и его имя, прочелъ молитву: «Владыко многомилостиве», и послалъ сказать митрополиту Юнѣ, находившемуся въ церкви, чтобы шелъ подъ благословіе къ патриарху... Юна въ испугѣ не осмѣлился противиться Никону и явился принять у него благословіе, которое, вслѣдъ за митрополитомъ, приняли также протоиерей и прочія духовныя лица, бывшія въ церкви, а за ними многіе изъ народа. Тогда Никонъ послалъ Юну, вмѣстѣ съ своимъ воскресенскимъ архимандритомъ и ключаремъ собора, къ великому государю и велѣлъ возвѣстить о своемъ приходѣ.

Царь, находившійся также на утренней службѣ въ церкви преподобной мученицы Евдокіи, что у него на сѣняхъ, былъ пораженъ извѣстіемъ, какое передали ему Юна и ключарь и тотчасъ же послалъ звать къ себѣ думныхъ бояръ и архіереевъ. Весь дворъ внезапно освѣтился и въ немъ происходили шумъ, бѣготня и общее смятеніе, какъ будто случилось неожиданное нашествіе враговъ... Царь негодовалъ, бояре кричали, архіереи призывали Бога».

При разбирательствѣ болѣе всѣхъ виноватымъ оказался Ростовскій митрополитъ Юна, и именно въ томъ, что принялъ благословіе отъ патриарха Никона и своимъ примѣромъ увлекъ къ тому же другихъ. Государь, какъ только услышалъ изъ устъ Юны сознаніе въ этомъ, сказалъ ему: «ты, митрополитъ, поставленъ благодѣтелемъ соборныя церкви, и знаешь соборное изложеніе всѣхъ васъ, подъ которымъ есть и твоя рука: что патриархъ Никонъ самовольно оставилъ свой престолъ и обѣщалъ на него не возвращаться». Юна оправдывался предъ государемъ и говорилъ, что совершилъ то забвеніемъ, устрася его, Никона, и его внезапнаго пришествія. Но государь, какъ самъ выразился, «за такое презрѣніе Юною изложенія всего освященнаго собора и за неопасное благодѣтельство соборныя церкви» не захотѣлъ принять отъ Юны благословія, и велѣлъ разсмотрѣть дѣло собору.

Архіереи, собравшись 22 декабря въ патриаршей Крестовой палатѣ, признали митрополита Юну виновнымъ въ томъ, что онъ, забывъ свое соборное рукописание и будучи намѣстникомъ патриаршаго престола, прежде всѣхъ принялъ благословіе отъ бывшаго патриарха Никона и тѣмъ подаль худой примѣръ прочимъ церковникамъ. Но желая оказать снисхожденіе къ немощи своего брата,

предложили ему, чтобы онъ, по обычаю, какой существуетъ въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ на востокѣ, возложивъ на себя епитрахиль и омофоръ, очистилъ себя отъ зазора слѣдующею клятвою: «свидѣтельствуюсь Богомъ, что я не имѣлъ никакого согласія и совѣта съ бывшимъ патриархомъ Никономъ о пришествіи его на престолъ, что привидѣ отъ него благословеніе безъ хитрости, будучи устранивъ его внезапнымъ пришествіемъ и одержимъ ужасомъ, и что въ то время мнѣ не пришло на умъ мое соборное рукоподписаніе, которое сотворилъ я о неспріятіи Никона на патриаршескій престолъ».

Соборъ постановилъ: «митрополиту Іоаннѣ благодѣтелемъ соборныя апостольскія церкви впродъ не быть, а въ томъ его внезапномъ прегрѣшеніи быть свободнымъ и въ соборной церкви, въ своей ему прежней степени, сообщаться и служить невозбранно»; государь 2 марта своими грамотами извѣстилъ всѣхъ архіереевъ, что онъ, посоветовавшись съ освященнымъ соборомъ, указалъ: «митрополиту Іоаннѣ быть на митрополіи въ Ростовѣ, а на Москвѣ благодѣтелемъ соборныя апостольскія церкви быть Павлу митрополиту»¹.

Іона лишился своего высокаго назначенія, но этимъ не было уничтожено его личное вліяніе въ Москвѣ; извѣстно, что почти каждый годъ онъ присутствовалъ на соборахъ, надолго отлучаясь изъ своей митрополіи, но его эпоха оставила въ Ростовѣ цѣлый рядъ памятниковъ, говорящихъ о плѣнительныхъ замыслахъ владыки, украшавшаго свой престолъ архитектурой и живописью.

Что же это было за время? какова была обыденная жизнь тѣхъ, кто оставилъ по себѣ слѣды высокаго лучезарнаго творчества? Одно «дѣло» воскрешаетъ передъ нами жизнь эпохи не въ творческомъ моментѣ, а въ тяжелой повседневности, въ темнотѣ народной жизни.

«Изъ преданій старины извѣстно, что владыки митрополиты особенно торжественно праздновали въ Ростовѣ день св. Леонтія, Ростовскаго чудотворца.— 23 мая. Гости и богомольцы съѣзжались въ Ростовъ за нѣсколько дней до праздника и отъ этихъ съѣздовъ образовалось нѣчто въ родѣ небольшой ярмарки, которая еще и до нынѣ славится у ростовскихъ торговцевъ, какъ порядочный базаръ 23 мая. Съѣзды епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ съ иноками и служками, почетныхъ гостей и крестьянъ съ оброками представляли чрезвычайно разнообразную картину. Особенно было интересно видѣть, когда, послѣ торжественнаго служенія у мощей угодника въ древнемъ соборѣ, было шествіе въ кремлевскій митрополитій домъ, въ близкую гостиную палату, гдѣ происходила обильная трапеза. Не забывался и народъ: ему выкачивали на площадь, близъ собора нѣсколько сотъ бочекъ пива, которое, конечно, не долго оставалось послѣ того въ бочкахъ.

¹ Митропол. Исторія русской церкви, т. XII.

Западная стѣна Ростовской митрополіи.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, въ 1693 г., когда пириество было въ самомъ разгарѣ и пиво въ бочкахъ стало быстро усыхать, митрополитчій слуга Никита Хухаревъ затѣялъ ссору съ посадскимъ Гришкой Севастьяновымъ. Какъ видно изъ сыскаго дѣла, Севастьяновъ хотѣлъ не только выпить, но и пообѣдать на митрополитчьемъ дворѣ, а за обѣдомъ кормили только пріѣзжихъ гостей, да домовыхъ крестьянъ. Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ Григорій не принадлежалъ, и митрополитчьи слуги стали отъ столовъ его гнать, а Никита Хухаревъ началъ еще и насмѣхаться и «сказывать», что де «ты нищаго то притворяешь», есть де, «у тебя съ осмину жемчуга, а съ деньгами не одна де кадушка». Севастьяновъ такихъ поносныхъ рѣчей не стерпѣлъ, и взялъ митрополитчьяго служку за бороду и такъ трясъ, что «добрый клочъ бороды въ рукахъ оставилъ». Начался крикъ, за Хухарева вступились другіе митрополитчьи слуги, за Севастьянова — посадскіе и совершилось сраженіе. Дѣло разыгралось близъ деревянныхъ навѣсовъ «блинныхъ» около ветхаго гостинаго двора: во время свалки навѣсы рухнули надъ очагами съ горячими углями; вспыхнулъ пожаръ, запылали лавки. Къ счастью, какъ значится

въ аклахъ, но Божьему милосердію и заступничеству угодника Леонтія чудотворца, вкруть пошелъ столь сильный дождь, что пожаръ сталъ ослабѣвать и скоро прекратился. Однако, сгорѣлъ гостинный дворъ, три ряда лавокъ и «сѣзжая изба». Обгорѣла и церковь св. Екатерины, стоявшая въ центрѣ торговыхъ рядовъ.

Начался судъ и розыскъ. Митрополитій слуга Никита Хухаревъ да посадскій человекъ Гришка Севастьяновъ были пойманы и «пытаны: дано три стряски, по десяти ударовъ клещами и огнемъ жжены и въ пелѣ висѣли», но съ пытки твердили только одно, что были пьяны и никакого худого вымысла за собою не вѣдаютъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что преступники были «биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку»¹.

«Во время судебного процесса произошелъ слѣдующій замѣчательный случай. Ростовскимъ воеводой въ это время былъ Василій Кафтыревъ, человекъ жестокій, не знавшій никакого состраданія и жалости. Сѣзжая изба сгорѣла и была переведена въ холодныя каменные палатки подъ соборною колокольнею. 20 июня, во время особенно почитаемого тогда Ростовцами праздника Владимірской Божіей Матери, чудотворная икона которой составляетъ главную святыню соборнаго храма, митрополитъ служилъ обѣдно, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора воевода чинилъ розыски по пожарному дѣлу.

Когда преступниковъ пытали и въ другоредъ клещами и «огнемъ жели», митрополитъ въ открытое соборное окно услыжавъ неистовые крики своего митрополитіаго слуги Никитки Хухарева, приказалъ остановить богослуженіе. Онъ послалъ сказать воеводѣ Василю Кафтыреву, что пока не перестанетъ мучить и истязать его вѣрныхъ слугъ, онъ не станетъ продолжать литургіи. Воевода, должно быть уважая гибель ростовскаго владыки, прекратилъ расправу до другого дня»².

Живую картину стараго русскаго судопроизводства, былого сутяжничества и ябедничества, даетъ народная сатирическая сказка, созданная, очевидно, гдѣ то около Ростова. Въ рукописи 18-го вѣка она носитъ заголовокъ: «Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Лещъ съ Ершомъ»; проще она называлась «сказкой о Ершѣ Щетинниковѣ».

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбцѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сыннико боярскаго Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человека на Ериша Щетинникова и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человекъ Щетинник(ов)ъ насѣданикъ лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ; расплодился тотъ ершъ по рѣкамъ и озерамъ, онъ собою малъ, а щетины у него аки лютыя ромшатины, и онъ свилнися съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и озе-

¹ А. Г. Востоковъ. — Ермъ Ростовна Великаго. — ² А. Нерс., — Родныя картинки.

рамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями».

Дали говорить Ершу:

«...Я, господа, Ершъ божією милостію, отца своего благословеніемъ и материни молитвами, не смутчикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ никогда не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимывали: человекъ я доброй, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ Городахъ князи и бояря, стольники и дворяни, жильцы московскіе дяки и подьячіи и всякихъ чиновъ люди и покунають меня дорогою цѣной, и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ передъ собою честно. И многіе добрые люди кушають съ похмелья и, кушавши, поздравляютъ»...

Послѣ долгихъ препирательствъ «судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня (назвима), приказали взять ко правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь смелъ въ Понятыхъ Мня, и Мень Окуню приставу сумить посулы великіе и рече: «Господине Окуне! Азъ не годуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю»... Переславская сельдь рече въ правдѣ: «Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человекъ доброй, христіанинъ Божій, живеть своею, а не чужею (силою); а Ершъ, господа, злой человекъ, — Щетинникъ»... Поставленный въ свидѣтели Осетръ тоже далъ показанія не въ пользу Ерша: «Азъ, господа, не въ правдѣ¹ и не въ послушествѣ, а впрямъ (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварить его въ ухѣ, а столько не събдять, сколько распыоуть».

Послѣ этой общей неблагопріятной характеристики Осетръ рассказывалъ о коварствѣ Щетинника:

Шель разъ Осетръ жить въ Ростовское озеро. Повстрѣчался ему Ершъ, спрашиваетъ: «Братецъ Осетръ, гдѣ идеши?» И азъ ему повѣдалъ: «Иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать». И рече ми Ершъ: «Братецъ Осетръ, когда азъ шель Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ больше тебя и доле: бока мои терли у Волги-рѣки береги, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скудень, — иду изъ Ростовскаго озера». Азъ же, господа, слышавъ такое его прелестное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро, къ рѣкамъ жировать, дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ».

Другой разъ Ершъ заманилъ Осетра — стараго мужика въ неводъ: «И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да

¹ Г. е. не ради суда.

увязъ, а невѣдь, что боярской дворъ—итти ворота широки, а вытти—узки». Осетра выващили. И стали бить дубинками по головѣ, и я нача стонать и онъ Еришь рече ми: «Братецъ Осетръ, терпи Христа ради!»

Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леца съ товарищами оправить, а Ериша обвинить. И выдали истеду того Ериша головою и велѣли казнить торгового казнию—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣстивъ въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за избѣдничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Влопъ, а печаталъ Ракъ своею заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ¹ переславской. Да на того же Ериша выдали правую: гдѣ его застануть въ своихъ вогнивахъ, дуть его безъ суда казнить.

Рече Еришь судьямъ: «Господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леца съ товарищи оправили, а меня обвинили».

Ипоцудъ Еришь судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворость, только того Ериша и видѣли»².

Еще одинъ документъ,—обращеніе Ростовцевъ къ своему митрополиту Іоаннѣ, Государю, на котораго возложены послѣднія надежды безправнаго и угнетеннаго народа, вскрываетъ намъ жизнь эпохи.

«Да онъ же воевода намъ сиротамъ чинить всякіе большіе налоги, и сираниваетъ на насъ поминковъ и почестей болшихъ, и въ ищовыхъ искахъ, и въ кабальномъ и безкабальномъ долгу, черезъ поруки, на правержѣ бьетъ и въ тюрьму сажаетъ для своей корысти, и мы сироты отъ тоѣ его воеводекой налоги и обиды вконецъ погибли. Умилостився, государь, пресвященный Іона, митрополитъ Ростовекій и Ярославскій! Пожалуй насъ сиротъ, вели, государь, челобитье наше и явку записать, чтобы намъ сиротамъ отъ его воеводекой налоги и отъ дѣловальника... отъ Великаго Государя въ ищѣ и опалѣ и на провержѣ забытыми не быть и вконецъ не погибнуть. Государь, смилуйся пожалуй»³.

Къ счастью, сохранился самый царскій наказъ 1661 г. Григорію Пустошкину, посылаемому въ Ростовъ⁴. Онъ даетъ драгоцѣнныя черты Московской тактики «во всемъ Государеву дѣлу некачь прибыли».

«Григорію Пустошкину пріѣхавъ въ Ростовъ взять у князя Ивана Елецкаго ключи гороховые, и нарядъ и въ казиѣ зельѣ и свинець, и всякіе пушечные и въ житницахъ всякіе хлѣбные запасы... и каковы въ Ростовѣ тайники и колодези и какова въ нихъ вода, и въ осадное время въ Ростовѣ скудно не будетъ ли, и что

¹ Сидоровъ. ² Афанасьевъ. Русскія сказки. Изъ рукописи, сбор. XVIII ст. II. 1. Забѣна. ³ «Акты историческіе», т. IV, стр. 315. ⁴ Тамъ же, Архивъ А. С. Гапнева. «Царскій наказъ 1661 г. Григорію Пустошкину».

въ приказной избѣ какихъ Государевыхъ судныхъ вершоновыхъ и невершоновыхъ дѣлъ: и ему то все велѣть написать въ книги подлинно, по статьямъ, да о томъ о всемъ и о приѣздѣ своемъ отписать, и тому всему роспись и смотру своего всякихъ людемъ списокъ въ тетратѣхъ прислать къ Великому Государю.

... никакимъ людемъ на себя работать не велѣть, чтобы ни отъ какихъ людей ни въ какихъ обидѣхъ и налогахъ и въ посулахъ челобитья Государю на него не было. Да и того ему беречь накрѣпко и заказъ крѣпкой всякимъ людемъ учинить, чтобы въ Ростовѣ въ городѣ и въ острогѣ и на посадѣ и на слободахъ, въ дѣтніе въ жаркіе дни избѣ и мылеиъ никто не топилъ, и въ вечеру поздно съ огнемъ не ходили и не сидѣли. А однолично Григорью жить въ Ростовѣ съ великимъ береженьемъ, неполюшно, и Государевымъ Царевымъ и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, всякимъ дѣломъ промыслиати по сему нашему Государеву наказу и по указнымъ грамотамъ, и смотря по тамошнему дѣлу, и во всемъ Государеву дѣлу искати прибыли.

А только онъ въ Ростовѣ начнетъ жить, оплюшно и его оплюшкою и береженьемъ въ Ростовѣ какое дурно учинится, или онъ будучи въ Ростовѣ, учнетъ дѣлать кому какіе обиды и налоги, или учнетъ у кого отъ какихъ дѣлъ имать посулы и поминки, а послѣ про то същется: и ему Григорью отъ Государя Царя

Каменный крестъ 1458 г.

«Бѣлая палата».

(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца быть въ великой онаѣ и въ жестокомъ наказаніѣ».

Какъ ни была заботлива Москва о своихъ прибыткахъ, она не смогла оградить Ростова отъ жадности воеводы. Нѣкоторыя выраженія мольбы Ростовцевъ кажутся заимствованными изъ царскаго наказа, очевидно твердо усвоеннаго воеводой. Намъ неизвѣстно, принялъ ли участіе Ростовскій митрополитъ въ бѣдствіяхъ своей паствы въ данномъ случаѣ. «Итописецъ Ростовской» свидѣтельствуетъ, что Юна, въ другомъ случаѣ, заступившись за столицу Мусину-Пушкину, «спизвергнувъ со Ростовскаго воеводства воеводу Бестужева» (1674 г.).

Вдова стольника Прина Мусина-Пушкина принадлежала къ интереснѣйшимъ лицамъ эпохи. Драгоцѣнный обликъ ея дошелъ до насъ съ измѣненными и недостоверными чертами, такъ какъ ея жизнеописаніе было доведено до легенды, но и въ сказкѣ можно находить конкретныя черты эпохи.

Дѣтскіе и дѣвичьи годы Прины протекли частью въ Москвѣ въ родовомъ домѣ ея отца — боярина Алексѣя Козмича Луговскаго, частью въ Ростовѣ, куда бояринъ часто ѣздилъ. Находясь при дворѣ, Алексѣй Козмичъ знакомился съ иностранцами и, будучи новымъ человекомъ новаго времени, пожелалъ дать и даль своей дочери современное иностранное образованіе. При всемъ томъ Прина отличалась и замѣчательной красотой, изъ Московскихъ красавицъ «Овчинниковская» (гдѣ былъ домъ боярина Луговскаго) была въ числѣ первыхъ.

Сказаніе отмѣчаетъ, что въ пылкой душѣ Прины воскресъ духъ былаго героизма, такъ часто присущаго князьямъ древняго Ростова. Эта черта, очевидно, проявилась не въ чопорной Москвѣ, а въ захудаломъ Ростовѣ. Здѣсь она ѣздилла верхомъ и охотилась съ несравненнымъ искусствомъ и отвагой. Но эта отвага пригодилась не только на охотѣ. Ея отецъ, не превышая въ этомъ случаѣ понятій своего времени, думалъ отдать Прину замужъ за нелюбимаго ростовскаго боярина. Прина бѣжала ночью съ Богданомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, приглянувшимся ей, въ престольный праздникъ Покрова, въ ихъ приходѣ. Молодые счастливо жили въ тихомъ родовомъ имѣніи Алексѣя Богдановича въ Плюмѣ на рѣкѣ Мологѣ до объявленія похода противъ Литвы. Молодой бояринъ тотчасъ же собрался на войну, а вмѣстѣ съ нимъ поѣхала и его жена Прина, подъ видомъ младшаго брата Ивана.

Безаримбная храбрость, оказанная братьями Мусиными-Пушкиными подъ стѣнами Смоленска, обратила на нихъ вниманіе царя, они были щедро награждены, и только бояринъ Луговской, также находившійся на войнѣ, узналъ въ Иванѣ Мусинѣ Пушкинѣ свою дочь Прину. Война окончилась. Возвратившись къ мирной жизни, Мусины-Пушкины поселились въ Угодичахъ, когда то бывшей лѣтней

Соборъ Успенія Пресвятой Богородицы.

15—16-й вѣкѣ.

резиденціи князей Ростовскихъ. Здѣсь, увлеченные славнымъ прошлымъ Ростова, они ревностно принялись собирать древнія рукописи и заниматься исторіей Россіи.

Есть глухое указаніе, что въ 1672 г. Алексѣй Богдановичъ напечаталъ въ Москвѣ «Книгу о Славяно-русскомъ народѣ и великихъ князьяхъ русскихъ, от-

коѣ произвѣдѣ корень ихъ на Русь». Смерть Богдана Алексѣевича прервала его труды, но Ирина не прекращала переписки съ иностранцами, что способствовало выработкѣ самостоятельныхъ и независимыхъ суждений. Ростовскіе воеводы, преданные благамъ Москвы, зорко слѣдили за этой перепиской. Результатомъ ихъ доносовъ былъ пріѣздъ Артамона Матвѣева для сыска. Преступнаго не нашли ничего, но, за «неумѣстныя ея воззрѣнія», стольницѣ былъ запрещенъ вѣздъ въ Москву, переписка была запрещена, исключительное право рыбной ловли въ озерѣ было отобрано.

Иона Сысоевичъ, высоко цѣнившій Ирину, «спизвергнулъ съ Ростовскаго воеводства Андреяна Дмитріевича Бестужева за неумѣстныя нападки на стольницу»¹, но въ самой Москвѣ, все еще опасливой ко всякой самобытности, не были склонны къ великодушію Ростовскаго митрополита: въ 1684 г. послѣдовалъ новый доносъ воеводы Давыдова, и въ слѣдующемъ году вновь былъ присланъ Матвѣевъ. Этотъ вторичный сыскъ ускорилъ кончину Ирины. Такъ погубила царственная Москва культурныя начинанія одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ. Въ 1690 г. Иона ушелъ съ Ростовской митрополіи «на покой», но истиннымъ покоемъ для этого человѣка была только смерть. Въ томъ же году онъ скончался. Потративъ изъ домовой казны на поминовение и погребеніе 871 р. 12 алтыгъ и 2 деньги, его похоронили въ Ростовскомъ соборѣ, а вмѣстѣ съ нимъ митрополія погребла и быдую силу, а Ростовъ потерялъ послѣднее величіе.

¹ Артыновъ. Рукосль «Исторіеца Ростовскаго».

Фреска Леонтьевского прѣдѣла въ соборѣ.

(Съ копїи, хранящейся въ «Бѣлой палатѣ»).

IV.

ЗАХУДАНІЕ РОСТОВА.

9 іюля 1692 года Ростовъ былъ причисленъ къ Ярославскому воеводству.

Предпрїятія и реформы Петра лишили Ростовскую митрополїю богатствъ, когда то огромныхъ. Въ концѣ 17-го столѣтїя митрополїи принадлежало больше 16 тысячъ душъ и тысяча триста двадцать четыре животныя. А въ 1708 г. святитель Дмитрій, благодаря митрополита Юва за присланную въ подарокъ полбочки рыбы, писалъ: «не пмавъ чмъ воздать, убогъ сый; молю богатаго въ милости Христа, да Онъ воздастъ».

Но Дмитрій былъ убогъ только матеріально. Извѣстнымъ ораторомъ и писателемъ прибылъ онъ въ Ростовъ, гдѣ просвѣщеннаго митрополита больше всего поразило общее невѣжество; передъ нимъ открылась печальная картина скудости душевной и матеріальной. Тѣмъ разительнѣе было невѣжество Ростова, чѣмъ живѣе была память о древней просвѣщенности.

Въ Ростовъ было переведено въ началѣ 13-го вѣка первое на сѣверѣ училище; въ серединѣ того же вѣка на клиросахъ собора пѣли по гречески и по русски; въ 1365 г. здѣсь серьезно изучалъ греческій языкъ Стефанъ Пермскій, просвѣтитель

дыривъ. Святитель Дмитрій не нашель ни училища, ни поддержки своимъ культурнымъ начинаніямъ.

Столыникъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ мало походилъ на свою мать: притѣвленія, чинимыя Дмитрію, были настолькоъ значительны, что училище «греческое и латинское» пришлось на время закрыть. Въ Бѣлой палатѣ за трапезой Петръ сказалъ воеводѣ: «если тебѣ прикажетъ архіерей домъ архіерейскій перенести на островъ, то ты непременно сдѣлай».

Петръ умѣлъ цѣнить митрополита Дмитрія, представленнаго ему въ Кіевѣ еще Маденой, но царская шутка имѣла мало значенія: митрополитъ занимался не переносомъ архіерейскаго дома, а просвѣщеніемъ, и встрѣчалъ на своемъ пути постоянныя препятствія. Мелкіе доносы и обиды сторожили Дмитрія на каждомъ шагѣ. Такъ много непріятностей перенесъ святитель за то, что употребилъ старыя ризы прежнихъ митрополитовъ на костюмы рождественской комедіи. Многое измѣнилось въ митрополіи; непонятнымъ могло казаться великолѣпіе архіерейскаго дома, когда митрополиту часто изъ-за скудости средствъ приходилось ходить пѣшкомъ.

Духъ времени сказался и на убранствѣ покоевъ святителя. «Комнаты оныя украсилъ портретами своего отца—Саввы Туптала, архіепископа Лазаря Барановича, митрополитовъ Варлаама Яенискаго и Стефана Яворскаго, глобусами, небеснымъ и земнымъ, въ станкахъ столярныхъ и пр. Въ нихъ же помѣстилась и его бібліотека около 300 томовъ, которую онъ пополнялъ неустанно, выписывая книги изъ-за границы черезъ Архангельскъ»¹. «Самъ святитель, въ это время, былъ бѣлокурый съ просѣдою, худенькій человекъ небольшого роста, сторбленный, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ, ходившій обыкновенно въ шерстяной раскѣ любимаго темно-зеленаго цвѣта»².

Въ 1709 г. въ Ростовъ должна была притти послѣдняя царица Ирасковья Феодоровна для поклоненія иконѣ Толгской Божіей Матери, изъ-за дурного пути перенесенной для царицы изъ Ярославля въ Ростовъ. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій, которому была открыта его скорая кончина, сказалъ: «Се грядуть въ Ростовъ двѣ царицы. Царица Небесная и царица земная; токмо я уже видѣть ихъ не сподоблюся». Святитель скончался наканунѣ прихода царицы. Вечеромъ послѣдняго дня жизни, митрополитъ позвалъ въ свой покой пѣвчихъ, и они пѣли ему его юношескіе псалмы. Дмитрій слушалъ пѣніе, грѣясь у печки и, отпуская пѣвчихъ, задержалъ одного изъ нихъ, любимаго переносчика сочиненій. Ему митрополитъ началъ разсказывать о своемъ дѣтствѣ, юности, о пережитыхъ молитвенныхъ восторгахъ. Про-

¹ Синодальныя бібліотеки напечатаны Гитовымъ въ примѣчаніяхъ въ «Архерею Ростовскимъ дѣтстве», подлѣтъ имѣть мало характерности интереса Дмитрія, не ограничивавшагося церковными вопросами, а старавшагося сблизить за европейской просвѣщенностью. ² И. Шляпкинъ, «Св. Дмитрій Ростовскій и его время», Спб. 1891 г.

*Митра
Ростов-
скихъ
архіереевъ.*

1634 г.
(Фот.
В. А.
Донатина).

вожая изъ келии пѣвчаго, Дмитрій поклонился, прощаясь, почти до земли. Утромъ его нашли скончавшимся на колѣняхъ.

Святитель Дмитрій былъ послѣднимъ блестящимъ и свѣтымъ явленіемъ на митрополичьемъ престолѣ Ростова. Съ «ростовской лужи», какъ Петръ называлъ озеро, поднимались испаренія, опасныя для великаго императора. Доснѣей Глѣбовъ, слѣдующій злополучный митрополитъ Ростовскій, принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ въ пользу первой супруги Петра—Евдокии Феодоровны. Звѣрскія пытки и казни на Красной площади постигли заговорщиковъ. Высокій санъ не спасъ Ростовскаго владыку: онъ былъ колесованъ. Но зрѣлище пытокъ не удовлетворяло Петра, ему нужны были показанія: онъ наклонился надъ умирающимъ Доснѣемъ, что то спрашивая. Митрополитъ плюнулъ и скончался.

Слѣдующій митрополитъ — Георгій Дашковъ, былъ вице-президентомъ Синода и, покровительствуемый Долгорукимъ, желалъ мысль быть патриархомъ. Все перемѣнилось съ воцареніемъ Анны. Георгій былъ лишень сана и сосланъ.

Итакъ, мы уже встрѣчали на Ростовской митрополіи попытки политической борьбы, интриги и заговора, но непримиримымъ протестантомъ правительству былъ Арсеній Мацѣвичъ, вступившій на митрополию въ 1742 г., человекъ, богато одаренный, образованный, а главное пламенно вѣрившій въ правоту своего дѣла.

Личность Арсенія III до сихъ поръ остается неразгаданной. Самыя свѣтлыя и возвышенныя черты его характера уживались съ темными и низкими. Вѣрно

одно — это была исключительная личность и, как это часто бывает в русской действительности, личность непонятная современникам и загадочная потомкам. При неиссякаемом запасе энергии, жизнь Арсения была сплошной горячкой для, самого разнообразного. Сперва он выдвинулся на поприще экзаменатора ставленников по Московской епархии, затем был участником Камчатской экспедиции 1734—1736 г., с лейтенантами Муравьевым и Павловым был арестован, но оправдан, в 1738 г. был законоучителем Академии Наук и экзаменатором Петербургских ставленников. В 1741 году, по выбору Анны Леопольдовны, Арсений был назначен на Тобольскую митрополичью кафедру, а в следующем году переведен в Ростов.

Здесь деятельность митрополита была весьма разнообразна. То безмеловично, «без всякаго похлебства», борется он с расколом, то, будучи страстным любителем лошадей, которых у него было до шестисот, зорко присматривает за конскими заводами, не брезгуя никакой работой; объезжал епархию, «обиралъ серебряныя и жемчужныя украшения на обогащеніе своей ростовской церкви»¹; во всем проявлял доброту и неомърную жестокость.

Но к истинному служению Арсений увидывал призванным себя, когда сперва Петръ III, затем Екатерина пожелади отобрать у духовенства церковныя имущества. Сь безиримѣрным жаромъ встрѣтилъ онъ мѣропріятія правительства; посылалъ протесты въ Синодъ, предавалъ въ Ростовскомъ соборѣ проклятію «Еретиковъ», покусившихся на церковную собственность². Протесты были переданы государынь; Арсенія арестовали и привезли въ Москву³.

Едва ли понятный современникамъ, митрополитъ обладалъ огромной силой личнаго обаянія; часто простые люди сохраняли на всю жизнь чувство глубокой преданности къ Арсенію. Имъ мы обязаны возникновеніемъ нѣсколькихъ легендъ о пострадавшемъ митрополитѣ, легендъ не всегда исторически вѣрныхъ, но отражающихъ образъ большой личности.

Такъ, Александръ Златоустовъ, свидѣтель суда и лишенія Арсенія знаковь митрополичьяго достоинства, рассказывалъ Артынову: «Арсеній предсталъ на судъ,

¹ Архиреемъ Ростовскимъ вѣдомск., стр. 19. Арсений, между прочимъ, увезъ изъ Романова-Борисоглебска традиціонный образъ Спасителя, работы Дюшисъ Глушицкаго (?). Образъ былъ возвращенъ въ 1793 г. ² Арсенію жемчужинами добавлены изъ древняго писанаго обрада знаменствованія 1642 г., частью дополнивъ отъ себя. — 3) Иже кто дастъ на церкви Божіи, на храма и мѣста святыхъ, заи кромольники и собѣтница ихъ, да будутъ прокляты. И. Вся наследствующи и обилащи святыхъ Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ земли гѣмъ, отъ древнихъ боголюбцевъ и монаховъ, благочестивыхъ ивѣній и черезъ то, поплоченія Христова діаво безпроникну жертва, истребляющіи, еще не останутся отъ сего же такового начинанія, но и еще поминалии будутъ таковоє злобство, яко Анагій и Сафѣра и яко крайніи правд Божіи, да будутъ прокляты». ⁴ Екатерина писала генералъ-прокурору Габбову, по случаю прибыла Арсенія въ Москву: «Александръ Ивановичъ! шибкошея постоа привезли правд, котораго невоиѣдывать должна; прѣбжанте уже ко мнѣ, онъ здѣсь по дворѣ бытаетъ». Это невоиѣдъ проишодитъ изъ привелетной императрицы, гр. Орлова, Габбова и Шенюковскаго. «Арсеній быль до того стропотенъ, что императрица дала себѣ уши, а ему закланни ротъ». Иконниковъ. «Арсеній Мадрищенскъ». «Русская Старина».

Плащаница Ростовскаго собора.—1661 г.

(Фот. М. А. Орлова).

какъ бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантии съ источниками, въ омофорѣ и бѣломъ клобукѣ, съ панагіей на персяхъ и архіерейскимъ посохомъ, послѣдуемый посошникомъ Александромъ Златоустовымъ. При входѣ въ залу засѣданія взоры присутствующихъ были обращены на выраженіе лица Маціевича, который, вмѣсто страха и унынія, обнаружилъ крайнее негодованіе на свою собратію, дѣйствовалъ и говорилъ, какъ будто онъ былъ вполне самовластный владыка у себя въ епархіи.

Секретарь прочелъ указъ о его низложеніи. Маціевичъ, выслушавъ сіе, громко и твердо сказалъ: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси! Государыня же Екатерина за сіе не удостоится христіанской кончины».

При такомъ трогательномъ зрѣлищѣ поруганія пастыря одинъ митрополитъ Московскій Тимофей не могъ удержаться отъ слезъ и заплакалъ; Маціевичъ указалъ на него рукой и сказалъ: «сей воистину израильтянинъ, въ немъ же лъсти нѣтъ».

Первый приступилъ къ нему митрополитъ Петербургскій и Новгородскій, чтобы снять клобукъ; Арсеній не допустилъ до сего, но съ приличною молитвою

снялъ его самъ и, подавая его митрополиту Дмитрію Сѣчену, сказалъ: «языкъ твой для меня былъ острѣ меча, имъ задохнешься и умрешь!» (Митрополитъ Дмитрій умеръ странною смертію: отъ паралича языкъ его вытянулся на четверть аршина и видъ его представлялъ страшное зрѣлище; отъ этого неестественнаго состоянія языка, отъ длины его и толщины онъ мучительно кончилъ жизнь свою). Вторымъ приступилъ къ Арсенію архіепископъ Псковскій, бывшій другъ Арсенія, Амвросій Зартигъ-Каменскій, чтобы снять съ него омофоръ, но Арсеній съ молитвою снялъ его самъ и, подавая Амвросію, сказалъ: «ядый хлѣбъ мой со мною, ты возвеличилъ на меня записаніе и какъ волъ ножемъ закланъ будешь». (Амвросій впоследствии былъ митрополитомъ Московскимъ, во время бунта въ Москвѣ въ 1771 г. онъ бѣжалъ отъ разъяренной черни и хотѣлъ укрыться въ Донскомъ монастырѣ, но тамъ въ воротахъ онаго мясникъ зарѣзалъ его ножемъ).

Третьимъ по очереди приступилъ къ Арсенію архіепископъ Афанасій Болховской, чтобы снять панатію, но Арсеній съ молитвою снялъ ее самъ и, подавая Афанасію, сказалъ: «младшій благословляется отъ старшаго; устама моя возвѣщу вся судьбы устъ твоихъ; языкъ твой веверѣчивъ былъ на меня, какъ у Арія, ты и умрешь, какъ умеръ Арій». (Афанасій былъ преемникомъ Арсенія на Ростовской епархіи, и кончилъ жизнь свою, какъ Арій, исходомъ воиъ всѣхъ своихъ внутреннихъ).

Четвертымъ приступилъ къ Арсенію Петербургскій викарій Гавріилъ, чтобы взять посохъ Маціевича, но онъ самъ взялъ его съ молитвою отъ посошника Златоустова, — разсказчика сего суда и, подавая Гавріилу, сказалъ: «ты забылъ, какому должно быть архіерею Божию; за Гродіаду твою соперникъ твой задушитъ тебя, зане плясавши съ ней осудилъ мя еси». (Келейникъ Гавріиловъ, изъ ревности, что владыко отбилъ у него любовницу, задушилъ его пуховикомъ). Пятый въ свою очередь приступилъ къ Арсенію Крутицкій архіепископъ Гедеонъ, чтобы снять его мантию, но Арсеній съ молитвою снялъ ее самъ и, подавая Гедеону, сказалъ: «иѣла бяху мнѣ оправданія твоя на мѣстѣ пришествія моего, но ты еси гробъ позлащенный, полный смрада и разныхъ неупотребствъ, зато не увидишь болѣе престола своего». (Гедеонъ, по высочайшему повелѣнію, за разныя неупотребства изъ Москвы удаленъ былъ съ безчестіемъ въ Крутицы, но на пути туда померъ).

Шестой и послѣдній судія Маціевича приступилъ къ нему, чтобы снять съ Арсенія послѣднюю одежду: это былъ Новоснаскій архимандритъ Мисаилъ; Арсеній снялъ съ себя и послѣднюю одежду, находившуюся подъ облаченіемъ и подавая оную, сказалъ: «всякія кончины видѣхъ конецъ, паче врагъ моихъ умудрилъ мя еси и паче старцевъ разумѣхъ, скоро испекъ еси хлѣбъ твой уготованный мнѣ, за то и самъ, какъ хлѣбъ, испечешься въ печи». (Впоследствии времени Мисаилъ,

*Клюбукъ
Ростовскихъ
митрополитовъ.*

1662 г. (Ф)
(Фот.
В. А. Лопатина).

находясь въ тяжелой болѣзни, по совѣту одного знахаря для исцѣленія болѣзни влѣвъ въ монастырскую печь, гдѣ внезапно и умеръ).

Послѣ этого надѣли на Маціевича простую одежду монаха, запретили ему совершать всякое богослуженіе и отправили его съ военнымъ конвоемъ въ Терапонтову обитель.

По словамъ Златоустова, въ свое время, хотя не скоро, но исполнились всѣ предсказанія Маціевича судьямъ своимъ: даже церковь, въ которой былъ собранъ святѣйшій Синодъ, гдѣ судили Маціевича, находившагося въ то время еще въ Ростовѣ, и въ той безъ всякой причины обрушились своды».

Тотъ же послушникъ рассказывалъ о кончинѣ Маціевича на пути въ Сибирь¹; но доподлинно извѣстно, что бывший митрополитъ былъ заточенъ въ Ревельскую крѣпость подъ именемъ «Андрея Вралья», гдѣ и скончался въ 1772 г.

«На пути въ Верхнеудинскомъ округѣ, близъ Нерчинскаго Успенскаго монастыря, среди живописной и населенной мѣстности, стоялъ одинокій погостъ, въ которомъ, во время слѣдованія Маціевича мимо этого погоста, по причинѣ воскреснаго дня происходилъ благовѣсть къ обѣднѣ. Арсеній передъ этимъ сталъ изне-

¹ Проф. Пконниковъ приводитъ вымышленное письмо, составленное кѣмъ либо изъ горячихъ поклонниковъ Арсенія; приводимый Артыновымъ рассказъ, очевидно, исходить отъ одного изъ такихъ писемъ.

могаты и съ великимъ трудомъ продолжалъ путь свой: подходя къ этому погосту, онъ предузнавъ кончину, испросилъ дозволенія у сопровождавшаго его исповѣдаться и приобщиться св. таинъ; ему это было позволено сдѣлать подъ именемъ Андрея, передъ началомъ литургіи мѣстный священникъ былъ духовникомъ Маціевича. Всю божественную службу онъ съ великимъ благоговіемъ и слезами молился передъ иконою Спасителя; настало время приобщенія св. таинъ; священникъ выходитъ со святыми дарами изъ алтара и передъ нимъ смиренно стоитъ въ ссыльной своей сермягѣ арестантъ Андрей и только священникъ проговорилъ до конца исповѣданіе: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую»... какъ передъ нимъ стоялъ уже не ссыльный преступникъ, но маститый старецъ во всемъ святительскомъ облаченіи, сіяющемъ неизрѣченнымъ свѣтомъ; старецъ беретъ изъ рукъ изумленнаго и испуганнаго священника св. дары, входитъ съ ними въ алтарь и по обычаю архіереевъ приобщается на св. престолѣ; потомъ онъ вышелъ обратно изъ алтара, давъ изумленному народу святительское благословеніе, и началъ читать велухъ передъ св. престоломъ: «нынѣ отнущаеши раба твоего владыко»... и не окончивъ еще всей молитвы, всталъ на колѣни и скончался въ положеніи молящагося; въ это время колокола на колокольнѣ звонили сами собой. Тогда же въ томъ же приходѣ и предали землѣ тѣло Ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича».

Ростовская митрополія, существовавшая девятьсотъ лѣтъ, была уничтожена указомъ 1788 года о перенесеніи митрополичьей каѳедры въ Ярославль. Ростовъ потерялъ послѣднее значеніе средоточія духовной власти. Переносъ каѳедры сопровождался безпримѣрнымъ расхищеніемъ митрополичьей ризницы.

Не могли, да навѣрно и не желали увезти лишь архитектурные памятники Ростова. Они остались городу, которому измѣнили всѣ бывшія значенія и составили ему славу великой сокровищницы русскаго искусства. Какъ памятникъ минувшей жизни, они неоднократно переживали опасность разрушенія¹; въ такіе критическіе моменты погибла Красная палата.

Сохранилось письмо одного изъ ростовскихъ гражданъ, очевидца этого разрушенія «Сегодня, — пишетъ онъ, — вмѣстѣ съ П. П. М. и А. Г. С. осматривалъ я аданіе, принадлежавшее прежде Ростовскому архіерейскому дому, по переводѣ коего въ Ярославль, поступившее въ вѣдомство казенное. Нынѣ его разбираютъ, на мѣстѣ же томъ устраиваются будутъ магазины для склада вина. Грустно миѣ было видѣть уничтоженіе болѣе чѣмъ вѣкового зданія, которое безъ всякой поддержки

¹ Въ 1808 г. директоръ путей сообщенія генералъ Бетанкуръ предлагалъ Министерству устроить на мѣстѣ бывшаго архіерейскаго дома гостиницу-армарешный дворъ. Синодъ и архіерей были согласны. Вѣдомства не сошлись въ денежныхъ расчетахъ. Ростовская армария, въ пользу которой хлопоталъ Бетанкуръ въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка все еще была слана огромными денежными оборотами. Однако, въ густо населенномъ Ростовѣ ей не было мѣста, и до 19-го вѣка армария помещалась на льду озера, что содѣйствовало ея нефронтному загроможденію.

Саккосъ Іоны II, митрополита Ростовскаго.—1662 г.

(Фот. В. А. Лопатина).

въ продолженіе слишкомъ подувѣка не только противилось отъ времени разрушенію, но еще какъ бы укрѣплялось само собою. Бывши безъ крова болѣе тридцати лѣтъ, на стѣнахъ его отъ сѣмянъ, занесенныхъ вѣтрами, росли уже довольно не малой величины рябинки и березки, но и за всѣмъ тѣмъ оно стояло, будто слитое изъ какой либо твердой массы. Съ большими усиліями работники разрушали его по частямъ. Въ особенности мнѣ жаль стало такъ называемую Красную Палату. Это обширная квадратная, во второмъ этажѣ, комната; посреди ея столбъ; на него уперлись съ четырехъ стѣнъ своды; на стѣнахъ, сводахъ, простѣвкахъ, откосахъ

окошъ и на столбѣ помѣщены разныя изображенія красками изъ церковной исторіи и лики святыхъ—работы альфреско. Они были такъ новы, какъ будто недавно вышли изъ подъ кисти художника, и изображенія тѣ, сброшенныя сверху вмѣстѣ со стѣнами, разрушенныя отъ паденія въ разныхъ частяхъ, но не потерявшія еще своихъ значеній, навели ящсе уныніе на душу мою. Миѣ пришла мысль, что было время, когда предстоящіе предъ ликами святыхъ, изображенныхъ въ разрушаемой храмѣ, съ благовѣніемъ взирали на нихъ, знаменовали себя знаменіемъ креста и, быть можетъ, лобзали ихъ съ вѣрою. Что же нынѣ? Тѣ же изображенія, тѣ же лики святыхъ, но сброшенныя на землю, и въ какомъ положеніи! Одно—лишенное ногъ; другое имѣеть лишь корпусъ безъ главы; третье, упавъ, встало головою внизъ. Если бы надо было изобразить картину мученичества,—оставалось лишь списать: нельзя найти уподобленія вѣрѣе и ближе къ подлиннику. Не могъ я удержаться отъ слезъ; я скрылъ ихъ отъ спутниковъ моихъ и съ стѣпеннымъ сердцемъ взошелъ на оградную стѣну. На лѣвой сторонѣ по входѣ, осмотрѣвши оставленный безъ всякаго присмотра бывшій большой архіерейскій домъ, площадку, основанную на сводахъ, которая служила нѣкогда сообщеніемъ дома съ церковью Спаса, извѣстною подъ названіемъ «на сѣняхъ» (площадка нынѣ заросла травою, а прежде выслана была чугуными плитами), прошли въ Бѣлую столовую, украшенную въ прежнія времена лѣшною работою, а нынѣ лишенную и самой штукатурки. Она такъ же, какъ и Красная Палата, имѣеть посрединѣ столбъ; и на немъ съ четырехъ стѣвъ устроены своды; въ ней Государыня Екатерина II, во время посѣщенія ею города Ростова для переложенія мощей Св. Димитрія въ новую раку, имѣла трепезу. Возвратясь на оградную стѣну, по ней дошли мы до церкви Юанна Богослова. Тоже слишкомъ столбѣтній храмъ, а живопись альфреско какъ будто сейчасъ окончена художникомъ. Одна лишь надпись по правую сторону царскихъ вратъ на стѣнѣ показываетъ время возобновленія храма. Я списалъ ее. Вотъ она: «Пѣта 7195, іюля 25, возобновленіе всеспльнаго Бога, въ Троицѣ славимаго, помощью и заступленіемъ Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и присно Дѣвы Маріи и молитвами великихъ Святителей Леонтія, Исаія, Игнатія и Іакова епископовъ, Ростовскихъ Чудотворцевъ, совершися и подисася сія святая церковь во имя святаго апостола и евангелиста Юанна Богослова»¹. Ни иконостаса, ни образовъ уже въ церкви нѣтъ: она даже не заперта и оставлена какъ бы забытою. Еще грустиве миѣ стало при мысли той, что въ храмѣ, гдѣ приносилась жертва Богу, гдѣ народъ съ чувствами благовѣнія внималъ ученію Пскупителя черезъ служителей Его, нынѣ мѣсто то, какъ пустыня; однѣ лишь птицы обитають

¹ Надпись въ началѣ приведена невѣрно, у Рихтера мы находимъ: «Пѣта 7191 іюня 1 благоволеніемъ всеспльнаго всеславаго Бога, помощью и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы нашей Владычицы и Приснодѣвы Маріи...

Соборъ, колокольня и церкви Воскресенія.

въ немъ. Долго не могъ оставить я храма и съ скорбію вышелъ изъ него. На возвратномъ пути зашелъ въ разрушаемое зданіе, гдѣ работающіе весьма хладнокровно занимались сломкою его. Быть можетъ, будетъ время, когда совершенно истребится изъ памяти существованіе зданія—нынѣ уничтожаемаго; поэтому то и рѣшился я записать о немъ на память потомству. А если желаніе мое исполнится, то оставшимся зданіямъ буду стараться составить планы и фасады: быть можетъ, и они по времени будутъ уничтожены: но крайней мѣрѣ останется тогда чтонибудь такое, по чему можно будетъ судить о минувшемъ ¹.

¹ Письмо относится къ 1840 г., хотя по рукописи Артынова «Пѣтипись Ростовской» Палата разрушена въ 1832 г. Письмо приведено въ «Очеркѣ дѣятельности Комисіи по восстановленію Ростовскаго Кремля», Ростовъ, 1902 г. и неполно—у А. Титова—«Кремль Ростова Великаго».

Въ этомъ письмѣ мы имѣемъ отраженіе благородной любви къ памятнику прошлаго ¹. Мы можемъ указать, что уже съ 1824 г. были попытки реставраціи зданій «Кремля», но только въ 70-хъ годахъ былъ произведенъ частичный ремонтъ нѣкоторыхъ церквей. А въ 1882—1883 г. «Бѣлая палата» была реставрирована ²; въ послѣдующіе годы поправили те-
рема и прочія зданія архіерейскаго дома, названнаго
«Кремлемъ» и официально признаннаго «дер-
ковно историческимъ памятникомъ».

*Маска
жестыльица
дверей собора.*

¹ Мы должны отметить, что въ первой половинѣ 19 в. среди Ростовскаго кузнечества было не мало горячо любящихъ старое прошлое Ростова. Архановъ въ «Воспоминаніяхъ» приводитъ длинный списокъ кузцовъ, собиравшихся въ Лыраѣ подготовитъ не о торговлѣ, а о преданіяхъ минувшаго. Для разрѣшенія споровъ часто приносили рукописи, которыхъ въ Ростовѣ въ частнахъ собраніяхъ было тогда множество. Но гдѣ для рукописей жакъ божьихъ была любовь? Оттодскомъ разказѣ о Ростовской старинѣ можно считать неудачные разказы вклада, пропавшія по Высочайшему повелѣнію въ 1828 г. ² Реставрація была произведена благодаря предприимчивости и кнушей дѣятельности А. А. Титова и П. А. Шлякова. Черезъ руки этихъ вѣстныхъ археологовъ прошли почти всѣ памятники Ростовской старинѣ. Но существованіе Ростовскихъ памятниковъ нельзя считать обезпеченнымъ. Не перечисляя дѣлѣ жертвъ реставраціи девятистахъ годовъ, мы можемъ указать на разрушеніе въ 1910 г. Северо-восточной башни въ которой нарушили сводъ 17-го столѣтія, и которую послѣ того перекрвали безобразнымъ козлакомъ, тогда же вѣстный кузнецъ, соборный староста, — уничтожилъ часть вала 1632 года и достроилъ его сараями. Даже въ строй Ростовскихъ звоновъ вкрадываются чуждые звуки, такъ какъ недавно были перелиты, и очень небрежно литы въ колоколовѣ.

Художественное наследіе Ростова Великаго

V.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЭПОХА.

Въ Ростовѣ надъ землею не сохранилось памятниковъ искусства ранѣе 15 го столѣтія; первое мѣсто по давности занимаетъ надгробный памятникъ 1458 года. *Стр. 31.* Большое мастерство, съ которымъ выполненъ этотъ ремесленный крестъ, убѣждаетъ насъ въ высокой художественности, проникающей и до второстепенныхъ памятниковъ культуры. Тѣмъ болѣе приходится жалѣть, что намъ неизвѣстны памятники наибольшей славы Ростова; земля несомнѣнно хранитъ драгоценные обломки искусства, но открыть ихъ дѣлю будущаго, мы же въ настоящее время располагаемъ лишь отрывочными свѣдѣніями, сообщающими, главнымъ образомъ, о строительствѣ въ древнемъ Ростовѣ.

О существованіи языческихъ храмовъ въ дохристіанскомъ Ростовѣ настойчиво упоминали рукописи Хлѣбникова, не дошедшія до насъ, извѣстныя только въ выдержкахъ и очень позднихъ спискахъ. Такъ напримѣръ, если довѣрять свидѣтельству Артынова, въ рукописяхъ Хлѣбникова ему встрѣтилось приблизительно слѣдующее: Великій князь Владиміръ, будучи еще язычникомъ, «повелѣ поставити посредѣ града Ростова великую божницу и въ ней поставити Бога Велеса».

Титовъ, пользуясь уже рукописями Артынова, перечисляетъ мѣста древнѣйшихъ языческихъ святищъ. На возвышенномъ мѣстѣ, въ 10 верстахъ отъ Ростова, въ настоящее время занятъ деревней «Поклоны», близъ священной рощи стоялъ священный дубъ. Еще священный дубъ и канище находились почти въ самомъ городѣ, на мѣстѣ современной церкви Благовѣщенія. Наконецъ, близъ деревни Ангелово, что въ древности было «Велесово дворнище», по распоряженію того же Владиміра, былъ воздвигнутъ грандіозный идолъ Велеса.

На закатѣ, когда солнечные лучи падали на позлащенную голову истукана, его ясно видѣли изъ Ростова. Подолъ былъ дубовый и для жреца внутри его находилась лѣтница къ устамъ и очамъ бога, изъ которыхъ раздавались прорицанія и возносились воскуренія.

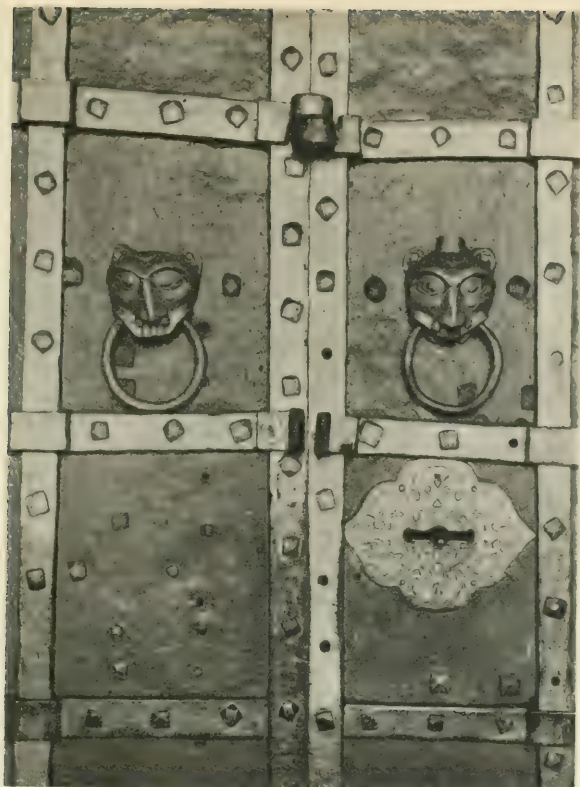
Прекрасная легенда, приводимая здѣсь, къ сожалѣнію, въ испорченной редакціи¹, даетъ намъ поэтической обликъ Ростовской давности такъ, какъ она представлялась въ 16—17-мъ вѣкѣ. Въ легендѣ разсказано, какъ перешелъ Велесъ изъ капища, построеннаго въ центрѣ города, на Чудской конецъ. «Въ Ростовѣ былъ сильнѣйшій пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ до тла весь городъ. Незадолго передъ пожаромъ явилась «звѣзда хвостата», и стала надъ храмомъ бога Велеса, и въ то же время озеро извергло изъ себя огромную рыбу, которую «полтора сорока народа привлекли первіею на княжій дворъ»; затѣмъ въ продолженіе дѣлой педѣли видѣли полумнаго старика, ѣздившаго въ ладѣ по одному и тому же мѣсту озера; днемъ онъ ѣздивъ, а ночью уходилъ въ глубь озера и былъ тамъ до слѣдующаго дня. Наканунѣ пожара на озерѣ показался островъ, посрединѣ его теремъ, въ которомъ сидѣла слѣпая дѣвка; днемъ она выходила изъ терема и ѣздила по острову на косматомъ лѣвѣ; въ самый день пожара теремъ, слѣпая дѣвка и лѣвъ исчезли неизвѣстно куда, а вслѣдъ за этимъ страшная громовая туча разразилась надъ городомъ и зажгла его: первый громовой ударъ разразился надъ храмомъ бога Велеса, гдѣ стоялъ и его истуканъ, слѣпанный «изъ камня многоцвѣтна»; когда храмъ загорѣлся, то истуканъ вышелъ изъ него, какъ живой человѣкъ, пошелъ на востокъ по берегу озера и остановился на Чудскомъ концѣ города. Когда онъ шелъ по берегу озера среди пылающихъ зданій, то озеро кипѣло передъ нимъ какъ въ котлѣ и выкидывало изъ себя множество рыбы, а прудъ, находившійся на княжемъ дворѣ выгорѣлъ въ то время на три сажени глубины. Верховный жрецъ Велеса — Радуга молилъ его не сходить съ своего прежняго мѣста, но Велесъ опалилъ ему за это волосы, а вслѣдъ за тѣмъ у Радуги выросла собачья голова». Указанія на существованіе въ Ростовѣ княжяго терема еще при Владимірѣ, мы встрѣчаемъ въ уже не разъ цитированномъ нами «Лѣтоисцѣ Ростовскомъ» Артынова.

Владиміръ «повелѣ хранины идольскія сокрушати вельми нещадно и посла бирючи своя глашатаи во вся концы града Ростова и по весемъ его да идутъ вси людѣ во градъ во крещенію и аще кто необращетъ у терема княжѣ иже на берегу озера богатый или убогій нищѣ или рабъ противенъ мнѣ да будетъ»².

Въ рукописи «Книга удѣловъ князей Ростовскихъ» перечисляется огромное множество теремовъ, стоявшихъ на мѣстахъ современныхъ деревень. Имена ихъ, а также и родословныя, приводимыя авторомъ, — какимъ либо княжескимъ хорошо

¹ А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ. — ² Лѣтоисцѣ Ростовской, стр. 217., съ примѣчаніемъ: рук. Хлбн.

*Жельз-
ныя
двери*

*Ростов-
скаго
собора.*

освѣдомленнымъ исцѣдомъ. — свидѣтельствуя о глубокой старинѣ этихъ княжескихъ гнѣздъ.

Пословица—«въ Ростовской землѣ князь въ каждомъ селѣ»¹ говоритъ объ огромномъ количествѣ теремовъ, навсегда утраченныхъ памятникѣхъ гражданской архитектуры. Въ области церковной культуры въ далекій, глухой Ростовъ не проникло обаяніе Софіи Царьградской, проникшее въ Кіевъ и Новгородъ. Напротивъ того, Ростовская митрополія находилась подъ сильнымъ влияніемъ «Красно-богатой» лавры Кіевской.

Это преклоненіе передъ древнѣйшей рассадницей культуры, между прочимъ, сказалось въ наивной легендѣ о св. Псаіи. Епископъ Псаія, подобно своему предшественнику—святому Леонтію, былъ изъ Печерскихъ монаховъ. Ужъ одно это

¹ А. Неро. «Родныя картинки». Спб. 1899.

говорить о значеніи Кіевской лавры для отдаленнаго Ростова. Между прочимъ Исая прославился тѣмъ, что безбоязненно «обхождаше грады и веси, сокрушаеи идолы». Послѣдніе имѣли еще многихъ поклонниковъ.

Одважды епископъ услышалъ о «чортовѣ городищѣ», мѣстѣ недавняго поклоненія Велесу. Еще въ народѣ была свѣжа память о великомъ идолѣ, еще стояли развалины храма, построекъ, въ которыхъ помѣщались когда то жрецы, еще видѣлись остатки прудовъ, и ходила молва, что часто бываетъ неладно на мѣстѣ поруганнаго святилища. Во что бы ни стало, Исая пожелалъ быть на городищѣ. Его уговаривали не ходить на поганое мѣсто, но свититель только и отвѣчалъ, что не можетъ быть поганое мѣсто, на которомъ онъ произнесетъ святое имя Бога.

Съ немногими спутниками онъ прошелъ на «Чортово». Осматривая пруды и развалины, епископъ упомянулъ имя Господа и тотчасъ сталъ невидимъ, къ немалому смущенію провожаншихъ его. Онъ вернулся въ городъ. Тамъ популярный Блаженный (городивые играли въ Ростовѣ исключительную роль толкователей), объявилъ смущеннымъ Ростовцамъ, что ихъ епископъ восхищенъ ангеломъ, чтобы присутствовать на освященіи «Небеси подобной церкви»¹.

И правда, скоро вернулся епископъ и рассказывалъ, что «во единомъ часѣ ста въ градѣ Кіевѣ» и былъ на торжествѣ освященія храма. Послѣ того свититель назвалъ «Чортово»—«Ангеловымъ»².

Какъ мы уже замѣтили, въ Ростовѣ не сохранилось памятниковъ старше 15—16 го вѣка; общую участь раздѣляетъ и Ростовскій Успенскій соборъ, хотя и обладающій тысячелѣтней исторіей, но дошедшій до насъ въ постройкѣ конца 15 го столѣтія. Главнымъ образомъ изъ описаній погибшихъ въ пожарахъ храмовъ мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленіе о смѣнявшихъ одинъ другой соборахъ.

Первый соборный храмъ въ Ростовѣ былъ сооруженъ въ концѣ 10-го столѣтія (991 г.). Намъ извѣстно только, что онъ былъ «отъ дресевъ дубовыхъ», да въ Степенной книгѣ говорится о немъ «помощію Божіею да Пречистыя Богородицы честнаго ея Успенія о ней же (церкви) бѣше писано, яко прежде тоя не бысть такія церкви, ниже потомъ имать быти».

Въ посланіи епископа Симеона Владимірскаго мы находимъ, что въ 1099 г. въ своемъ княж (княженіи) христолюбецъ Володимерь, взявъ мѣру божественныя тоя церкви Печерскія, всѣмъ подобіемъ созда церкви во градѣ Ростовѣ, в высоту,

¹ Въ посланіи Симеона, еп. Владимірскаго, мы находимъ, что точно епископъ Исая Ростовскій былъ чудесно помазанъ на освященіе церкви, но тамъ, согласно съ инымъ духомъ религіозности, приписано иное чудо. Шумель Печерскій Іоаннъ не рѣшился и колебался освящать церковь. Но внезапно прибѣгаютъ въ Лавру сѣверные епископы и говорятъ, что они очень торопятся прибавить къ освященію церкви, въ срокъ, назначенному имъ посланіемъ изъ Киева. — Артышова, Рукопись, Литописецъ Ростовской.

Общій видъ Борисоглѣбской слободы и монастыря.

и в ширину и в долготу; но и писменемъ хартіи написавъ, идѣже кѣждо праздникъ (или) в коемъ мѣстѣ написанъ есть; сіа вся в чинъ и в подобіе створи по образу великіа тоя церкви богоназначенная»¹.

Однако, какъ ни трудно утверждать, что въ Ростовѣ помимо собора могла существовать простая церковь, равная Кіево-Печерской, мы не можемъ согласовать это извѣстіе о построеніи каменной церкви съ извѣстіемъ о пожарѣ 1160 года, погубившемъ деревянный соборъ. Мы находимъ въ Никоновской лѣтописи: «Погорѣ градъ Ростовъ мало не весь, и святая церкви соборная пречистыа Богородицы Успеніе юже бѣ создалъ Пларіонъ епископъ, еже бысть преже святого Леонтіа чудотворца епископа Ростовскаго; а создана же бѣ отъ дровъ дубовыхъ, и бѣ чудна и zelo преудивлена, такова убо не бывала и потомъ не вѣмъ, будетъ ли».

Въ 1164 г. при Андреѣ Боголюбскомъ былъ заложенъ новый каменный храмъ. Возводимые своды его² «отъ неискусства нѣмчина Куфира» рухнули въ 1204 г., при чемъ это было предварено небесными знаменіями. Въ 1213 г. Великій князь Константинъ Мудрый заложилъ новый соборъ. Бѣлый камень для него доставляли черезъ рѣчку Вексицу; здѣсь, на «рыбномъ припойѣ», «для образца ростовскому

¹ Яковлевъ, «Памятники русской литературы 12—13-го вѣка», Спб. 1872. ² Въ непримиримомъ противорѣчій съ этимъ извѣстіемъ Артынова, упоминающимъ имя мастера, находимъ мы въ книжкѣ «Иерархи Ростовско-Ярославской паствы», что Блаженный Лука епископъ расписалъ и украсилъ ростовскій соборный храмъ. (1185—1189).

собору, построили небольшую церковь из девятого камня; церковь эта была «о четьре великихъ лба и самую великою главою»¹. Соборный храмъ былъ завершенъ въ 1230 г. блаженнымъ княземъ Василько.

Епископъ Кириллъ «украси церковь Богородицы иконами многоцѣнными иже и въсь мощи и сказати, и съ преднолы, рекни пелены, учини же и кивота два многоцѣнна, и иидитю на Св. трапезѣ, сосуда же и риниды и двери церковныя прекрасны, яже наричотся златыя на подуденной страиѣ, паче же внесе во Св. церковь кресты честныя и многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленіе и покрову граду Ростову»².

Изъ «Архереомъ ростовскимъ лѣтописи» узнаемъ, что въ 1280 г. св. Пгнатій «покры оловомъ соборную церковь ростовскую и дно ея краснымъ мраморомъ помостилъ»³. Въ пожаръ 1408 г. эта церковь сгорѣла. «Нашего ради согрѣшенія, бысть пожаръ великъ на градѣ Ростовѣ, а погорѣ мало не вѣсь градъ. Церкъ соборная стѣны Бца бысть свинцомъ покрыта и растошиа весь отъ пожара Комары-же великая падоша и лобъ церковный позлаченный паде внутрь»⁴.

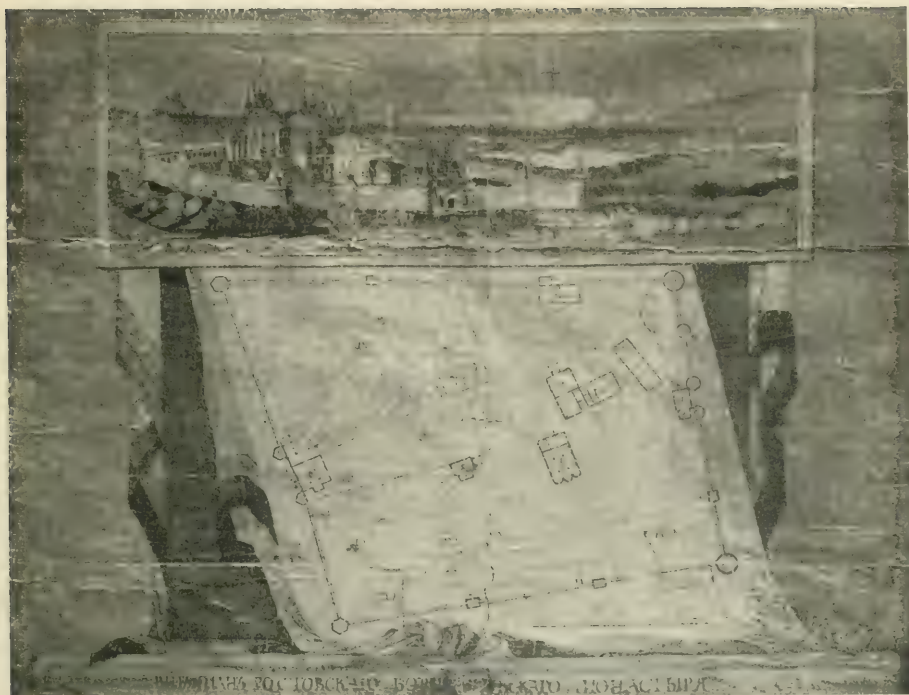
Несмотря на то, что здѣсь термины «Комары» и «лобъ» мѣняютъ свои мѣста, сравнительно съ приведеннымъ выше описаніемъ «обрасца Ростовскому собору», мы ясно можемъ представить себѣ «новгородскій» типъ собора, существовавшего съ 1213 по 1408 г. Въ 1411 г. храмъ былъ уже исправленъ. Епископъ Григорій возобновилъ церковь, «не пощадивъ измѣнїя своего всего на зданіе церковное, поправилъ стѣны и своды, намостилъ церковь дсками каменными и свинцовыми дсками лобъ и комары большія покры... люди дивяхуса, яко въ борзѣ тако сдѣлана бысть церковь»⁵. Очевидно, эта поправка не измѣнила архитектурнаго типа собора; попрежнему четьре стѣны его оканчивались двускатными щипцами и надъ ними высилась одна глава.

Странно, что намъ нигдѣ не удалось найти прямыхъ указаній на капитальнѣйшую перестройку этого храма 1408 года и сооруженіе нынѣ существующаго, всѣ архитектурныя черты котораго ясно свидѣтельствуютъ о концѣ 15-го — началѣ 16-го столѣтїя⁶. Грандіозный соборъ Ростовскій словно созданъ воспоминаньемъ о славномъ прошломъ великаго города. Но памятникъ чутко отразилъ новшества своей эпохи. Своимъ планомъ Успенскій Ростовскій соборъ очень близокъ къ плану Московскаго Архангельскаго, кромѣ того, пѣвая прелесть карнизовъ, которыми обрабо-

¹ Архипповъ, Рукни. «Лѣтописецъ Ростовской». ² Кирилловская лѣтопись. (Гр. М. В. Толстой. «Древнїя святцыя Ростова Великаго».) ³ Никоновская лѣтопись. Подное собраніе русскихъ лѣтописей, т. 10, стр. 157.

⁴ Четь Минея Моск. духовной Академіи, № 73. ⁵ Гр. М. В. Толстой «Древнїя святцыя Ростова Великаго».

⁶ Длин. въ Софійскомъ преносилѣ подл. 1482 г. мы можемъ быть, имѣюъ косвенное указаніе: «Владыка Ростовскій Василий, даде, сто рублѣмъ, мастеровъ иконошникомъ Делісно да попу Тимоюю, да Яргу да Кошѣ, исеати Тимоху въ половъ церкви Свѣтлю Богородицу иже и пачеиаше чело велик, и съ Праздники, и съ Пророки». Софійскыя вторыя лѣтописи. Подное собраніе русскихъ лѣтописей, т. 6, стр. 233.

Планъ Борисоглѣбскаго монастыря.

(Изъ собранія «Бѣлой палаты»).

таны всѣ квадратныя плоскости стѣнъ храма и аркатура главъ, вызываютъ въ представленіи отзвукъ ренессанса, присущій архитектурѣ ранней Москвы. *Стр. 19, 33.*

Уже въ 17-мъ столѣтіи соборъ получилъ южную и сѣверную паперти, не имѣющія ничего общаго съ яснымъ и стройнымъ расчлененіемъ массъ собора; въ концѣ же 17-го столѣтія, а затѣмъ и позже, потерявъ представленіе о нерушимости стѣнныхъ плоскостей собора, прорубили огромныя окна. Современное покрытие и передѣлка главъ принадлежать, очевидно, ремонту послѣ пожара 1730 года. Четырехскатная крыша замѣнила покрытие по закомарамъ, стѣны были сведены подъ одну линію, промежутки между закомарами заложены, подвышенія сбиты¹. Естественно, что

¹ Павлиновъ. «Древности Ростовскія и Ярославскія». На фрескахъ церкви Вознесенія или Невдора Блаженнаго есть изображеніе собора съ неспорченнымъ покрытиемъ.

послѣ такой передѣлки соборъ казался приземистымъ; быть можетъ, тогда же были надложены главы. *Стр. 19, 33, 45.*

Въ первой половинѣ 19-го вѣка была пристроена западная паперть, а въ 90 хъ годахъ было произведено въ русскомъ стилѣ этой эпохи, «возстановленіе пещернаго придѣла св. Леонтія»¹.

Первое документальное свидѣніе о росписи существующаго собора относится къ 17-му столѣтію: «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись» говоритъ, что при Іоуѣ Сисоевичѣ «соборная церковь подписана стѣннымъ письмомъ». Къ счастью, мы знаемъ объ этомъ точнѣе изъ документовъ, напечатанныхъ Забѣлинымъ въ «Материалахъ по исторіи русскаго иконописанія». Въ 1670 и 1671 г. изъ Москвы на митрополичій дворъ посылались мастера «Савастьянъ Дмитріевъ съ товарищи» для росписи собора. Здѣсь работали Ярославскіе иконописцы: «Константинъ да Василей Опаньины, Григорій Степановъ съ сыномъ Дмитреемъ, Дмитрей Афонасьевъ, Якимъ Филищевъ, Иванъ Гордіевъ, Андрейъ Ивановъ, Логинъ Сидоровъ, Семень Ивановъ, Филищъ Ивановъ, Петръ Лукинъ, Тимофей Ѳедотовъ, Ѳедоръ Савинъ, Прокофей Семеновъ, Каргъ Михайловъ, Иванъ Карповъ». Мастера прѣзжали въ Ростовъ два раза. Въ этотъ промежутокъ случился пожаръ, уничтожившій почти оконченную роспись собора. Во второй ихъ прѣздѣ, мы встрѣчаемъ между ними Костромичей Силу и Гурія².

Быть можетъ, этой эпохѣ принадлежали фрески Леонтьевского придѣла, открытыя въ 1884 г., и въ настоящее время совершенно погубленныя безобразной записью ихъ въ 1906 г. *Стр. 79.* До 19-го вѣка въ соборѣ хранилась величайшая святыня всей области—икона Владимірской Божіей Матери, по преданью писаная за печерскаго иконописца Алимпія самимъ Ангеломъ.

Кіевскій патерикъ сохранилъ прекрасную легенду, говорящую о томъ далекомъ времени, когда ангелы вмѣшивались въ работу достойнаго иконописца, когда люди, содержа, не знали, гдѣ кончается работа человѣка и гдѣ начинается творчество ангела³.

¹ Этотъ придѣлъ, очевидно, сталъ пещернымъ въдствие непоправнаго пониженія уровня пола въ соборѣ. Погодина, бывшій въ Ростовѣ около середины 19-го вѣка, передавалъ, что полъ приподнять было нельзя, чтобы полъ имѣлъ свѣтлѣе митрополичьи трюбицы, мѣшающія мозаикомъ. Это пещерно. Уровень сѣверной и южной папертей, построенныхъ въ 17-мъ ст., убавляется въ томъ, что уже въ то время полъ былъ понынѣ до высоты паружата карниза цоколя. Изгнание современнаго собора, ни разу не омѣненное лѣтописцами указаннымъ, не разъ вышло изъ курьезнаго догадки. Такъ, проф. Шеваревъ въ своемъ «Путешествіи въ Кирилло-Владимірскій монастырь», передавъ нѣкоторое измысленіе о пристройкѣ къ старой старинной главѣ четырехъ новыя, возвышавшей же отъ того темнотой (sic), объяснена также прорубка новыя большихъ оконъ. Это толкованіе до нашихъ дней дано въ мѣстныхъ Ростовскихъ изданияхъ. Въ 1777 г., послѣ долгой перенески, соборная роспись была возобновлена. Намъ неизвѣстно насколько это возобновленіе сохранило остатки Юнической росписи, такъ какъ соборъ въ 1841—1843 г. былъ заново очень провинціально живописанъ. Дѣло о возобновленіи живописи, хранившейся въ Ярославской Духовной Консисторіи, говорить объ цѣлостной цѣлительности и добросовѣстности мастеровъ, не порвавшихъ со старой фресковой техникой. «...работу нашу исправлять, какъ и прежде было имъ вѣдо, ибо имъ мало испрошено... Силу же въ стѣнномъ писани знають, яныя совершенно Ярославцы...»

² Не было бы ошибкой думать, что Алимпій, современникъ софійскимъ мозаикамъ, писалъ въ какой-либо

«Охранное знамя Саввы». Соборный храм Борисоглебского монастыря.
(Фот. П. Ф. Борщевского).

Надерашина церковь св. Сергія въ Бориславскій монастырь. 16—17-й вѣкъ.

Богатый кievлянинъ пожелалъ имѣть для своей церкви пять иконъ Денуеса и два мѣстныхъ образа, работы Алимнія. Онъ велъ переговоры черезъ монаховъ, ничего не передавшихъ преподобному, а только вымогавшихъ деньги у богача. Наконецъ, разсерженный, онъ пришелъ въ монастырь, обвиняя Алимнія. Послалъ за тѣми досками, которыя были при заказѣ отданы монахамъ. Къ общему изу-

слертной, безжизненной манерѣ— Одно изъ чудесъ преподобнаго иконописца говорить о томъ, что этотъ иконщикъ не боялся соперничать съ природой. Одинъ богатый кievлянинъ заболѣлъ проказой. Онъ обращался и къ врачамъ, и къ колдуямъ, и къ шейрымъ людямъ, но не получилъ облегченія, обратился въ Печерскій монастырь. Сперва ему стало очень плохо, его постигло наказаніе за невѣріе, но послѣ большой бѣлы направлень къ Алимнію, ставшемуся не только законнымъ даромъ— Много поучивши его о спасеніи души, преподобный взялъ сосудъ съ травами, которыми шилаъ иконы и— семи лице ему украси и струны тѣмныя замазавъ, и сего на первое исцеленіе и благообразіе претвори. Приведенный въ церковь большой получилъ исцѣленіе. М. Викторова. «Кіево-Печерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ». Кіевъ, 1870. В. Яковлевъ. «Памятники русской литературы 12—13 вѣка». Сиб 1872.

Надерашная церковь св. Сергія въ Борисоглѣбсколѣ монастырѣ.

16—17-й вѣкѣ. (Фот. Б. Н. фонъ Эдингга).

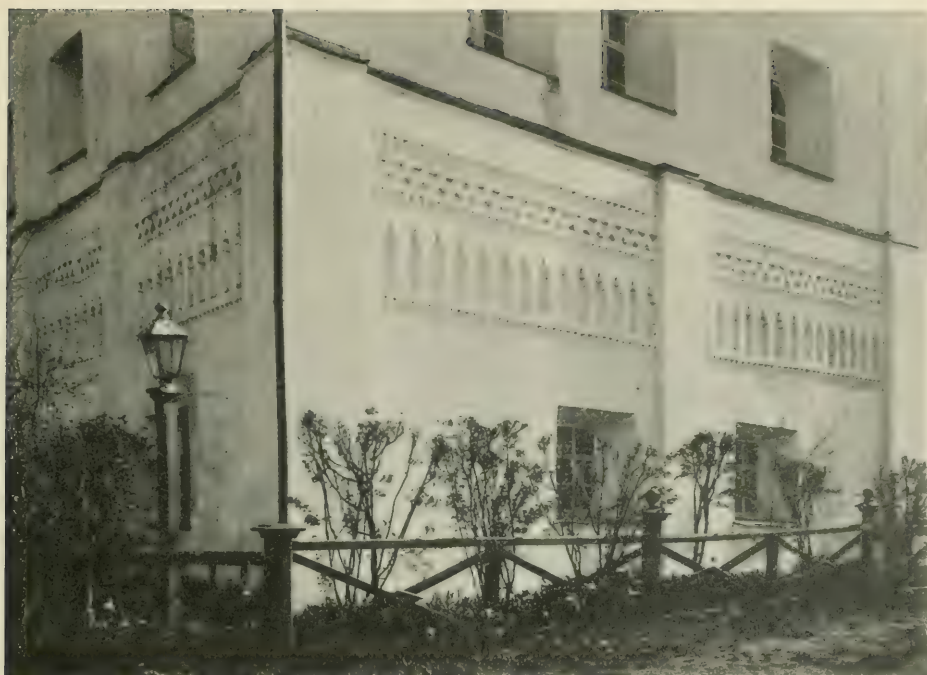
мленію и ужасу, на нихъ оказались прекрасно написанные образа. «Взем-же Владимиръ едину икону, святую Богородицу, и посла въ градъ Ростовъ, въ тамо сущую церковь, юже самъ созда иже и донинѣ стоитъ»... Увы! она не стоитъ донинѣ: «Владимірская Божія Матерь», чудесно перенесшая паденіе церкви, рядъ пожаровъ, ужасы нашествій, погибла подъ рукой реставратора въ началѣ 19-го вѣка. Но тогда еще горожане слѣдили за родовыми древностями, а перепись по настоянію духовенства должна была быть настолькоъ значительной, что иконописецъ, боясь всеобщаго возмущенія, настоялъ на наложеніи печатей на оборотѣ чудотворнаго

Церковь Благовещенія въ Борисоглебскомъ монастырѣ. 16—17-й вѣкъ.

образа. Сохранились интересныя желѣзныя двери, очевидно, принадлежавшія одному изъ предыдущихъ храмовъ, много помнятъ эти химеры, черты которыхъ полны столь страннаго напряжения ¹. Стр. 36, 39. Немного памятниковъ древняго искусства сохранила ризница собора. Уже и въ здѣсь древнихъ рукописей, и въ пышно украшенныхъ митрь и саккосовъ Ростовскихъ архіереевъ. Почти все, что могло казаться красивымъ и значительнымъ, было перевезено въ Ярославль въ 1788 г. съ переносомъ суда Ростовской митрополіи. Почти всѣ лучшіе памятники ризницы

¹ Гр. М. В. Толстой въ книгѣ «Трехъ свѣдѣній Ростова Великаго» приводитъ указаніе, что замѣчательныя прѣдѣлы Владимірскаго Московскаго собора, — южныя и сѣверныя, взяты патриархомъ Филаретомъ изъ Ростовскаго собора.

Декоративный пояс настоятельскаго корпуса въ Борисоглѣбсколѣб монастырѣ.

Ярославскихъ архіереевъ Спасо-Преображенскаго монастыря принадлежали Ростовской митрополіи. Такова митра 1634 г., дарованная Михаиломъ Теодоровичемъ по отцу своему—патріархѣ Филаретѣ *стр. 37*; клобукъ и сакось 1662 г., приложенные Дмитриемъ и Григоріемъ Строгановыми. *Стр. 41, 43*. Изъ оставшихся въ Ростовѣ вкладовъ Строгановыхъ обращаетъ вниманіе плащаница 1661 г., прекрасная по рисунку своего шитья. *Стр. 39*.

Второй по древности памятникъ архитектуры сохранили огромныя стѣны Борисоглѣбскаго монастыря, ооясывающія большой участокъ земли. Пустыннымъ кажется теперь монастырь, его прекрасныя церкви стоятъ между старыми деревьями, на сочныхъ травяныхъ лужайкахъ. Мѣстность очень неровна, но просторна: она представляется такимъ же привольнымъ кускомъ сѣверной природы, какъ лѣса, поля и рѣчки, составляющіе предѣстныя окрестности монастыря. *Стр. 51, 53*. По преда-

Угловая башня стѣнъ Борисоглѣбскаго монастыря.

пю¹, самъ св. Сергій выбралъ мѣсто для построения храма, сказавъ: «сие мѣсто velmi воградится и в предидущія времена будетъ превознесимо подъ большими лаврами». Соборный храмъ построенъ въ 1524 г.; согласно цитированной рукописи, его окончанію предшествовало чудесное нахожденіе извести, необходимой для постройки; такъ строительство часто сопровождалось красивыми легендами.

Строгія массы большого барабана главы и стѣны, заканчивающіяся закомарами, придаютъ этому храму неотразимый отпечатокъ величія. Отмѣчаемъ, что храмъ выдержанъ не въ характерѣ современной ему Московской архитектуры: скорѣе архаическія уже формы Пскова имѣють здѣсь запоздалое отраженіе.

Передѣлки во многомъ исказили древнюю архитектуру; четыре главы по угламъ поставлены въ 30 хъ годахъ 19 го вѣка. Тогда же устроено обезображивающее четырехскатное покрытие и надложена средняя глава. Стѣнопись эпохи Грознаго² закрыта въ 30 хъ годахъ; въ настоящее время стѣны храма раскрашены

¹ Повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ въ собраніи рукописей Троицкой лавры. Хорошо издана въ «Памятникахъ древней письменности. Общества любителей древней письменности» (№ LXXXVI. ² Гр. М. В. Толстой «Древняя стѣнница Ростова Великаго». А. Титовъ, «Ростовскій уѣздъ».

Стѣна и башня Борисоглѣбскаго монастыря.

масляными красками въ стилѣ Храма Спасителя въ Москвѣ и Кіевскаго Владимірскаго собора.

Немного древностей осталось внутри храма, и если бы осталась хотя четвертая часть изъ перечисленнаго во «вкладныхъ и кормовыхъ книгахъ»¹,—монастырь обладалъ бы значительнѣйшей сокровищницей искусства. Прекрасно древне-русское шитье хоругви, носящей анекдотическое названіе «охраннаго знамени Сапѣги». *Стр. 55.*

Къ серьезному и строгому искусству 16-го вѣка относится стѣны надвратной церкви св. Сергія, сооруженной въ 1545 году² *стр. 56, 57*; ворота получили богатую обработку въ концѣ 17-го столѣтія, тогда же или уже въ 18-мъ вѣкѣ были измѣнены главы и покрытіе церкви.

¹ А. Титовъ. «Вкладныя и кормовыя книги Борисоглѣбскаго монастыря».

² Артыновъ. Рукон. «Штописецъ Ростовской». В. Суловъ. «Памятники древне русскаго зодчества», вып. 6.

Соборъ Боголюбскаго Аврааміева монастыря — 1554 г.

(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Мы возвратимся къ некоторымъ постройкамъ монастыря, когда будемъ разсматривать памятники 17 го столѣтія, теперь же отмѣтимъ только, что, очевидно, къ 16 му вѣку относится кирпичный узоръ настоятельскихъ покоевъ при трапезной церкви Благовѣщенія и большая часть самой церкви ¹. Мошь новгородскихъ декораций, всегда простыхъ и логичныхъ, чувствуется въ этомъ рядѣ кирпичей, простота средствъ искусства только подчеркиваетъ его тонкость. *Стр. 58, 59.* Къ 16-му столѣтію относится грандіозная стѣны (высота 15 арш., толщина 3 1/2 арш., окружность 480 саженъ) и некоторая часть башенъ. *Стр. 60, 61.*

Іоаннъ Грозный былъ расположенъ къ Ростову: цѣлый рядъ памятниковъ обязанъ ему своимъ возникновеніемъ. Посѣщая (въ 1556 г.) вѣчную своей матери —

¹ Въ концѣ 17-го вѣка были сдѣланы настоящія окна и пристроена паперть.

Соборъ Боголюбленскаго Аврааміева монастыря.—1554 г.

(Фот. Б. Н. фонъ Эдига).

Угодичи, царь далъ въ судебную избу «свое царское лицо-изображеніе, писанное вапы на дикѣ»¹. Но и Грозный не съ пустыми руками уходилъ изъ Ростова. Изъ собора онъ увезъ полъ краснаго мрамора, а изъ Аврааміева монастыря ту

¹ Въ «Летописцѣ» Артынова сказано, что Грозный, будучи въ 1545 г. впервые въ Ростовѣ, бѣдаль въ Борисоглѣбскій монастырь и приказалъ построить своей царской казнь ограду, башни и святыя ворота.

*Царскія
врата
Нишвинской
церкви*

1562 г.
(Фот. П. Ф.
Борщевского)

свещенную трость, при помощи которой преподобный Авраамій уничтожилъ, послѣ долгой и безплодной борьбы, идола Велеса¹. Трость была передана преподобному Авраамію жившимся ему Иоанномъ Богословомъ, и теперь царь Иоаннъ, собираясь противъ «поганаго царства Казанскаго», взялъ ее съ собою. Казань была взята. Грошій торжествовалъ побѣду, казавшуюся ему сходной съ побѣдой преподобнаго Авраамія; въ 1554 г., вновь будучи въ Ростовѣ, царь приказываетъ построить надъ гробомъ преподобнаго каменную соборную церковь своею царскою казною «за отъ ятую отъ гроба преподобнаго трость Богословлю, на побѣду и одолѣніе Казанскаго царства и тогда же принесе въ обитель иконы нерукотвореннаго

¹ Описание монастыря — Лустина Охотина. Ярославль, 1862 г. А. Титовъ. «Сергіевъ посадъ». 1893 г.

Покрытіе церкви Вознесенія или Исидора Блаженнаго.

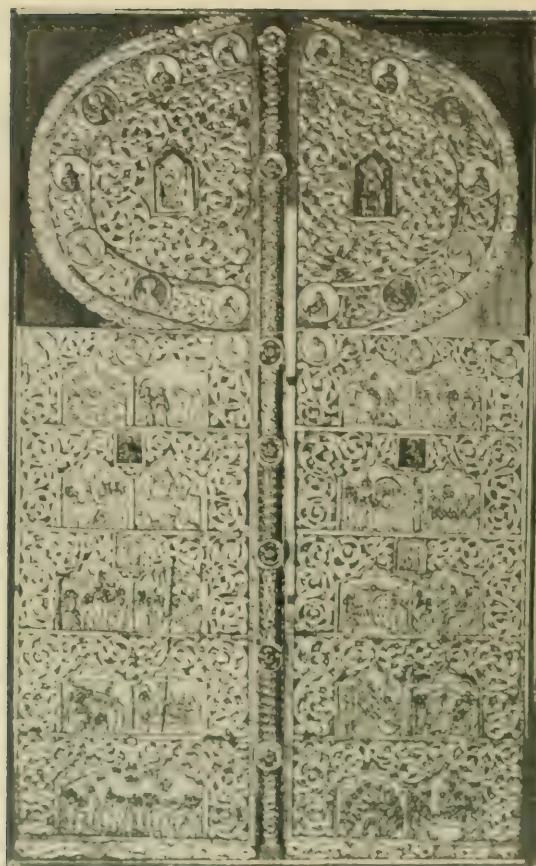
1566 г. (Фот. П. Ф. Борщевского).

спаса на убрусѣ богоматерь Одигитріи и успѣнья Богоматери и яко невѣсту украси имъ церковь Божию»¹. По преданію, церковь два года строилъ царскій мастеръ Андрей Малой.

Дошедшій до насъ соборный храмъ, несмотря на все обезображивающія его передѣлки, частями прекрасенъ, а въ общемъ имѣетъ выдающееся значеніе перваго намъ извѣстнаго примѣра комбинаціи церкви, придѣла и шатровой колокольни, связанныхъ папертью. Стр. 62, 63. Живописная группа въ данномъ примѣрѣ еще лишена симметріи: низкій придѣлъ сѣверной стороны не уравновѣшиваетъ стройную шатровую колокольню. Замѣчательна обработка плоскостей послѣдней.

¹ Артыновъ. Руконисъ «Лѣтописецъ Ростовской».

Царскія
врата
церкви Вол-
несской
Исидора
Ближен-
нико

1572 г.
(Фот. И. Ф.
Борцовскаго)

Монастырь не сохранилъ предметовъ былаго искусства. Остались лишь кресты св. Авраамія ¹, переписанныя иконы Грознаго, да два покроя 17 го вѣка ². Счастливый случай сохранилъ рѣдчайшій и прекрасный памятникъ русской рѣзьбы этой эпохи, находившійся раньше въ монастырѣ. Около 1686 г. монастыремъ была поставлена церковь въ деревнѣ Богослово на Нишѣ. Сюда, очевидно за ветхостію, были переданы царскія врата, поставлены въ монастырь (быть можетъ, въ упраздненный послѣ придѣлъ Усѣвнovenія главы Іоанна Предтечи) еще въ 1562 г. *Стр. 62, 66.*

¹ По характеру подписей и изображеніи крестъ не можетъ быть отнесенъ къ 11-му столѣтію. Треть хранится въ Московской Оружейной палатѣ. ² Одинъ покроя набито на южной двери, другой — на старую раку.

Церковь Спаса Преображенія на Пескахъ.—17-й вѣкъ.

(Фот. Б. Н. фонъ Эдингга).

Подобно амвону Софійскаго собора, царскія врата Пининской церкви имѣютъ два плана. Обрамленія имѣютъ болѣе крупный орнаментъ, всѣ плоскости—болѣе дробный. Безподобный по свѣжести и ясности растительный орнаментъ прерывался лишь сильнымъ пятномъ живописи. Этотъ плоскостной характеръ каждой части вратъ на первое мѣсто выдвигалъ рисунокъ узора. Здѣсь нѣтъ и основной черты прославленной русской рѣзбы 17-го столѣтія—живописнаго движенія массъ и вызванной имъ игры свѣта и тѣни, но тѣмъ яснѣе архитектурное значеніе полувалика обрамленія, сдерживающаго всѣ плоскости. Несвязанность кѣтовъ съ полемъ, позже слетаемыхъ въ одномъ узорѣ,—также черта эпохи, не терпящей спутанности и нечеткости.

Порталъ церкви Архангела Михаила и церковь Благовѣщенія въ Бѣлогостицкой монастырѣ. 1657—1658 г.

(Фот. А. Д. Иванова).

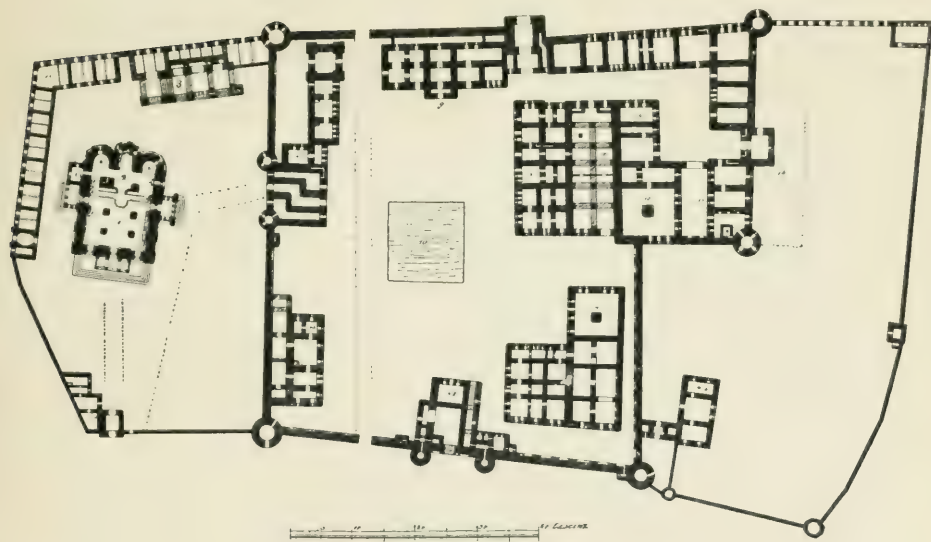
Эпоха Грознаго оставила по себѣ еще одинъ архитектурный памятникъ въ Ростовѣ, — церковь Вознесенія или Исидора Блаженнаго. На каменной плитѣ западной стѣны высѣчена лѣтопись храма: «Лѣта 7074 державою и повелѣніемъ благочестиваго царя государя великаго князя Ивана Василіевича всея руси его царскою казною, поставлена церковь сия Вознесеніе Господне въ ней же исидоръ чудотворецъ при архіепископѣ никандрѣ ростовскомѣ, а дѣлалъ церковь великаго князя мастеръ андрѣй малой». Церковь выстроена въ старозавѣтныхъ новгородскихъ формахъ, въ редакціи Московской архитектуры 16-го вѣка¹. Стр. 65.

Последній разъ, привѣзая въ Ростовъ, царь поставилъ въ церкви Вознесенія цѣпь съ рѣзной подлащенный и въ немъ царскія врата. Эти драгоценныя врата

¹ 18. Имъ вѣку принадлежатъ: фигурная глава, прямо-скатная крыша, безформенныя окна и тяжелая колокольня.

Южная сторона Ростовской митрополии.
Чертежъ начала 19-го вѣка.

Планъ Ростовскаго собора и митрополичьяго дома.

(Изъ книги М. В. Толстого «Древнія святыни Ростова Великаго»).

1. Соборъ. 2. Ризница. 3. Колокольная. 4. Церковь Спаса на «Свяхъ». 5. Церковь «Одигитрія». 6. Григорьевскій затворъ. 7. Церковь Воскресенія. 8. Церковь Іоанна Богослова. 9. Архіерейскіе покои. 10. «Бѣлая» палата.
11. «Красная» палата (не существуетъ). 12. Переходы (не существуютъ). 13. Терема. 14. Мѣсто княжскихъ теремовъ. 15. Соборная лавка. 16. Прудъ.

сохранились, но съ трудомъ можно представить себѣ все значительное великолѣпіе поднаго деисуснаго ряда, до насъ не дошедшаго *Стр. 66.*

На рубежѣ 16-го и 17-го столѣтій строительство надолго замираетъ. Смутное время не создало новыхъ памятниковъ, а губило старые. 17-й вѣкъ открывается храмомъ въ Спасо-Несоцкомъ монастырѣ, выстроенномъ во второмъ десятилѣтій, если вѣрно указаніе А. Титова въ примѣчаніяхъ къ «Архереомъ Ростовскимъ Лѣтописи» (примѣчанія стр. 21). Замѣчательна печальная судьба этой обители.

Основанный въ 13-мъ вѣкѣ княгиней Маріей, дочерью святого князя Михаила Тверскаго и супругой святого князя Василька Ростовскаго, монастырь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ постригнушую княгиню. Ея сынъ, князь Глѣбъ Васильевичъ, былъ на Ростовскомъ столѣ и пользовался большой народной любовью; когда князь скончался, ему отвели подобающее мѣсто въ княжеской усыпальницѣхъ подъ соборомъ. Однако, черезъ девять недѣль останки князя были потревожены епископомъ Игнатіемъ (святымъ): глухой ночью «взрину его поругана и безчестна изъ церкви соборныя въ полночь, и повелѣ просто закапати его въ землѣ у святого Спаса въ княгининѣ монастырѣ»¹. Митрополитъ Кирилль сурово обличалъ Игнатія за поступокъ, непохвальный ни древнимъ лѣтописцамъ, ни историкамъ. «Плачися убо чадо, — писалъ онъ Игнатію, — и кайся до своей смерти, о дерзости сей неподобней и безстудной. Осудилъ бо еси прежде суда Божія уже скончавшагося, а жива суща стыдися и дары отъ него приѣмля, и яды и пия съ нимъ и водворяяся и и веселяся, и егда бѣ мочно исправити, и не изправляше, да нынѣ-ли хочещи исправити тако жестоко запрещаа и отлучая? Аще ли хочещи помощь сотворити ему, сотвори убо ему милостынями пищихъ и молитвами и моленіемъ священныхъ и божественныхъ службъ припошеніемъ»².

Случайно сохранился отрывокъ, авторъ котораго пытается слѣдующимъ образомъ объяснить поступокъ епископа. «Зане нача князь Глѣбъ появлятися во стѣхъ владыкѣ Игнатію, овогда онъ видить князи Глѣба скачущаго на странномъ крылатомъ зверѣ чудовище пынущаго пламенемъ изъ соборныя церкви, и кричащаго громко горе мнѣ, горе мнѣ, горе и тебѣ Владыко! Овогда видить онъ множество мертвецовъ со свѣточами огненными выносили изъ соборныя церкви гробъ, въ которомъ лежало тѣло князи Глѣба носящія оной громко кричали увы, увы княже, увы, увы Глѣбъ, увы, увы Владыко, овогда видить онъ сидящаго князи Глѣба на прагѣ соборныя церкви и горько плачущаго о своей участи обжатаго пламенемъ, овогда видить онъ Евоіона чернаго крылатата странна бшошаго крылами и

¹ Гр. М. В. Голубовъ. «Древнія святцыя Ростова Великаго». Никонова лѣтописи. Полное собр. русск. лѣтописей, т. 10, стр. 157. ² Тамъ же, стр. 157—158.

Церковь Воскресения на северных святых вратах митрополии. — 1670 г.

нищающего огнем несущаго на хребтѣ своемъ князя Глѣба котораго онъ и повергаетъ на владычный одрѣ злѣ укоряя князя и владыку» ¹...

Въ 18-мъ столѣтїи монастырь былъ упраздненъ и храмы были переданы сосѣднему Яковлевскому монастырю. Тогда же и въ 60-хъ годахъ 19-го столѣтїя, забытые храмы Спасо Песоцкаго княгинина монастыря стали ненавистны духовной администраціи. Это мѣсто,—великую усыпальницу прошлаго, задумали превратить въ кладбище. Этому мѣшали древнія зданїя. Сперва продавали на сломъ церковь св. Георгїя и шатровую колокольню, общую двумъ церквамъ, затѣмъ ломали, жгли и взрывали эти постройки. Наконецъ, готовя себѣ достойный склепъ, одинъ изъ настоятелей раскопалъ усыпальницу и подрубилъ фундаменты самаго соборнаго храма ². Соборный храмъ Спаса спокойными, прекрасно найденными соотношенїями производитъ чарующее впечатлѣніе. Въ немъ есть отзвукъ былой строгой стройности, выражаемой самыми массами храма; но уже и начинающаяся нарядность сказалась въ умѣстномъ и безупречномъ убранствѣ. Стр. 67. Это тяготѣніе къ 16 му столѣтїю заставляетъ насъ соглашаться съ приблизительной датой, приводимой Титовымъ. Но нѣтъ ничего удивительнаго, что храмъ принадле-

жить и второй половинѣ 17-го вѣка. Къ этой эпохѣ несомнѣнно отно-

сятся нѣкоторыя окна алтарной и южной стороны. Къ сожалѣ-

нію, безподобно стройныя главы подрѣзаются четырех-

скатной крышей, для которой пришлось сбить

части самыхъ стѣнъ; вопросъ покры-

тїя при разнорѣчивыхъ дан-

ныхъ требуетъ еще

рѣшенїя.

¹ Орывокъ рукописи Хлѣбникова принадлежъ у Артынова въ Дмитріевѣ Ростовскомъ. ² Титовъ пишетъ объ этомъ: «Новоинный настоятель этой обители Волыкаръ, переѣзжая около 1850 г. полъ въ нижнемъ этажѣ Преображенской церкви, нашелъ гробъ кн. Марїи и сына ея князя Глѣба. Первая цѣлостью сохранилась, что даже желтыя сарфаные башмаки были цѣлы. Теперь въ этомъ этажѣ архимандритомъ Пларіономъ въ 1879 году устроена церковь, иапробннныя плиты уничтожены и сдѣланъ мозаичный полъ, но мѣсто княжескаго погребенїя нѣвѣстно. — Архивомъ Ростовскимъ Дмитріевъ, изд. Общ. Люб. Древ. Истѣм. Спб. 1890 г. в «Описанїе Спасо-Яковлевскаго монастыря.»

Иконостасная стѣна и солея церкви Воскресенія — 1670 г.

VI.

ВЫРАБОТКА МѢСТНАГО АРХИТЕКТУРНАГО ТИПА.

Архитектурные памятники Бѣлогостицкаго монастыря особенно интересны тѣмъ, что ими открывается цѣлая эпоха строительной горячки Ростова. Основаніе Бѣлогостицкаго монастыря уже въ древности относилось къ эпохамъ очень давнимъ и приукрашалось различными легендами; достоверно извѣстно, что монастырь уже существовалъ въ 15-мъ вѣкѣ¹. Въ составъ монастыря вошла церковь, построенная

¹ «Описаніе Троицкаго монастыря». Ярослав. губ. Вѣд. 1858 г., № 1—4. Гавриловъ. «Историко-археол. описаніе Бѣлогостицкаго монастыря».

здѣсь въ 1213 г. какъ образецъ Ростовскому собору¹. Быть можетъ, на мѣстѣ ея построень въ 1657 г. соборный храмъ во имя Благовѣщенія. Церковь, выдержанная въ типѣ ранне-московской архитектуры, очень напоминаетъ церковь Псидора Блаженнаго 1556 г., нами уже рассмотрѣнную. Вкусы эпохи сказались, однако, въ большемъ движеніи вверхъ всѣхъ массъ, въ свѣтлой панерти, съ трехъ сторонъ окружающей церковь. *Стр. 68.*

Трапезная церковь Михаила Архангела, завершенная въ слѣдующемъ 1658 г., впервые намѣчаетъ выработку тѣхъ архитектурныхъ элементовъ и ихъ комбинацій, которые увлекали затѣмъ Ростовскихъ зодчихъ. Мы видимъ здѣсь, что часть панерти, едва ли практически необходимая, выносится впередъ открытымъ портикомъ лѣстницы; этимъ созданъ лишній архитектурный планъ. *Стр. 68.* Комбинаціей арокъ, несущихъ свѣтовую галерею, составленъ этотъ «порттикъ», но таковы соотношенія пролетовъ и массъ, что трудно назвать столбами углы, замыкающіе арки; это скорѣе грузныя части стѣнъ, лишь нѣсколько разработанныя ширинками.

Юна, задумавъ строить свой архіерейскій домъ², долженъ былъ принятъ за дѣлительное разрушеніе древнихъ храмовъ и палатъ, которыхъ на этомъ мѣстѣ, надо полагать, было не мало.

Уже въ глубокой древности (Артыновъ, «Лѣтоисцѣдъ Ростовской») мѣста, прилегающія къ старому княжескому двору, назывались «многолюдьемъ» по скучности здѣсь всякаго жилья. Нѣсколько церквей и два монастыря находились на небольшой, сравнительно, площади, занятой послѣ архіерейскимъ домомъ. Эти два монастыря, Григорьевскій затворъ, прославленный пребываніемъ и учеными трудами Стефана Пермскаго, и монастырь Юанна Богослова, Юна замѣнилъ одноименными церквами, включенными въ рядъ построекъ его «дома».

«Архереомъ Ростовскимъ Лѣтоисцѣдъ» просто и ясно описываетъ созданіе Юны. «Митрополитъ въ бытность свою построилъ домъ Архіерейскій и оградилъ оградю каменной, по городовому устроенію съ башнями, съ бойницами и съ дубцами, двои ворота повѣзкія, третью къ соборной церкви: на тѣхъ вратахъ церковь Воскресенія Христова, каменная, дивнымъ устроеніемъ съ панертми, и въ ней и въ панертяхъ стѣннымъ писмомъ подписаны; на другихъ вратахъ къ конюшенному двору церковь святого Юанна Богослова каменная же съ панертми ивнымъ

¹ Стр. 49—50. ² Названіе Кремль Архіерейскій домъ получило только въ эпоху всеобщаго русскаго шумахъ послѣдней трети 19 вѣ. За всѣхъ принадлежащихъ дѣлать дѣлать его скромно называли «Архіерейскимъ домомъ», да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать кремль оградю, не заключающую въ себя съ одной стороны «домъ пресвятыя Богородицы», Успенскій соборъ, съ другой не заключающую въ себѣ церкви Бориса и Глѣба и здания называвшейся «на княжескомъ дворѣ». Едва и въ настоящее время въ городѣ живо названіе «Кремль» въ примѣненіи ко всему, находящемуся внутри каменнаго вала, быть можетъ, повторившаго границы стародавнихъ укрѣпленій: митрополитъ описалъ оградю мѣста ипашана принадежности Ростовской митрополіи. Естественно, что все общегражданское, съ соборомъ, площадью ивца, мѣстомъ теремомъ, все осталось ивъ этой оградю.

*«Горнее мѣсто» въ алтарѣ церкви Воскресенія.—1670 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).*

образомъ, и въ ней и въ напертяхъ стѣннымъ образомъ подписаны. На сѣняхъ близъ архіерейскихъ келій церковь Всемиловитоваго Спаса каменная же, надъ хлѣбнею особымъ дивнымъ образомъ и стѣннымъ писаньемъ подписана, а построена та церковь Спасская послѣ пожара на мѣстѣ погорѣвшія деревянныя церкви, которую онъ же построилъ предивнымъ образомъ таковымъ, какова нынѣ построена есть деревянная, за озеромъ, въ селѣ Шестаковѣ. Онымъ же митрополитомъ Юною, послѣ архіерейскаго двора въ другой каменной же оградѣ, на углу, что называется

Арка перехода «Белой палаты»—1672 г.

(Фот. Б. Н. фонъ Эдингга).

Переходъ и юго-восточный уголъ «Белой палаты».

1672 г. (Фот. Б. Н. фонъ Эдингга).

«Бллая палата» и переходъ въ терема.

(Фот. И. Ф. Борщевского, снятая до реставраціи).

Внутренній видъ «Бллой палаты» въ 1890-хъ годахъ.

(Фот. И. Ф. Борщевского).

Фрагменты лѣвннхъ украшеній «Бѣлой палаты»

(Фот. П. Ф. Борденекаго).

Богословскій монастырь, построена церковь каменная же на кладовыхъ палатахъ, во имя святаго Григорія Богослова; въ томъ же монастырѣ три палаты, жилыхъ небольшія; у гѣхъ четырехъ церквей у всѣхъ колокольных каменные. Соборная церковь подписана стѣннымъ писемомъ архіерейскія палаты; крестовая съ келіями архіерейскими; столовая великая съ отдаточной, палаты для пришествія государскаго, на жилыхъ палатахъ другая столовая великая же, подписана стѣннымъ писемомъ, при ней же и отдаточная подъ столовую; первая лѣвнн и кладовыя палаты и ризница подъ Спасскою церквью»¹.

Первая изъ церквей архіерейскаго дома — Воскресенская — была сооружена около 1670 года². Тогда же возводимая ограда выдѣляетъ двѣ башни, ограничивающія богато обработанныя ворота и наперть. Стр. 71. Надъ ними возвышается храмъ, стѣны котораго кажутся нѣсколько приземистыми, такъ какъ здѣсь не было найдено мѣста для аркаатурнаго пояса. Стѣны, крытыя по закомарамъ, сведены подъ прямую четырехскатную крышу, очевидно, послѣ пожара 1731 г. Къ счастью барабаны главы храма не были надложены во время этой передѣлки, а купола, не смотря на неоднократныя исправленія, не утратили своей стройности.

Внутри храмъ поражаетъ простотомъ въ высш и прекрасной, нѣсколько мрачной пестрою росписи. Стр. 71. Алтарная стѣна замѣняетъ иконостасъ. Простыя «ро-

¹ «Архирейомъ Ростовскимъ лѣвопись», стр. 13 и 14. ² А. Литовъ. «Кремль Ростова Великаго», стр. 26.

Часть иконостаса, граничащая въ «Бѣлой палатѣ».

(Фот. М. А. Орлова).

манскія» колонны, сильно отступая, образуютъ особое крытое предвходіе къ царскимъ вратамъ; остальные колонны у стѣны выдѣляютъ мѣстные образа и алтарныя двери и несутъ второй ярусъ «иконостаса», нѣсколько выдающійся противъ всей алтарной стѣны. Стр. 73. Высоко поднятая соея занимаетъ почти половину церкви. Ея парапетъ заслоняетъ часть колоннъ алтарной стѣны. Отъ соеи поднимаются высокіе пьедесталы, несущіе парныя полуколонны. Коробовый сводъ у основанія средней главы нѣсколько вспарушенъ, что дѣлаетъ возможнымъ образовать подъ

*Табло иконостаса, хранящиеся в «Бвлой палатѣ».—17-й вѣкъ
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).*

*Часть оклада, хранящаяся в «Бвлой палатѣ». 17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).*

Сѣвчюй
ларь.
«Бѣлая
палата».

17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф.
Борщевскаго).

главой перерывъ. Въ алтарѣ на «горнемъ мѣстѣ» поставлена сѣнь, повторяющая собою сѣнь «предвходя». Стр. 75.

Слѣдующей постройкой, очевидно, была Бѣлая палата, такъ какъ дата, приводимая Титовымъ,—1672 г. имѣетъ вѣроятность: церковь Спаса «на сѣняхъ» Бѣлой палаты построена въ 1675 г. Стр. 82. До реставраціи 1885 года Бѣлая палата была не только грандіозна, но и стройна; неоднократное повышение пола разрушило устойчивость и ясность всѣхъ соотношеній. Опись 1691 года¹ даетъ намъ представленіе о палатѣ, убранство которой не перебивало впечатлѣнія сильныхъ и простыхъ архитектурныхъ массъ. ...«Столовая палата, въ ней два образа всемилюснваго Спаса въ десеусѣхъ въ кіотахъ. На двухъ окнахъ посланы сукна лазоревыя, да коверъ, пани-

¹ «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» 1882 г., № 20. А. Титовъ. «Кремль Ростова Великаго».

Церковь Спаса «на сѣняхъ» «Бѣлой палаты».

1675 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго, снятая до реставраціи).

кадило мѣдное, большое о трехъ поясахъ. Три стола поставлены по мѣстамъ, у
стола поставецъ съ уступами. Передъ столовой сѣни. Подлѣ сѣней двѣ полатки
отдаточныя. Въ столовой же и въ сѣняхъ полы намощены чугунными досками».

Іона Сысоевичъ расписалъ палату лучшимъ письмомъ, а его преемнику, Іосифу
Лазаревичу (1691—1701 г.) она казалась, очевидно, уже старомодной. При немъ

Аркада солеи церкви Спаса «на Свняхъ». -1675 г.

*Церковь Иоанна Божьего на западных святых воротах
митрополии. — 1683 г. (Фот. И. Ф. Борщевского).*

были расширены окна, серьги сводов отплены, а стѣны получили лѣпное убранство. *Стр. 78.* Быть можетъ, къ этому времени относится названіе «Бѣлой» палаты, становящееся неотдѣлимымъ эпитетомъ.

По смѣлому замыслу Юны, всѣ торжественныя палаты архіерейскаго дома — Бѣлая, Красная и Крестовые покои соединялись открытыми стѣнами-помостами. Грандіозные столбы и своды этой площади были разрушены въ 1880 г. во время «возобновленія» митрополичьего дома¹. Только съ юго-восточной стороны Бѣлай

¹ Митрополичьему дому впадала несчастная доля, — пишетъ извѣстный мѣстный археологъ Татовъ въ книгѣ «Кремль Ростова Великаго» — быть возобновленнымъ хотя и безъ сохраненія древней архитектуры и убранства, но для дѣланія площади декупающей этотъ недостатокъ — для духовнаго училища.

Святые ворота и паперть церкви Иоанна Божослова.—1683 г.

палата производит впечатлѣніе сильное и безусловно цѣльное. Стр. 76. Съ этого угла палата сообщается со старыми теремами, относящимися, быть можетъ, къ 16—17-му вѣку. Чуждый всякихъ археологическихъ соображеній, строитель 17-го столѣтія

Внутренний видъ церкви Иоанна Благослова. 1683 г.

новой пристройкой разбилъ стѣну старыхъ теремовъ, урбазалъ въ нихъ для сѣней часть палаты и повисилъ въ проходѣ уровень пола до подоконниковъ: нижняя часть арки перехода прикрыла окно нижняго яруса теремовъ. *Стр. 76.*

Намъ неизвѣстно, что за мастера работали для Юны. Но въ глядахъ стѣнъ Бѣлой палаты, въ плоскостномъ характерѣ немногихъ карнизовъ, трудно найти какую либо близость къ Московской архитектурѣ, предавшейся въ это время безудержному убранству. Очевидно около того времени была расписана Красная палата, до насъ не дошедшая. Время ея построения неизвѣстно. Но большей части ее относить къ постройкамъ Юны, но Архиповъ въ «Летоисцѣ» сообщаетъ, что Юна перенесъ только на другое мѣсто крыльцо палаты. Описание этой палаты мы встречаемъ въ письмѣ очевидца разрушенія ея¹. Въ Бѣлой палатѣ и въ прилегающихъ къ ней

¹ Стр. 32-34.

Наперть церкви Иоанна Богослова.—1683 г. (Фот. Б. Н. фонъ Эдингга).

«теремахъ» около тридцати лѣтъ существуетъ музей церковныхъ и бытовыхъ древностей. Среди огромнаго количества предметовъ, наводнившихъ собою палаты, встрѣчается не мало прекрасныхъ образцовъ древняго русскаго узорочья. Таковы фрагменты иконостаса Ярославской Власіевской церкви, *стр. 79*; свѣчной ларь *стр. 81*; тѣло иконостаса церкви Рождества Христова въ Ярославѣ *стр. 80* и фрагменты оклада.

Провлажная
башня
восточной
стѣны.

17-й
вѣкъ.
(Фот.
Б. Н.
фонъ
Эдмга).

найденнаго въ мусорѣ «стеремовъ». Стр. 80. Здѣсь же хранится надгробный крестъ 1458 г. Стр. 31.

Въ 1675 г. на митрополичьемъ дворѣ была построена церковь Спаса на сѣняхъ, принадлежащая къ самымъ блестящимъ созданіямъ Юны¹. Стр. 82. Ея наружныя формы повторяли старо-повгородскую троючастную разбивку фасадовъ въ Московскомъ переводѣ.

Эпоха сказалась въ четырехгранной трибунѣ, на которой стоитъ глава. Въ настоящее время это самая некрасивая церковь. Надложенные углы и сбитая средняя арка нарушаютъ былую связность и гармоничность формъ². Но тѣмъ сильнѣе поражаетъ и восхищаетъ внутреннее убранство церкви. Новымъ плапомъ введена здѣсь роскошная аркада, поставленная на парапетъ высокой солен. Это кажется новымъ, необычайнымъ, единственнымъ. Стр. 83. Но если мы вспомнимъ архитектурные элементы предыдущей по времени Воскресенской церкви, мы найдемъ строгую послѣдовательность архитектурно-декоративныхъ задачъ и большую связь между церквами. Уже у Воскресенія всѣ колонны перваго яруса иконостаса отдѣлились отъ алтарной стѣны и двѣ изъ нихъ настолько, что образовалось особое предвходіе; арки же прочихъ колоннъ несутъ второй ярусъ иконостаса, также нѣсколько выступающій. Стр. 73. Возвышенная, но меньше чѣмъ у Спаса («на сѣняхъ»), солен Воскресенскаго храма имѣла только парапетъ, закрывающій низы колоннъ алтарной стѣны, — что придавало имъ видимую приземистость, т. е. тѣ пропорціи, которыя были воспроизведены столбами солен Спаса. Слѣдовательно, какъ новше-

¹ Связность съ храмомъ даннаго креста приведена у Суцова въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества», стр. 7.

² Вопросъ покрытия церкви обстоятельно изслѣдованъ у Суцова въ его книгѣ «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества».

Переходъ надъ садовыми воротами.—17-й вѣкъ.

(Фот. П. Ф. Борщевскаго, снятая до реставраціи).

ство, мы можемъ отмѣтить только переносъ того, что было на заднемъ планѣ.—впередъ, на солену, уже подготовленную предыдущимъ стротельнымъ опытомъ къ подобной перестановкѣ. Но это перемѣщеніе имѣло свои слѣдствія, и живое творческое искусство отмѣтило ихъ. За переградой, столь далеко выступающей впередъ, алтарная стѣна уже не имѣетъ впередъ выступающихъ частей; только арки, связывающія стѣну съ переградой, перспективно подчеркиваютъ пространство, ихъ раздѣляющее. *Стр. 114.*

Но уже не колоннами обработаны входы и мѣста образовъ—скромныя полуколонны слабо выдвигаются изъ стѣны; этого мало: безконечно углубленные скошенными порталами, царскія врата и двери алтаря вѣрны той же задачѣ,—передать отдаленность задняго плана, выдѣляя тѣмъ приближеніе передняго.

Слѣдующая по времени церковь Юанна Богослова построена въ 1683 году ¹.

Стр. 84. Какъ и Воскресенская церковь, она высятся надъ святыми воротами, и углы

¹ Рихтеръ сохранилъ въ своихъ замѣткахъ (Сусловъ. «Памятники древне-русскаго зодчества», вып. VI) дѣтально храмъ, закрытую въ настоящее время мѣстнымъ образомъ. «Пѣта 7191 юня 1-го, благоволеніемъ Все-

«Воздушныя ворота» подъ церковь Сръбенія въ Борисоглебскомъ монастырѣ.

17 и вѣкъ.

панерти такъ же скрыты въ двухъ башняхъ. Раздѣлка святыхъ воротъ однообразными ширинками и безвиднымъ рядомъ большихъ оконъ кажется менѣе удачной, чѣмъ подобная же обработка воротъ церкви Воскресенія. *Смр. 85.*

Предѣльные расцвѣченные порталы украшаютъ на панерти входы въ церковь: игра ивжнкихъ, подумсмытыхъ тоновъ дѣлаетъ безконечно богатымъ дробленіе на видъ свѣта и тѣни. *Смр. 87.* Внутри храма на солеѣ, не приподнятой высоко надъ уровнемъ пола, стоятъ два клироса, сохранившіе еще кое что изъ старой русской рѣзьбы, но въ то же время надѣленные карнизами и балясинами Петровской эпохи ¹. *Смр. 86.*

освященнаго и посвященнаго Бога помощно, дастунисемъ Превратія Богородици нашей Владыци и Присподвны Маріи и мѣстными пошкихъ свѣтителей Леонтия, Петра, Писата, Павлова, Епископовъ Ростовскихъ Чудотворцевъ Смернаго и полнаго съи святаго церковь, по имени Апостола Главнелиета Иоанна Богослова. Покрытіе Иоанно-Богословской церкви претерпѣло общаго и кажемо раньше будучи закомарнымъ. Павлиновъ. Древности Ростовъ этой в Ярославль, оно было замѣнено четырехъскатнымъ, при этомъ была надложена средняя глава. Восточное предѣло, возведенное въ тѣхъ же и въ старыхъ формахъ, принадлежить 30-мъ годамъ 19-го вѣка. ¹ Были дарованы Ф. Рихтеромъ и воспроизведены у Суцова въ «Намативахъ древне русскаго зодчества».

Церковь Срѣшенія въ Борисоглѣбскоѣ монастырѣ. — 17-й вѣкъ.

(Фот. П. Ф. Борщевского).

Еще одинъ памятникъ времени Юны Сусоевича.—церковь Григорія Богослова, не сохранила отъ своей эпохи почти ни одной подлинной черты: въ срединѣ 18-го столѣтія церковь была перестроена, а въ 1884 г. реставрирована. Мѣшаютъ не столько путаница формъ 17—18-го вѣка, сколько слѣды аляповатаго возобновленія¹.

«Архіерейскій домъ» былъ оконченъ. Стѣны, одиннадцать башенъ, пять церквей, нѣсколько величественныхъ палатъ, покои, террасы и переходы образовали

¹ При этой реставраціи снесены остатки колокольни.

Порталъ церкви Сръменія. 17-й вѣкъ.

снитуемую группу, дошедшую до насъ, хотя и въ неполномъ видѣ ¹. Стр. 24, 27, 69, 88, 89, 149.

Очевидно, въ это же время началъ дѣятельно обстраиваться Борисоглебскій монастырь, съ древними памятниками котораго мы уже познакомились. Нужно полагать, что здѣсь, въ послѣдней трети 17 го вѣка, былъ такой же любитель зодчества, какимъ былъ Иона въ Ростовѣ. Ни одно завоеваніе въ выработкѣ архитектурнаго

¹ На чертѣхъ Архидіекаго тома стр. 69, относящихся къ двадцати годамъ 19-го столѣтія, ясно показано непрерываніе крутихъ башенъ съ поминкой не возстановленныхъ «реставраціей». Очевидно «реставраціи» принадлежатъ окраска кремля въ розовый цвѣтъ, такъ какъ на старыхъ пристройкахъ къ оградѣ ясно сохранилась бѣлая окраска.

Церковь Свѣтлѣнія и башни сѣверной стѣны.—17-й вѣкъ.

типа и декораціи не прошло даромъ, а нѣкоторыя изъ нихъ были доведены до послѣдней степени совершенства.

Мы уже указывали на святые ворота подъ церковью Сергія *стр. 56.* сооруженныя вмѣстѣ со стѣнами по распоряженію Грознаго. Дошедшее до насъ убранство самихъ воротъ принадлежитъ, очевидно, концу 17-го столѣтія, но идущія отъ 16-го вѣка

башни и церковь представляют собою первый (для Ростовской области) примѣръ группировки, увлекавшей затѣмъ строителей Ростова.

Въ данномъ случаѣ группа еще лишена единства. Памятники Ростова и Борисоглебскаго монастыря убѣдительно говорятъ намъ, какъ напряженно выискивали водиче болѣе счастливыхъ соотношеній. Церковь Срѣтенія на противоположной сторонѣ ограды, съ своими башнями и панертью, относящаяся, очевидно, къ послѣдней трети 17-го вѣка, даетъ большее единство и связность церкви, башенъ и воротъ. *Стр. 91.* Нарядная башня уже лишена боевой внушительности, словно акценты древнихъ строгихъ стѣнъ, замыкаютъ между собой ворота и панерть, а верхними ярусами маскируютъ присоединеніе церкви и панерти къ стѣнамъ. *Стр. 90, 91.* Какъ свѣдущія звенья, эти башни необходимы; кромѣ того, безъ нихъ была бы немислима богатая обработка панерти въ чередованіи съ суровой гладью стѣнъ.

*Наперть церкви Срѣтенія. 16—17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевского).*

Наперть и ворота составлены извѣстной уже намъ комбинаціей арокъ, украшенныхъ здѣсь цѣлымъ рядомъ гирекъ. Изъ двухъ дверей, ведущихъ съ наперти въ самую церковь, западная обработана со сказочной пышностью *стр. 92*, уже таящей предчувствіе наступающей тяжести и вялости. Внутри, въ парныхъ полуколоннахъ, несущихъ среднія арки, мы встрѣчаемъ повтореніе подобнаго же приема Воскресенской церкви Ростовскаго архіерейскаго дома¹. Съ южной стороны открывается видъ на стройныя массы церкви, не заслоненной ни башнями, ни напертью. *Стр. 91*. Юго-западный уголокъ наперти или остался отъ предыдущей церкви, либо построенъ вновь, но съ тяготѣніемъ къ старымъ

¹ За иконостасомъ удалось обнаружить фрески 17 столѣтія, очевидно, забывшія иконостасъ. Царскія врата выдѣлились изъ всей стѣны сильно выдающимся полуцилиндромъ и карнизомъ.

*Свердловская
стена
Борисо-
Глебского
мона-
стыря*

*Башни
и церкви
Свердлов-
ской.
16—17-е
вв.*

формамъ. *Стр. 96.* Пройдя по стѣнѣ дальше, мы видимъ Свердловскую церковь въ ряду башенъ, время отъ времени перебивающихъ стѣны. *Стр. 96, 97.* Къ внутренней сторонѣ западной стѣны примыкаетъ постройка съ едва сохранившимися въ памяти монаховъ названіемъ «настоительскихъ покоевъ». *Стр. 98.* Передѣлки сдѣлали непонятными отдѣльныя части этого зданія ¹.

Очевидно, тогда же, въ концѣ 17-го столѣтія старая церковь Благовѣщенія получила богато украшенный портикъ.

Вспоминая первую попытку въ этомъ направленіи—крыльцо въ Благостицкомъ монастырѣ, мы отмѣчаемъ, какъ много вниманія удѣляетъ теперь здѣшній

¹ Въ нижнемъ этажѣ сейчасъ находящемся ниже уровня земли, сохранилось нѣсколько перестенныхъ оконъ. Дѣло устроено была большая палата, съ четырехугольными столбами, тяжело несущими свода стѣнъ. Въ настоящее время синагга.

Съверо-западная башня и съверная стѣна Борисоглѣбскаго монастыря. 16-17-й вѣкъ.

въишнему убранству. *Стр. 58.* Окна получили очень остроумное объединеніе богатымъ «аркатурнымъ» рядомъ, на стѣнахъ не осталось большихъ пустотъ, все было убрано ширинками и дорожками ¹.

Быть можетъ, послѣдней постройкой въ монастырѣ является звонница ². *Стр. 98, 99.* Созданная уже послѣ звонницы Воскресенскаго монастыря въ Угличѣ, Борисоглѣбская намѣчаетъ новыя исканія. Длинный корпусъ съ тремя пролетами увѣнчанъ уже тремя главками, а не одной, какъ въ Угличѣ. *Стр. 98.* Шейки главокъ жидки и не связаны съ нерасчлененнымъ покрытіемъ, но съ нѣкоторыхъ

¹ Тогда же, очевидно, окна церкви были расширены и получили ажурные наличники. ² У Суцова въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества» говорится, что въ 1690 г. была освящена церковь, находившаяся подъ звонницей.

*Старые «настоителъскіе покои» въ Борисоглебовскомъ монастырѣ.
17 вѣкъ.*

*Звонница
Борисоглебовскаго
монастыря.*

1690 г. (С)

Звонница Борисоглѣбскаго монастыря. — 1690 г. (2)

Южная свитый ворота Борисоглебскаго монастыря.—17-й вѣкъ.

(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

точекъ звонница подкупаетъ стройностью именно этихъ монотонныхъ главокъ. Очаровательный портикъ, намъ уже извѣстнаго типа, образуетъ богатый первый планъ. *Стр. 99.* Заключивъ обзоръ памятниковъ Борисоглебскаго монастыря, мы возвращаемся къ свитымъ воротамъ подъ Сергѣевскою церковью, быть можетъ, самому позднему и самому наивнѣльшему созданию 17-го вѣка. *Стр. 100.* Когда стоишь передъ воротами, и легкое узорочье играетъ свѣтомъ на глубокихъ тѣняхъ, нельзя не восхищаться красивымъ памятникомъ; но внутри воротъ, когда видишь нависающія легкой тѣнью хрупкія гирьки, когда рисуется дѣльный рядъ узорныхъ столбовъ, не знаешь предъѣла очарованію. *Стр. 101.* Здѣсь, на фонѣ тихой природы, осуществилась наивнѣльшая Берендѣвщина.

Последній памятникъ Юлианской эпохи—соборная звонница сооружена между 1682—1687 г. *Стр. 102, 103.* Судя по наружнымъ формамъ, мы можемъ предположить, что

Южная святая ворота Борисоглебскаго монастыря.

сперва былъ построенъ длинный трехпролетный корпусъ; съ этимъ согласны даты меньшихъ колоколовъ, вылитыхъ въ 1682 и 1683 г.¹ Большой колоколъ «Сысой»², вылитый въ 1687 г., потребовалъ для помѣщенія отдѣльную башню³, которую и поставили

¹ Полудейный и Лебедь. Когда эти колокола отливали на митрополичьемъ дворѣ, Иона писалъ князю Михаилу Темкину: «на своемъ дворничкѣ лью колоколки, двятея людшки». Въ старину были ноты, по которымъ звонили; это сохраняло древнѣе звонъ отъ неизбежной порчи. Ноты потеряны, и въ настоящее время звонари передаютъ звонъ по памяти. Мѣстный любитель свѣщ. Ар. Израилевъ болѣе 40 лѣтъ занимался изученіемъ ростовскаго звона и подборомъ камертоновъ для воспроизведенія его. Такой подборъ хранится въ Бѣлой палатѣ, а изысканіе Израилева, съ положенными на ноты звонами, напечатано въ «Обществѣ любителей древней письменности» въ 1884 г. (Свѣщ. Израилевъ. «Ростовскіе колокола и звонъ»). Колокола, а вмѣстѣ съ ними и общій строй начали портить давно и портятъ и до сихъ поръ. Въ 1807 г. былъ перелитъ колоколъ Голодай, вылитый во время страшнаго голода 1578 г. Если вѣрить рукописи Артынова, на колоколѣ была надпись: «Лѣта 7086 Маія въ 15 день вылитъ сей колоколъ въ память великаго голода и мора на людей, зане дядю люди песню и мертвечину и ино скаредное, зане быша четверть ржи по двѣнадцати алтынѣ. А потомъ въ полъ третья за четверть». Въ 1911—1912 г. былъ небрежно перелитъ одинъ изъ значительныхъ колоколовъ. ² Названъ такъ въ честь отца митрополита Ионы. ³ Болѣе высокой, чѣмъ звонница.

На
колокольнѣ
Ростов-
скаго
собора.

(Фот. Д. Н.
фонъ Эдвина).

къ сѣверной сторонѣ звонницы¹. Какъ перекрыта была звонница раньше — не-известно. Углы и промежутки между арками, кажется, надложены позже, быть можетъ, крыша, повторяя форму сводовъ, шла по закомарамъ.

Жаль, что въ корпусѣ большого колокола заложена арка, подобная аркѣ средняго пролета. Въ массахъ колокольни, подобно тому, какъ и въ стѣнахъ Вѣлой палаты, высказалось серьезное искусство, быть можетъ, больше всего помнящее быдую мощь новгородскаго и исковскаго зодчества. Стѣны обработаны выносомъ на нихъ крупныхъ элементовъ постройки, таковы пилыстры и карнизы, дѣлящие ярусъ, что придаетъ ясность и стройность каменной громадѣ.

Концу 17 го столѣтія принадлежатъ двѣ деревянныя церкви, сохранившіяся неподалеку отъ Ростова.

Церковь на рѣчкѣ Шинѣ построена въ 1687 г. *Стр. 106*. Стройно высятся она противъ бѣдныхъ стародавнихъ избъ, на косогорѣ у маленькой рѣчки. Но преданію, здѣсь св. Авраамій встрѣтилъ Юанна Богослова, вручившаго преподобному трость для одолѣнія Велеса. Церковь не была создана людьми. Въ старину, какъ говорить

¹ Между постройками образовался узкій проездъ (такъ какъ каждый ярусъ ихъ отступаетъ противъ нижняго), его заложили, въ настоящее время кирпичи дали значительный осадокъ.

Звонница Ростовскаго собора.

Около 1690 г.

преданіе, она приплыла по Шниѣ. Церковь очень типична для эпохи многоярусныхъ храмовъ, когда шатры замѣнялись многогранниками, приближающимися въ своемъ силуэтѣ къ шатровымъ увѣччаніямъ. Лѣстница колокольной и панерть, далеко

Двери церкви Иоанна Богослова на Пинѣ. - 1687 г.

(Фот. И. Ф. Борщевского).

вынесенныя и встрѣчающіяся, образуютъ подобіе арки ¹. Входъ въ церковь украшенъ просто, но достаточно. Уже отмѣчено въ немъ подражаніе каменной аркѣ ², но интересно далѣе, что отдѣльные элементы, какъ напримѣръ, «дыньки», взяты съ каменныхъ порталовъ. Стр. 103. Желѣзная личина замка, подложенная цвѣтнымъ

¹ Церковь со временемъ потеряла многое и тогда до насъ въ искаженныхъ формахъ. Въ 19-мъ вѣкѣ были уничтожены рядъ колоннъ, образующихъ переходъ отъ послѣдняго поскмраница къ главѣ. Можно видѣть на рисункѣ помѣщенномъ у г-ра М. В. Голцова въ книгѣ «Древнія святыни Ростова Вадкаго» и на грубой модели въ «Благод. палатѣ». Правая часть стѣнъ разрушена. Лемехъ замѣненъ желѣзомъ, дуэкатныя враны ободображивають стволъ дѣлн бочки. Церковь, обшита тесомъ и каждое десятилѣтіе перекрашивается все хуже и хуже. ² Игорь Грбавръ. «Истор. русск. Икон», т. I, стр. 480.

Церковь Иоанна Богослова на Ишмъ. 1687 г.
(Фот. И. Ф. Борщевского).

Церковь села Билокова.—1699 г. (?)
(Фот. А. Д. Иванова).

Церковь Богородицы «Одигитрии» у северной стѣны митрополіи. 1693 г.

сукномъ и слодой, дають интересное, сильное пятно. Внутри церковь сохранила драгоценныя царскія врата 16-го вѣка *стр. 69*, но, кромѣ этого, въ ней осталось мало нетронутаго. Тѣла иконостаса очень испорчены ¹, лучше сохранился деревянный клиросъ, классическій по своей простотѣ ².

Другая деревянная церковь находится за озеромъ, въ селѣ Билоковѣ. Сооружена она въ простыхъ стародавнихъ формахъ, очевидно, въ концѣ 17-го вѣка. *Стр. 105*. Заколоченная церковь простояла никому неизвѣстная до 1905 г. Недавно ее нашли и настолько изуродовали «реставраціей», что пришлось дать здѣсь уже несуществующій дореставраціонный видъ ³.

¹ Воспроизведены у Рихтера въ его «Памятникахъ древняго русскаго зодчества». ² Воспроизведены въ журналѣ «Зодчество». ³ Врата этой церкви, очевидно, уже 18-го вѣка, находится въ Бѣлой палатѣ. Пройди черезъ тѣ же рвы, они развѣдали участь церкви. Безобразная позолота и окраска дали грубую, но очень характерную рѣзку.

Лѣнное убранство сводовъ и стѣнъ церкви «Одитриѣ».

1693 г.

Преемникъ Юны—Юсафъ Лазаревичъ строилъ немного. Его эпохѣ принадлежитъ церковь «Одитриѣ» приставленная безъ всякой органической связи къ стѣнѣ¹. Стр. 106. Церковь выдержана въ «нарышкинскихъ» формахъ, пришедшихъ въ Ростовъ только въ послѣднее десятилѣтїе 17-го столѣтїя. Внутри сохранилась отличная лѣнина, вѣрная тяжелой граціозности своей эпохи. Стр. 107, 108.

Одитриѣвская церковь, конечно, не можетъ доставить славы своему времени: не знаю, какимъ казался бы теперь другой памятникъ эпохи Юсафа.—разрушенная въ первой половинѣ 19-го вѣка часовня. Судя по дурнымъ и неяснымъ рисункамъ.

¹ Церковь испорчена передѣлками, во многомъ лишаящими ее стройности. Такъ, безформенно большая крыша не соотвѣтствуетъ корпусу церкви, отступившей противъ перваго этажа, чтобы образовать открытый обходъ. На этотъ нарушенный съ восточной стороны парапетъ вела дверь, въ настоящее время заложенная.

Львівне убранство стінів церкви «Одигитрії».

1693 г.

это был самый поразительный памятник конца 17-го вѣка¹. Съ колоссальныхъ арокъ нижняго яруса безудержно высилась башня, заканчивающаяся тупымъ шатромъ на восьмигранникѣ, заключавшемъ въ себѣ колокола.

¹ Старый чертежъ 20-хъ годовъ очень дурно напечатанъ у Титова въ его книгѣ «Иосифъ Лазаревичъ»; подлинникъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не разысканъ въ разнообразномъ собраніи автора. Башня изображена на видѣ Ростова 18 го вѣка въ соборной церкви Варницкаго монастыря стр. 130 и на большомъ изображеніи Леонтия въ Шереметевскомъ храмѣ Яковлевскаго монастыря.

Паперть церкви Воскресенія.—17-й вѣкъ.
(Фот. П. Ф. Борщевского).

VI

ФРЕСКИ.

Ростовскія фрески относятся къ 70—90-мъ годамъ 17-го вѣка; въ нихъ высказалась эпоха съ наибольшей силой и художественной тонкостью. Насколько же самобытно это искусство? что можно учесть въ немъ какъ заимствованіе, и откуда?

Отъ Византіи Русь унаслѣдовала, на ряду съ другими странами византійской культуры, одно изъ самыхъ мощныхъ декоративныхъ искусствъ— мозаику и стѣнопись. Эти искусства не оставались неизмѣнными въ теченіе долгой жизни на

«Преображенный Иерусалим». Фреска на панерти церкви Воскресения.

русской территории: обслуживая потребности глухих провинций, они восприняли в себя иные, здесь лишь понятные, способы выражений свѣжаго и художественно сильнаго народа.

Можно предполагать въ фрескѣ и до 17-го столѣтія не мало чужеземныхъ западныхъ вліяній, но всё они не могли нарушить ясно опредѣлившихся вкусовъ. При разнообразныхъ измѣненіяхъ въ жизни фресокъ неизмѣнной оставалась главная задача, общая всѣмъ декоративнымъ искусствамъ Востока: въ общемъ видѣ росписи стѣны должна представлять убранство архитектуры. Каждая часть хороша только по мѣрѣ соответствія этой задачѣ¹. Художественнымъ опытомъ многихъ поколѣній выработывалась цвѣтистая гамма росписей, красота уругихъ, все оформливающихъ линий, эластичные мазки, съ ясными границами рисуночнаго характера. Въ настоящее время еще трудно выяснитъ, что было принесено извнѣ и что оставалось самобытнаго въ эпоху иностранныхъ вліяній 15—16-го вѣка. Эти вліянія во всякомъ случаѣ были очень значительны, какъ о томъ говорятъ миниатюры эпохи Грознаго. Намъ въ сѣверной части Московской области понятіе 17-й вѣка, хотя здѣсь многое остается невыясненнымъ и гадательнымъ. Очевидно, настоящимъ откровеніемъ для иконописца 17-го вѣка могли показаться западно-европейскія гравюры, нахлынувшія въ серединѣ этого столѣтія въ Москву. Эти продукты совер-

¹ Продолжая анализировать въ этомъ направленіи фрески, часто впадали въ ошибки. Такъ, предполагая, что при этомъ все должно быть двухъ измѣреній, диннази иконописца пространственности, что совершенно невѣрно.

Ной у ковчега. Фреска на паперти церкви Воскресенія. 17-й вѣкъ.

шенно много художественного опыта были жадно восприняты, переработаны и пушены въ оборотъ фресокъ второй половины 17-го столѣтія. Безцвѣтныя гравюры менѣе всего могли затронуть область красочныхъ исканій русскаго иконописца, и красочная радуга его глазъ не нарушалась, но передача движеній и пространства, въ которомъ это движеніе происходитъ, расширило художественный опытъ. Иконописецъ, разъ воспринявъ впечатлѣнія художественнаго анализа европейскаго искусства, уже не могъ оставаться въ предѣлахъ синтеза прежней, восточной живописи, всегда ясно построенной, но иногда схематичной, т. е. не покрывающей основныхъ построеній.

Но при всѣхъ открывшихся задачахъ, средства выраженія оставались тѣ же или почти тѣми же. Та же выработанная гармоничность линий была призвана къ новымъ «ожившимъ» формамъ.

Кажется, въ Ростовѣ не было создано ни живописныхъ школъ, ни артелей иконописцевъ. Такъ, если довѣрять преданію о царевичѣ Петрѣ Ростовскомъ, въ городѣ въ 13-мъ вѣкѣ не было ни одного иконописца. Да и позже, въ

Воскресение Христова. Фреска церкви Воскресения. —17-й вѣкъ.

1660 г. Ростовскій воевода доносилъ въ Москву, что «въ Ростовѣ посадскихъ и монастырскихъ иконошисцевъ нѣтъ ни одного челоуѣка, выслать некого...»¹. Немудрено поэтому, что когда митрополитъ Юна захотѣлъ украсить росписью Ростовскій

¹ П. Г. Забланинъ. «Материалы по исторіи иконошисен».

Положеніе во гробѣ.

Фреска церкви Воскресенія.—17-й вѣкъ.

соборъ и вновь созданныя церкви, ему пришлось просить мастеровъ изъ Москвы, отъ царскаго двора, откуда отпускали ихъ съ великой неохотой.

Съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что роспись Воскресенской церкви—первой церкви Архіерейскаго дома, была выполнена «Савастьяномъ Дмитриевымъ съ товарищы», который, вскорѣ по окончаніи церкви, расписывалъ Ростовскій соборъ.

Роспись аркады церкви Спаса «на свинѣхъ».

17-й этаж.

Острый, тонко прорисованный рисунок видимы мы въ такихъ значительныхъ фрескахъ Воскресенской церкви, какъ «Положеніе во гробъ», «Стража у гроба» и «Воскресеніе». Стр. 112, 113. Въ нихъ ощущается безподобная законченность худо-

«Страшный суд». Фреска церкви Спаса «на сѣняхъ». -17-й вѣкъ.

жественныхъ средствъ: въ линіяхъ живыхъ и гибкихъ, чуждыхъ вялости, въ тонахъ, ясныхъ и цвѣтистыхъ, не теряющихъ никакой грязи. Но, съ другой стороны, въ этой же красочности, въ легкости не ступающихъ на землю людей, въ контурахъ

«*Діаконы*».

Фреска алтаря церкви Спаса «на Свіахъ».
17-й вѣкъ.

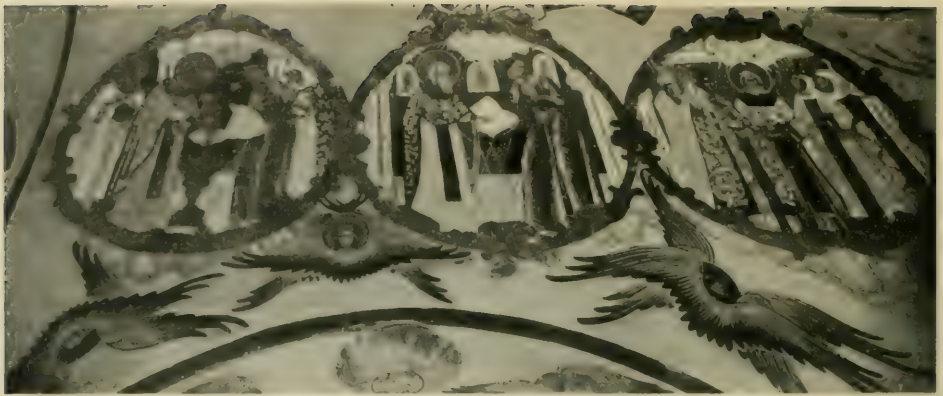
изогнутыхъ фигуръ, намъ ясна неподражаемая юность и свѣжесть этого искусства.

Такія фигуры, какъ унавиій на первомъ планѣ «Воскресенія», становятся излюбленными. Ими зачастую создается первый планъ фресокъ. Превосходная композиція «Канвъ и Авель» на панерти особенно ясно намѣчаетъ задачу, передать движеніе и его пространственность острыми угловатыми контурами¹. Фигура Лотовой жены, претворяющейся въ соляной столбъ, и вся композиція этой сцены принадлежать къ лучшему изъ всего созданнаго за 17-й вѣкъ².

¹ Состояніе фресокъ панерти ясно. Частью онѣ еще не отмыты отъ записей середины 19-го вѣка, частью, на трещинахъ коробового свода разорваны и грозятъ обрушиться каждую минуту. ² Фреска въ узкомъ провѣдѣ не поддается фотографированію. Подобная композиція есть на стѣнахъ соборнаго храма Данилова монастыря въ Новгородѣ.

Общий вид алтарной росписи церкви Спаса «на свиязѣ» — 17-й вѣкъ.

«Таинства».

Деталь росписи алтарного свода церкви Спаса «на збвяхъ».—17-й вѣкъ.

На панерти же находится «преображенный Иерусалимъ» съ интереснымъ пейзажемъ и дробнымъ «гравюрнымъ» украшеніемъ стѣбъ. *Стр. 110.* Фреска «Ной у ковчега», несмотря на ужасное состояніе, все еще очаровываетъ зрителя острыми изяществомъ контуровъ зеленыхъ, желтыхъ и голубыхъ зѣбрѣй. *Стр. 111.* Вся панерть покрыта сплошнымъ узоромъ фресокъ, къ сожалѣнію, или испорченныхъ «реставраціями», или нависшими съ отставшей отъ сводовъ штукатуркой. *Стр. 109.* Слѣдующая по времени роспись Спасской церкви, какъ о томъ сохранилось свидѣтельство рукописи Хлѣбникова, исполнялась иконографами: «Ростовскимъ пономъ Тимоѣемъ, Волго-жаниномъ Дмитріемъ Степановымъ и Иваномъ, да Фѣдоромъ Карновымъ»¹. Очевидно, она была выполнена вскорѣ послѣ окончанія церкви, т. е. въ восьмидесятихъ годахъ 17-го столѣтія².

Сводовъ. Памятники древне русскаго зодчества», вып. VII. ² Фрески сохранились очень дурно. Они были переписаны послѣ реставраціи церкви въ 90-хъ годахъ 19-го стол. Прекрасный рисунокъ и лучезарныя краски представляются затмѣнными въ настоящее время глухой пеленой мѣловыхъ отблѣнковъ. Штъ спора, фрески, какъ продукты коллективнаго творчества, могли бы быть болѣе доступны подобиюшеніямъ, чѣмъ живонна индивидуальна, но въ настоящее время, когда умерло искусство, или создавшее, для этого требуется огромное пропавшое и безудольное художественное самопожертвованіе. Да и при всемъ томъ, скажется эпоха возобновителя. Къ сожалѣнію, она и оказалась: при тщательномъ тщательности была въ такихъ работахъ болѣе гуманными, чѣмъ неблагодарно 18-го и первой половины 19-го вѣка: отношенія мастера еще только учились и глубины имъ непонятное. Не говори ужъ о краскахъ, вѣдѣвшихъ и давнихъ совершенно иную гамму, болѣе жесткого испорченнаго рисунокъ и старая форма. Прежде всего, это ясно замѣтно на «диаконахъ» *стр. 116*, на «Сиротномъ судѣ» *стр. 115* и на «Семи Таинствахъ» *стр. 118*; лица и тѣла были лишены рельефа, очень любимого въ то время. Облочно «бѣлая свѣтра» склѣдъ черезъ тонко вдушеннаго румянца переходила въ ярко коричневый, даже черныя тѣни оваловъ. Панагій Богословецъ, помѣщенный въ аркъ алтара *стр. 117*, болѣе другихъ

«Почи Господь въ день седьмой».

Роспись алтарной стѣны церкви Спаса «на сѣняхъ». — 17-й вѣкъ.

Прежде всего обращает на себя вниманіе торжественная аркада, несущая «Девусный рядъ». Стр. 114. Уже раньше, въ стѣнописяхъ предыдущей эпохи встрѣ-

напоминает старую манеру. Мастера, вновь овладѣвшие непосредственнымъ переходомъ отъ свѣтлаго къ темному, все же еще не бросали системы «движекъ», ударныхъ бликовъ наиболее свѣтлыхъ частей тѣла. Но «движки» не были такъ пазойливы и манерны, какъ на лицахъ «діаконовъ». Стр. 116. Въ эту эпоху ихъ рѣдко вклинивали больше трехъ въ рядъ: три и четыре «движки» создавали тѣло или шкуру звѣря, а не поверхность человеческого тѣла. Верхніе ярусы росписи, куда не добралась «реставрація», сохранились превосходно.

*Деталь
аб бань.*

Деталь
росписи въ
церкви Иоанна
Богослова.
17-й вѣкъ.

чается подобная композиція «любвию связуеми апостоли», — круговъ съ апостолами, связанныхъ и объединенныхъ растительнымъ орнаментомъ. То же встрѣтимъ мы на панорамѣ церкви Иоанна Богослова.

Невозможно представить себѣ ничего болѣе умѣстнаго для росписи, чѣмъ этотъ рядъ круговъ, меньшихъ, чѣмъ пролеты арокъ. Противоположная — западная стѣна занята «Страшнымъ судомъ». *Стр. 115.* Кажется, ни въ одномъ храмѣ 17-го вѣка эта композиція не была выполнена при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, какъ здѣсь, у Спаса «на свѣяхъ». Блестящее композиціонное дарованіе могло высказаться на колоссальной, ничѣмъ не прерывающейся стѣнѣ.

Композиція ясно расчленена центральной осью, на которой происходитъ все главное дѣйствіе сцены. Но, кромѣ того, замѣчается дѣленіе по ярусамъ; намѣчено нѣсколько плановъ: обрѣзы земли, облака (для праведныхъ), адекій дѣлѣи и горы (для грѣшниковъ), сплоченныя толпы. — все это элементы построения, необходимые особенно здѣсь, гдѣ тѣснота церкви лишь съ трудомъ даетъ возможность охватить всю грандіозную сцену гибели міра. *Стр. 115.* Не менѣе прекрасна и роспись алтарнаго свода. Здѣсь легкая полутьма просвѣтлена нѣжными и сильными тонами. «О Тебѣ радуется» полна «человѣческаго рода», принимающаго

Преподобный Авраамий и нечистый дѣлѣ.

Фреска церкви Иоанна Богослова.—17-й вѣкъ.

участіе въ прославленіи Богоматери, плотно и легко заполняетъ пространство; отдѣльныя фигуры имѣютъ значеніе отдѣльныхъ перьевъ въ составѣ грандіозныхъ крыльевъ.

О высокомъ совершенствѣ этого декоративнаго искусства говоритъ рядъ «діаконовъ», помѣщенный въ жертвенникѣ¹. Стр. 116. Легкій порывъ охватываетъ юныя фигуры. Искусство съ неподражаемой угловатостью передаетъ наибольшее движеніе при спокойной постановкѣ. А спокойствіе образовъ было необходимо для живописи, такъ глубоко слитой съ архитектурой, какъ мы видимъ на общей росписи алтаря. Стр. 117. Фигуры святыхъ, словно пилястры, обходятъ весь алтарь. Торжественно-дѣйствительные «святители» предстоятъ алтарю, «преподобные» занимаютъ диаконникъ.

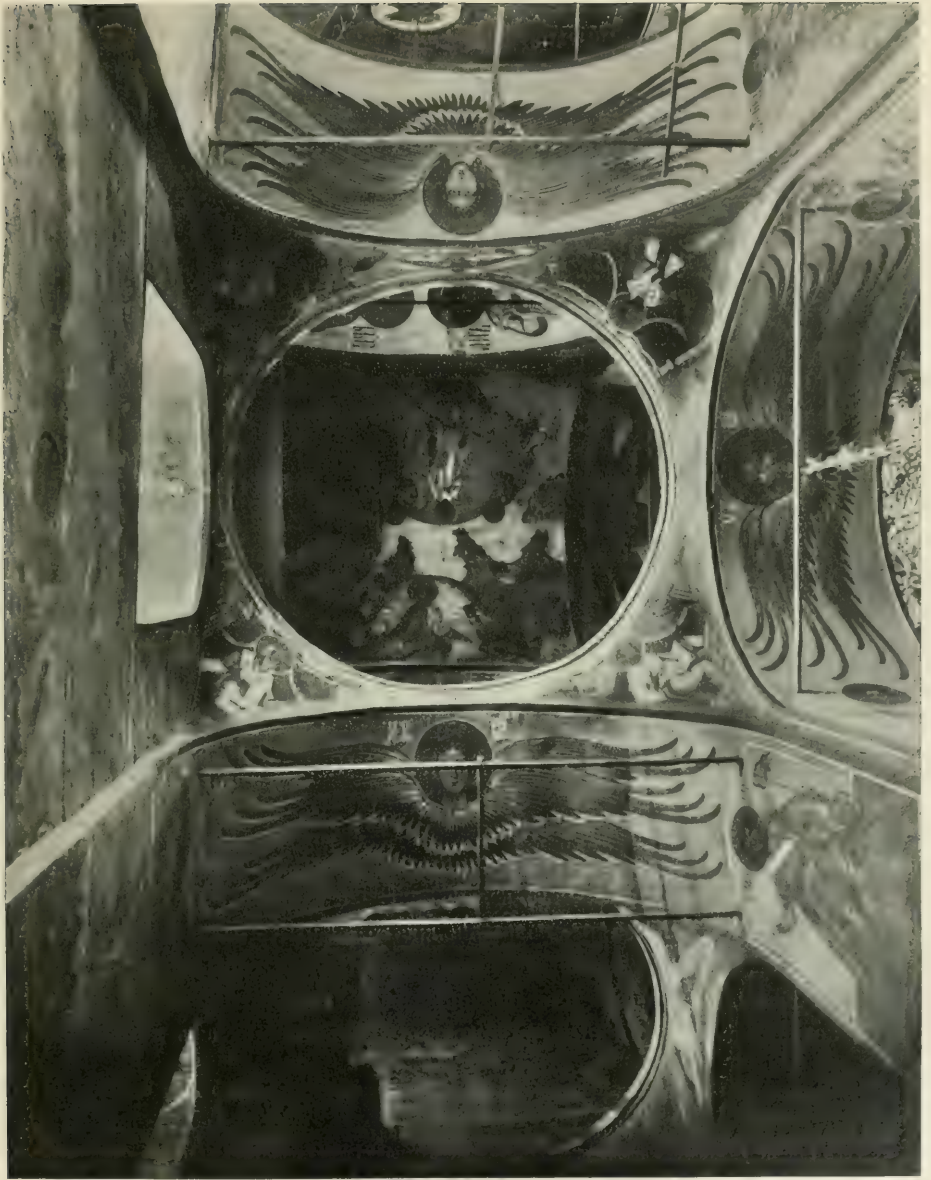
На задней сторонѣ «иконостасной» стѣны помѣщено «въ седьмой день почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ и благослови Богъ день седьмой». Стр. 119. Въ этой

¹ Эта композиція встрѣчается въ церкви Воскресенія; но здѣсь, стѣняемая мѣстомъ, она не производитъ того же счастливаго впечатлѣнія.

Тайная вечеря. Алтарная фреска церкви Иоанна Богослова.—17-й вѣкъ.

композиціи развертываются судьбы міра. Въ небѣ, отрѣшенномъ отъ земли облаками, ветхозаветный Богъ—«Знаменіе», Іисусъ Христосъ въ видѣ ангела и на крестѣ. Эмблемы евангеліи говорятъ о новомъ завѣтѣ. Ниже—земля, уже омраченная грѣхонпадениемъ, слезами и кровью Авеля. Безподобная подборомъ питанъ, въ верхней.

Роспись Зачатіевскаго храма Яковлевскаго монастыря.—17-й вѣкъ.

лучше сохранившейся части, фреска имѣетъ такія классическія фигуры, какъ фигуры ангеловъ и звѣрей. Въ высшей степени интересенъ убитый Авель; онъ лежитъ съ вытянутой рукою, послушный нижнему обрамленію фрески ¹. Также и Ангелъ правой части фрески, таящій въ себѣ Бога Отца, сильно поднялъ крылья; за нимъ летятъ неспровергаемые съ неба духи ². Очень интересны отдѣльныя клейма «семи таинствъ» росписи южной конхи алтари ³. Жанровая сцена даетъ намъ обликъ людей, когда то наполнявшихъ эту церковь, очевидцевъ прекраснаго искусства. *Смр. 118.*

До сихъ поръ неизвѣстны ни точная дата росписи Іоанно-Богословской церкви, ни имена мастеровъ, выполнившихъ ее. Но впечатлѣнію отъ фресокъ, думается, что онѣ написаны вскорѣ по окончаніи церкви (1683 г.) иконописцами, чуткими ко всѣмъ новшествамъ эпохи. Фрескамъ свойственъ отбѣнокъ живописности ⁴, большей чѣмъ росписямъ предыдущей эпохи. Трудно отмѣтить, чѣмъ достигнуто впечатлѣніе разнообразныхъ плановъ, чередующихся красочныхъ пятенъ; можно отмѣтить, что здѣсь движенія и блики несутъ иное разрѣшеніе задачи, чѣмъ раньше, въ 70-хъ годахъ 17-го столѣтія. Они утратили рѣзкость границъ и четкость. Сливаясь на извѣстномъ отдаленіи, они образуютъ мягкій переходъ изъ сильнаго тона въ свѣтлый. Очертаніямъ стала свойственна мягкость, движеніе изогнутыхъ линий, фигурамъ — большая сложность поворотовъ. Роспись трактуетъ о побѣдѣ христіанской праведности надъ языческимъ, — демоническимъ міромъ.

Верхніе ярусы отведены циклу фресокъ, иллюстрирующихъ любопытнѣйшее «хождение Іоанна Богослова» ⁵ *смр. 120*, нижній рядъ посвященъ житію Авраамія Ростовскаго ⁶. Въ житіи преподобнаго мы находимъ, что дьяволъ, желая искушить Авраамія, «шакости ему творце въ ночи и во дни». Однажды, желая преподобному «спону сотворити водою», дьяволъ забрался въ умывальницу. Но преподобный, провидя хитрость нечистой силы, накрылъ умывальницу крестомъ. Долго мучился бѣсъ «крестною силою жегомъ всосудѣ, не могый изыти», но случай помогъ ему. Однажды, когда Авраамій былъ въ церкви, его келью посетили Ростовскіе князья; тамъ ихъ вниманіе привлекла умывальница, покрытая крестомъ. Ничего не подозревая, они сняли крестъ, освобожденный дьяволъ выскочилъ оттуда и скрылся.

Фреска сѣверной стѣны представляетъ въ лѣвой части этотъ моментъ. Лыкующій дьяволъ, подвижной и эластичный, выпрыгиваетъ изъ сосуда; онъ же выбирается

¹ Дышло, направившій руками Каина, по недоразумѣнію уничтоженъ реставраціей; остались его руки и ноги. ² Уничтожены реставраціей; остался кончикъ, направленный противъ нихъ. ³ Фреска болѣе дружелюбно посприимала отъ неумѣлой реставраціи. Реставраціи, очевидно, принадлежатъ безобразныя струйки крови; думается, въ 17-мъ вѣкѣ еще не умѣли такъ плохо рисовать. ⁴ Не нужно смѣшивать съ тѣмъ падетомъ «живописности», который придаетъ фрескамъ, реставрированными 19-го вѣка. ⁵ Илларио Ладасечамъ по рукописямъ 13-го и 16-го ст. въ Обществѣ любителей триней живописности. ⁶ Въ серединѣ 19-го в. видѣнъ въ этомъ указаніи на свѣдѣ существовавшего на томъ мѣстѣ монастыря съ Аврааміевымъ монастыремъ и спрашивали, не былъ ли Іоанно-Бого-словскій монастырь основанъ на развалинахъ капища побѣжденнаго Велеса.

Арки Зачатьевскаго храма.—17-й вѣкъ.

изъ кельи, въ которую готовъ вступить Авраамій. *Стр. 121.* Дьяволъ не желалъ остаться неотмщеннымъ. Облекшись воиномъ, явился онъ во Владимиръ къ великому князю и наклеветалъ на преподобнаго. ...«мнихъ иѣкій, Авраамій вохвъ образомъ творящая яко свять, прельщаше же люди, смиренъ ся творя». Дѣйствуя на дурные инстинкты, дьяволъ наговорилъ князю, что преподобный нашелъ мѣдный сосудъ, полный золота, завладѣлъ имъ, поставилъ «тѣмъ сокровищемъ монастырь и церковь велию..., а твоему господству не повѣда».

Разсерженный князь далъ мнимому воину большія полномочія: «гдѣ обрящещи того монаха, то ни глаголи ни единого слова, но въ чемъ паки обрящещи его, тако и постави его предо мною»¹.

На фрескѣ мы видимъ неподобно поставленную фигуру дьявола-воина въ бесѣдѣ съ княземъ: тѣсное пространство заполнено угловатыми «контурными» движеніями.

Фреска «Тайная вечеря», находящаяся въ алтарѣ храма, даетъ прекрасный примѣръ тонкости всѣхъ средствъ выраженія, доступныхъ эпохѣ. *Стр. 122.* Въ легкомъ

¹ Цитаты изъ «Повѣсти о водвореніи христіанства въ Ростовѣ»: Бестужева-Рюмина «Памятники древней литературы», т. II. Росписи возобновляли два раза: въ 18-мъ и въ 19-мъ вѣкѣ.

склонъ фигуры Христа, подающаго хлѣбъ предателю, несомнѣнно вложены лирическія личныя переживанія, изъ неяснаго теперь пятна головъ выдѣляются сильно характеризованныя лица.

Слѣдующія по времени фрески Троицкаго (Зачатіевскаго) храма Яковлевскаго монастыря до нѣкоторой степени вознаграждаютъ насъ въ потерѣ соборной росписи. Совершенно исключительный эффектъ создаютъ въ этомъ храмѣ, узкомъ и высококомъ, арки, заполняющія пространство. *Стр. 123.* Наверху, на аркахъ, находишься словно въ зачарованномъ царствѣ грандіозныхъ иконописныхъ формъ; не воспринимая частности, не анализируя, можно находиться подъ обаяніемъ общихъ впечатлѣній. *Стр. 125.* По аркамъ тянутся колоссальные апостолы, на стѣнахъ и сводахъ расположены болѣе или менѣе сложныя композиціи, сохранившіяся отлично. Очевидно, реставраторы 19-го вѣка не дошли до этихъ рядовъ¹.

Храмъ сооруженъ Юной, но пока годъ его постройки неизвѣстенъ. Наружный видъ его простъ, даже бѣденъ. Четырехскатная крыша очевидно принадлежитъ, какъ и фигурныя главы, къ 18 му вѣку. Окна расширены, ихъ гирьки уничтожены.

¹ За переваломъ иконостасомъ 18-го вѣка писаньямъ Венидикомъ Вендеркиемъ удалось найти дѣтисы о росписи храма, дурно читаемую въ настоящемъ состояніи. 18та 7197 году мая въ 28 день, павата стѣнама писанномъ: «Іа церковь святая и Живоначальная Троица и ...Іакова епископа Ростовскаго чудотворца и совершена ...18та августа въ 2 ...». До живописи верхнихъ ярусовъ реставраторы добрались въ 20 мѣ вѣкѣ, въ мартѣ и маѣ 1913 г.

Расписныя ворота подь церковью Воскресенія.—18-й вѣкъ.

(Фот. П. Ф. Борщевского).

УШ.

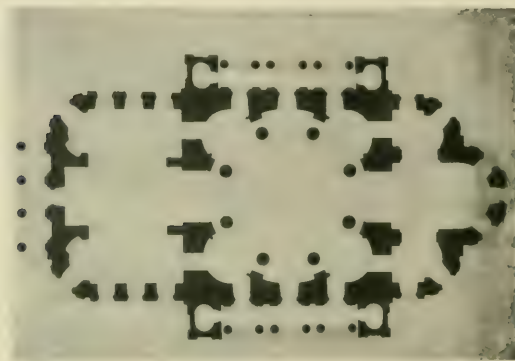
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ И ЭПОХА КЛАССИЦИЗМА.

Долгій перерывъ наступаетъ въ художественной жизни Ростова. Съ 17-мъ вѣкомъ умерла способность и возможность большого творчества, всегда живого и такъ сильно выявившагося. Въ 18-мъ вѣкѣ Ростовъ захудѣлъ: засорились и совсѣмъ изсякли источники, питавшіе его славу и силу.

Проектъ
Дми-
тріев-
скаго
храма
Яковлев-
скаго мо-
настыря.

Планъ
и фасадъ,
хранящіеся
въ ризницѣ
монастыря.
1794 г.

Восемнадцатый вѣкъ почти не оставилъ по себѣ памятниковъ искусства въ городѣ, но, несомнѣнно, митрополиты дѣлили созданіе Юны и частью дополняли, частью поправляли «Архіерейскій домъ». «Можно сказать, что въ Россіи три мѣста уваженія достойны: Троицкая лавра, Воскресенскій монастырь, Новоіерусалимскій и Ростовскій Архіерейскій домъ». Такъ писалъ архіепископъ Самуилъ князю Куракину уже въ 1777 г.

Изъ памятниковъ середины 18-го вѣка сохранилась роспись желѣзныхъ вратъ подъ церковью Воскресенія. *См. 125.* Голубые фоны и мягко тѣневые краски изображеній сообщаютъ этой ремесленной живописи пріятный жемчужный тонъ. По самой идеѣ ворота напоминаютъ кафельныя печи 17—18-го вѣка, очень полюбившіяся наивными картинками съ подписями. Въ данномъ случаѣ изображенія замѣтнованы изъ популярной въ 18-мъ вѣкѣ книги «Емблемы и символы»¹.

¹ Еще графъ М. В. Толстой въ серединѣ 19-го вѣка видѣлъ вдвое больше изображеній. Очевидно, тогда еще были дѣла ворота, обращенныя къ собору.

Дмитрієвскій храмъ Яковлевскаго монастыря.

1801 г.

Дмитрієвскій храмъ Яковлевскаго монастыря.—1801 г.

Не мало драгоценностей, самого разнообразнаго художественнаго достоинства, стали привозить и присылать изъ обихъ столицъ въ тихій раньше монастырь. Такъ, въ 1794 г. графиня Анна Алексѣевна Орлова прислала въ Ростовскій Яковлевскій монастырь «икону» св. Дмитрія, писаную Боровиковскимъ, картину Анибала Каррачи «Ессе homo» и три шитыхъ золотомъ иконы «съ великолѣпныхъ позлащенныхъ рамахъ за зеркальными большими стеклами». Каррачи былъ вывезенъ

*Портикъ Дмитріевскаго храма Яковлевскаго монастыря.
1801 г.*

Никша Дмитриевскаго храма.—1801 г.

графомъ Алексѣемъ Орловымъ изъ Италіи, графиня прислала его своему «духовному отцу—старцу Амфилохию»¹.

«Икона» Святитель Дмитрій виситъ въ теплой Яковлевской церкви, построенной той же Орловой много позже. *Смр. 129.* Картина создана соотношеніемъ двухъ тоновъ; на темно-сѣромъ, мѣстами холодномъ фонѣ всѣми переливами золота вырисовывается фигура святителя; шитье темно-зеленыхъ травъ выдѣляетъ всю пѣгу оранжевыхъ отблнковъ, тысячною искрѣ, яркихъ и притупленныхъ, вспыхиваетъ сере-

¹ То, что въ настоящее время выдается за картину прославленнаго мастера, не имѣетъ ничего общаго ни съ его творчествомъ, ни съ его эпохой. А. Неговъ «Росншихъ картинкахъ» сообщаетъ исторію картины.

Общій видъ Яковлевскаго монастыря.

бряный позументъ, митра и золотая отдѣлка ризы. Эти блески, горящія въ пепельно сѣрыхъ мягкихъ тѣняхъ, напоминаютъ эффектъ портрета Михаила Десницкаго. Дробные отѣнки лица дополняютъ гамму оранжевыхъ розовыхъ тоновъ.

Мало портретнаго имѣютъ черты лица святителя; во всякомъ случаѣ Боровиковскій не былъ стѣсненъ вульгарными и характерными для петровской эпохи «парсунами преосвященнаго Дмитрія», дошедшими до насъ; еще менѣе воспользовался онъ тѣмъ иконографическимъ изображеніемъ, которое, установившись въ срединѣ 18-го вѣка, давало идею о св. Дмитріи въ безжизненныхъ формахъ.

Между иконой и портретомъ создалъ Боровиковскій свой «образъ» святителя Дмитрія, полный человѣчности и жизненности высокаго искусства. Современное состояніе «образа» печально: въ 1853 г., какъ свидѣтельствуетъ рукопись, образъ былъ у монастырскаго иконописца. Очевидно, на счетъ этой «реставраціи» слѣдуетъ отнести однообразіе тона лица, забитость его дробныхъ формъ и безобразныя формы

*Башни съ
воротами
къ озеру.*

Яковлевскій
монастырь.
Начало
19-го вѣка.

рукъ. Потери въ лѣвой части — ступки деревяннаго масла, которымъ протирали передъ одной изъ пасохъ многострадальный образъ.

Притекшія средства дали возможность монастырю соорудить храмъ, болѣе соответствующій славіи свитителя, чѣмъ соборъ, построенный еще Юною.

Въ ризницѣ монастыря сохранился цѣлый рядъ проектовъ. Первые два чертежа очень близки по типу, судя по примѣчаніямъ къ плану № 2, церковь уже была возводима въ 1794 г. *стр. 128.* Остальные три чертежа *стр. 130* представляютъ замыселъ храма близкій по духу къ осуществленному: какъ здѣсь, такъ и тамъ блестящіе архитектурные замыслы Казакова, нужно только отмѣтить, что хотя въ существующемъ храмѣ всѣ частности и получили болѣе счастливыя пропорціи, въ то же время замыселъ архитектора былъ осуществленъ частью трубами и неумѣлыми руками подрядчика. *стр. 131, 132, 133, 134, 135.*

Южная часть ограды Яковлевскаго монастыря. — Начало 19 го вѣка.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдлнга).

Отказываешься вѣрить, чтобы одинъ и тотъ же мастеръ создалъ воздушную пирамиду куполовъ и въ то же время такъ неудачно перервалъ связь фронтоновъ и массъ низко опущенной трапезной частью церкви. Быть можетъ справедлива легенда, утверждающая, что графъ Шереметевъ строилъ храмъ съ надеждой перенести въ него мощи св. Дмитрія. Храмъ близился къ концу, когда графу сказали, что мощи, на основаніи пророческихъ словъ Дмитрія, перенесены быть не могутъ; графъ бросилъ постройку. Ее оканчивали на средства мастеровъ.

Если довряться указаніямъ мѣстныхъ изданій, Шереметевскій храмъ былъ оконченъ къ 1801 г. Очевидно тогда же была возведена ограда монастыря съ «венеціанскими» башенками. *Стр. 136, 137.* Хорошую картину мѣстной природы и памятниковъ даетъ Шевыревъ, бывшій въ Ростовѣ въ 1847 г. «Не могу забыть полудна, проведеннаго мною на угольной башнѣ монастыря со стороны Московской дороги. Солнце начинало склоняться къ западу, но было еще довольно высоко. Озеро ровнымъ зеркаломъ разстилось подъ стѣнами обители. Полосы, то голубья, то

Домъ
Щапо-
вой
на По-
кровскѣ.

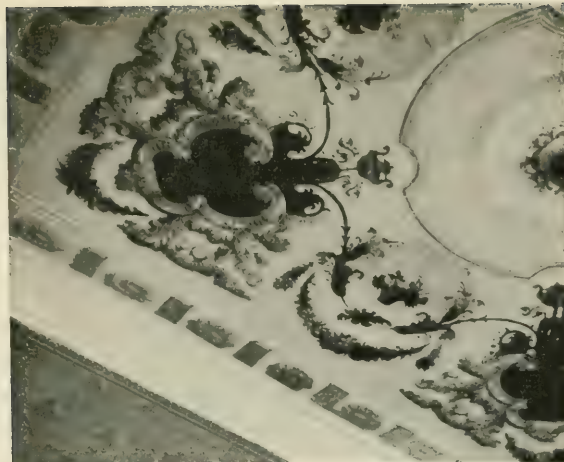
(Фот.
Б. П.
фонъ
Эдшта).

серебряныя, то темныя, рисовались по его поверхности. Вдали видѣлся зеленый островъ: иноки въ лодкахъ подплывали къ нему для уборки сѣна. Благолюбивые храмы обители Іаковлевской возвышались прямо передъ нами: красивая ограда съ своими разнообразными башенками и галереями облегла ихъ ровнымъ четвероугольникомъ. Игривая и легкая архитектура ихъ согласовалась съ веселымъ впечатлѣніемъ окружающей природы. Монахи убирали сѣно по огромному двору монастыря. Вдали видѣлся, вдоль озера, древній городъ Ростовъ. Всѣ обители и церкви, память которыхъ соединена съ самыми древними христіанскими преданіями Ростова, ясно обозначались отсюда. Какъ прекрасна природа въ этомъ окруженіи свѣтлѣны. Благословеніе Божіе и чистая красота ея дружатся въ мысли созерцателя. И сама природа какъ будто преображается, и благословеніе Божіе, сообщаясь намъ черезъ красоту ея, становится доступнѣе земнымъ нашимъ чувствамъ. Отсюда объясню, почему основатели монастырей любили красивыя мѣста. Святая вѣра наша исполнена сочувствія къ природѣ, какъ къ Божію созданію. Въ словахъ Божественнаго Учителя сколько прекрасныхъ образовъ, изъ нея взятыхъ. Только Самъ Творецъ полевой лиліи могъ выразиться объ ней такъ, что и Содомонъ во всей славіи своей никогда такъ прекрасно не одѣвался¹.

Главнымъ памятникомъ эпохи классицизма въ Ростовѣ является планъ распорядковъ самаго города. Величайшее разнообразіе представлялъ въ старину Ростовъ: густо населенные «концы» и слободки разрѣзались то узенькими извилистыми ули-

¹ Проф. Шеваревъ. «Побѣда въ Кирилло-Белозерскѣ монастырѣ». Москва, 1850 г.

Роспись
потолка
дома
О. Д.
Мальги-
ной.

(Фот. Б. П.
фонъ
Эдингга).

цами, то маленькими рѣчками и овражками. Названіе одного мѣста «Кри(в)ули» передаетъ намъ характеръ, въ большей или меньшей степени присущій всему городу. Просвѣщенная администрація 18-го вѣка не могла долго терпѣть эту «азиатчину»; новый планъ города былъ утвержденъ Екатериной II, однако, приведенъ въ исполненіе только въ 20-хъ годахъ 19-го столѣтія.

Тщательно сравнивали и сгладили всѣ неровности, все характерное, оставивъ лишь валы кремля да развалины архіерейскаго дома. Тогда широкая площадь ровнымъ кольцомъ ооясала кремль; здѣсь разбивалась каждый годъ великимъ постомъ ярмарка со всѣми ея «дегтярными», «колесными», «пряничными» и т. п. рядами.

Длиныя широкія улицы потянулись во всѣ стороны прямыми рядами, по нимъ чинно выстроились небольшія церковки и купеческіе дома; и тѣ и другіе скорѣе созданы бытомъ, чѣмъ искусствомъ эпохи. Кое что изъ обстановки, обычаевъ и костюма купеческая среда сохраняла изъ старины, но это было угасающее теченіе: его смѣняла погоня за общеевропейскими формами жизни и искусства.

Монотонные торговые ряды. Мытный дворъ, рѣшетка городского сада, домъ Щаповой *стр. 138*, и роспись потолка дома О. Д. Мальгиной *стр. 139*, вотъ тѣ уже немногіе памятники эпохи, которые оставилъ по себѣ провинціальный клас- сицизмъ.

Прошлымъ стало въ Ростовѣ то, что нѣкогда составляло его мощь и славу. Изъ всѣхъ ореоловъ великаго города только художественный не измѣнилъ ему. Но изъ числа многихъ могилъ прошлаго Ростовъ выдѣляется не только вѣчно

свѣжей, юной красотой храмовъ, палатъ и фресокъ. Ростовъ сохранилъ самые звуки старины въ напѣвахъ своихъ колоколовъ.

Въ Страстную недѣлю и въ пасху, все такъ же какъ и въ старину сотрясается воздухъ древней митрополіи безподобной музыкой «красныхъ звоновъ». Тогда съ особой силой ощущеніе живой красоты Ростова говорить объ иной правдѣ, чѣмъ правда скучныхъ будней современной русской провинціи.

*Видъ Ростова 18-го вѣка на кіотѣ Троицкаго храма
Варницкаго монастыря.*

Фот. М. А. Орлова.

УГЛИЧЪ

Угличъ во время половодья.
(Изъ собранія фот. Б. Н. фонъ Эдлинга).

I.

ПРОШЛОЕ УГЛИЧА.

Глухой сосновый лѣсъ разступается, открывая видъ на Угличъ. И откуда бы ни смотрѣть на городъ, отовсюду видны темныя полосы лѣса, прервавшагося словно затѣмъ, чтобы дать незабываемое зрѣлище Углича — зачарованнаго града Китежа. Ничто будничное и дѣловое не играетъ роли въ картинѣ города: церкви на возвышенномъ берегу Волги возносятся стѣны и безчисленныя главы надъ лѣснымъ горизонтомъ. *Стр. 143, 145, 147.*

Этотъ городъ потерялъ и забылъ свое политическое значеніе, лишь церковная память хранить имена своихъ прославленныхъ князей, но о цѣлыхъ эпохахъ доблести и бѣдствій мы узнаемъ только изъ общихъ историческихъ книгъ, чуждыхъ повседневной жизни города.

Возникновение Углича своею давностью ускользаетъ отъ исторіи. Кладъ, найденный въ 1880 г. у Богоявленской горы, свидѣтельствуесть о большомъ торговомъ поселеніи въ 8—9-мъ вѣкѣ на мѣстѣ Углича или близъ его. Много филологическаго и историческаго остроумія было проявлено при объясненіи самаго имени Углича. Для этого переселяли цѣлое славянское племя съ Дибіра, заставляли древнихъ насельниковъ жечь уголья и т. п.

Быть можетъ, больше основанийъ за собою имѣеть мнѣніе, что «Угличе поле», въ первый разъ встрѣчаемое въ лѣтописи подъ 1148 годомъ, есть обозначеніе поля, принадлежавшаго древнему поселенію «Угледу»; названіе Углича могло включатьъ въ себя, подобно до-ярославскому «Медвѣжьему углу», понятіе уголка — угледа.

До Владиміра, замѣнявшаго прежнихъ намѣстниковъ членами своего семейства, въ Угличѣ былъ посаженъ «княжій мужъ», собиравшій съ населенія подати, въ то же время въ Угличѣ было вѣче, при чемъ нѣкоторую жизненность вѣчевыхъ традицій Угличане сохранили въ 15-мъ и 16-мъ вѣкѣ. До 13-го вѣка судьбы Углича связаны съ судьбами Ростова, къ области котораго онъ принадлежалъ; лишь въ 1211 г. Ростовскій удѣлъ распался на три княжества — Ростовское, Ярославское и Угличское.

Но недолго длилась пора самостоятельности. При нашествіи Батюя, князь угличскій — Владиміръ бѣжалъ въ Новгородъ, и татары не тронули славшагося города. Князь вернулся изъ Новгорода, но уже власть принадлежала не ему. Онъ былъ изгнанъ татарами за неисполненіе ханскихъ приказаній. Его сынъ Андрей, примирившійся съ господствомъ печестивыхъ, спокойно управлялъ Угличемъ. Затѣмъ князь Романъ, прославленный церковью за свое долгое и тихое княженіе, украсилъ городъ пятнадцатью церквами.

Цѣлый рядъ князей съ различной степенью доблести и честолюбія управлялъ Угличемъ и его областью, не терпящими подъ властью отдаленныхъ татаръ ни своего значенія, ни своего богатства. Но возвышеніе Москвы зачастую превращало Угличъ изъ стольнаго города въ мѣсто заточенія его князей, нѣсколько поколѣній которыхъ тернить отъ Москвы, проявляющей съ удивительнымъ постоянствомъ вѣроломство и безграничную жадность.

Впервые въ Угличѣ былъ заточенъ Василій Темный, потерявшій въ козняхъ и Московскій престолъ и зрѣніе.

Василій Ярославичъ, получившій Угличъ отъ Темнаго, въ благодарность за возвращенный съ его помощью Московскій престолъ, потерпѣлъ отъ того же Московскаго князя быть схваченъ и посаженъ въ угличскую темницу, хорошо знакомую Московскому князю. Страшныя казни обрушились на угличанъ, желавшихъ освободить любимаго князя. Однако, при всѣхъ бѣдствіяхъ и заключеніяхъ отъ

Видъ Ялиця отъ «Рыбаскобъ».

Москвы. Угличъ все еще былъ богатъ жизненными силами, и княженіе Андрея Васильевича Большого, позже, за всѣ бѣдствія, прозваннаго Горнемъ, можно считать процвѣтаніемъ города.

Новгородскими мастерами, вызванными княземъ, былъ украшенъ Угличъ соборомъ и дворцомъ; рядъ монастырей возникъ при его внимательномъ участіи къ нуждамъ населенія.

Татарское иго пало, чтобы смѣниться еще большей тяготой Москвы; житіе св. Пансіа Угличскаго даже въ редакціи 17-го столѣтія сохранило настроеніе этой эпохи въ словахъ святого, несравненныхъ по чуткому прозрѣнію: ... «иѣкогда святому Молитву свою Господеву возсылающе и яко забывшуся надолгъ часъ и стоящу виѣ себе, ученику же его на него смотрящу и ничто же смѣющи рещи... и потомъ наки въ себѣ приодобному зѣло скорбѣти начинающе, ученикъ же едва возможе вопросити его. И повѣда ему преподобный нашъ отецъ, глаголя: «Чадо! присѣвастъ время злое и злое на ны навадая на градъ нашъ и обитель, ибо господари наши державни въ Русіи междоусобно собою брань воздвигнуть и смютуютъ сами, никому же ихъ гонищу и кровь между собою безвинно проліють, и держава наша ниѣмъ во одержаніе будетъ, и вся Россійская земля понаѣвится и церкви Божіи мнози осквернятся зловѣрными руками, и кровь христіанская многа проліется»...

Но это еще было не самое худшее, что открылось передъ взоромъ вѣщаго святого. ... «И потомъ наки мало благоденствія въ мірѣ будетъ, и наки смущеніе веліе церквамъ Божіимъ приндетъ и всѣмъ вѣрнымъ неутѣшний плачь отъ властей будетъ. Инокі же миролюбцы и гордолобцы и занойцы будутъ, а смиренія образъ ни во что имъ тогда будетъ, и каждаго зло срѣтати будетъ и вѣра тогда изсякнетъ до конца во многихъ... И сія изрече святыи отецъ съ болѣзнію великою ко ученику».

Дѣйствительность оправдала скорбь святого Пансіа: Юаннъ Васильевичъ Московскій «невѣдомо и како воета» на Угличскаго князя, своего брата, «согна со престола и въ темницѣ и съ чяды его заточи». Вскорѣ князь Андрей умеръ. Кисель пишетъ, что Василій III «ужаснулся своего поступка», и щедрый на мѣста въ великокняжеской усыпальницѣ, положилъ брата въ Архангельскомъ соборѣ. Однако, несчастныя дѣти Горня томились въ заточеніи, и ходатайства за нихъ передъ Великимъ княземъ не имѣли никакого успѣха. Заговоромъ, хотя и неудавшимся, Угличане доказали преданность своимъ князьямъ.

Преподобный Пансіа долго просилъ передъ Василіемъ III за неповинныхъ князей, зло обаче насильству княжеву одолѣти не возможе... гиѣвъ той гордый не возможе смирити»: оставалась только надежда на правый судъ Божій. Преподобный

Видъ Углича отъ Зыковой горы.

добный умолялъ князей «срѣдѣ терѣтъ затворъ таковыя темницы и узы, общая имъ за то вѣщцы у Христа, Царя всѣхъ и праведнаго Судии исходатовати»¹.

Народная любовь отвѣтила признаніемъ святости князя Іоанна, только въ дѣтствѣ видѣвшаго свободу въ свободномъ Угличѣ. Въ городѣ, настроенный тревожно и недоброжелательно къ Москвѣ, былъ присланъ намѣстникъ и 500 человекъ бояръ, «чтобы захвативши угличское княжество, надежнѣе удержать въ полной своей власти»². Управление намѣстника было таково, что Угличане, еще не забывшіе времена былой славы и свободы, подняли мятежъ въ пользу заточенныхъ молодыхъ князей. Онъ кончился неудачей. Много угличскихъ граждацъ было разселено по другимъ городамъ.

Послѣднимъ Угличскимъ княземъ, если ссылку можно считать княженіемъ, былъ царевичъ Дмитрій, своей кровью въ послѣдній разъ обagrившій злополучный

¹ Всѣ цитаты изъ житія Преподобнаго пришлось взять безъ провѣрки съ оригиналомъ, изъ книжки Преподобный Паисій Угличскій чудотворецъ и основаніе имъ Угличскаго Покровскаго монастыря». Ярославль 1904 г.

² Киссель. «Исторія города Углича», стр. 198.

Угличскій престолъ. «Древній Угличъ.—говоритъ Лавровъ въ своей книгѣ «Святой страстотерпецъ Благовѣрный князь Угличскій царевичъ Дмитрій».—куда направлялся царевичъ Дмитрій, былъ «въ то время великъ и многонароденъ, пространенъ же и славенъ и въѣми благами изобилова паче иныхъ градовъ въ державѣ Русской сущихъ княженіи престоловъ почтенныхъ и властительскіи государства украшена»¹. По свидѣтельству Угличскихъ лѣтописей, онъ имѣлъ 150 церквей, въ томъ числѣ три собора: Спасо-Преображенскій, Успенскій и Благовѣщенскій, двѣнадцать монастырей, изъ нихъ три дѣвичьихъ и девять мужскихъ; пятнадцать церквей находились на лѣвомъ берегу Волги. Вокругъ города со всѣхъ сторонъ, а особенно по дорогамъ разбѣяны были слободы на большое разстояніе, такъ что окружность его считали въ 24 версты. Въ Угличѣ считалось 17.000 тѣлыхъ домовъ, несущихъ всѣ повинности и оброки. Всѣхъ же жителей было въ Угличѣ 40.000 обоего пола и всѣхъ сословіи вообще. Дьяковъ, подьячихъ, писцовъ, стрѣльцовъ, или вообще всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ высшихъ и низшихъ, которые служили въ Угличѣ, считалось 9.000 человекъ². Кромѣ того, что Угличъ былъ въ то время обширенъ, богатъ, онъ былъ и очень красивъ: онъ еще хранилъ всѣ признаки стольнаго города бывшаго удѣльнаго княжества. На правомъ берегу Волги возвышался въ немъ «Кремль», обнесенный крѣпкою стѣною съ башнями, вооруженный пушками, пищальми и самопалами и окопанный глубокимъ ровомъ, примыкавшимъ своими концами къ Волгѣ. Черезъ ровъ, наполненный водою изъ Волги и изъ впадающихъ въ нее маленькой рѣчки Шелковки и Каменнаго ручья, устроены были деревянные мосты противъ кремлевскихъ воротъ, ведущихъ къ Волгѣ и въ городъ; эти ворота находились въ двухъ башняхъ—Спасской и Никольской, и задвигались дубовыми засовами. Внутри Кремля красовался воздвигнутый въ 1462 г. Угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ каменный двухъэтажный дворецъ... Прочее строеніе продолжалось на востокъ отъ Кремля вплоть до Селивановскаго ручья. Около нынѣшней Воскресно-Флоровской церкви и колокольни были княжескія конюшни, почему и набережная рѣки Волги прежде называлась Конюшенной улицею. На противоположномъ берегу Волги прямо противъ Кремля находился княжескій хозяйственный дворъ, который служилъ всегдашнимъ запаснымъ магазиномъ; отсюда, какъ изъ кладовыхъ, шло черезъ Волгу все то, что только нужно было для содержанія двора и гостей. Для разведенія и содержанія рыбы здѣсь имѣлось сохранившееся доселѣ «царское озеро», большой и очень глубокой прудъ съ прекрасною ключевой водою».

До сихъ поръ не разобралась исторія въ темномъ дѣлѣ убіенія царевича Дмитрія, и можно уже сомнѣваться, что когда нибудь прояснится кошмарный

¹ Изъ лѣтописца, принадлежащаго Е. В. Барсову. «Труды Яросл. Губ. Уч. арх. Комисіи», в. 1, ст. 134—135.

² Кисель. «Исторія города Углича», стр. 309—310. Ярославль, 1831.

Порталъ собора Покровскаго монастыря. 1479—1483 г.

сумракъ, покрывающій недолгую жизнь царственнаго ребенка и прославленныя мощи.

Послѣднее утро жизни царевича живо воскрешаютъ строки ниже приведеннаго сказанія. Авторъ, по мнѣнію Бычкова, сообщившаго сказаніе, былъ очевидцемъ событія.

«Царевичъ поутру всталъ дряхль съ постели своей, и глава у него государя царевича съ плечъ покатила, и в четвертом часу дни (10 ч. утра) царевичъ пошолъ къ обѣдѣ, и послѣ евангелія у старцовъ Кирилова Монастыря образы принял. И

послѣ обѣдин пришелъ къ себѣ въ хоромы, и платейцо перемѣнилъ, и въ ту пору с кушаньемъ взошли, и скатерть послали и Богородиченъ Хлѣбецъ священникъ вынулъ, а кушанъ государь царевичъ по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вся дни причащаются хлѣбу Богородичи; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити, и испивъ пошедь съ кормилицею погуляти. И въ седьмой часть дни, какъ будетъ царевичъ противу церкви цари Константина, и по повелѣнію измѣнника злодѣя Бориса Годунова, прислѣвшие душегубцы, ненавистники царскому корени, Никитко Качаловъ до Данилко Битяковской, кормилицу его палицей ушибли, и она объмертвѣвъ пала на землю, а ему государю царевичу в ту пору кинжес перерѣзали горло ножемъ, а сами злодѣи душегубцы вскричали великимъ гласомъ. И услыши шумъ мати его государя царевича и великая княгиня Марія Федоровна прибѣгла, и видѣ сына своего царевича мертва, и взяла тѣло его на руки, а они злодѣи душегубцы стоятъ надъ тѣломъ государя царевича обмертвѣли, аки пси безгласни, противъ его государыни матери не могли проглаголати ничто же, а дяди его государевы в тѣ поры разехались по домамъ кушати, того грѣха не вѣдая; и взявъ она государыня тѣло сына царевича Дмитрія Ивановича, и отнесла в церковь благолѣпнаго Преображенія Господни и повелѣ государыня ударити звоны великія по всему граду, и услыша народъ звонъ великъ и страшень, яко николи же бысть такова, и стеканася вси народи от мала и до велика и видѣ государя царевича мертва, и возони гласомъ велимъ мати его государыни Марія Федоровна, плачася, убиваяся, говорила всему народу, чтобы тѣ оканіи злодѣи душегубцы царскому корени живы не были»¹.

Надъ гробомъ младенца началось зѣбрское избіеніе всѣхъ заподозрѣнныхъ въ заговорѣ съ Годуновымъ.

Нагѣ проявили непопятную дѣятельность. По распоряженію царицы матери, уже два дня спустя по смерти царевича, была убита «женка уродливая», которая лаживала на царскій дворъ «для потѣхи». Объяснили, что «эта женка царевича портида», быть можетъ, и не замѣчая въ своемъ подозрѣніи косвеннаго подтвержденія слуха о «падучей» болѣзни Дмитрія.

Какъ бы то ни было, по выраженію патриарха Іова, «царевичу Дмитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ»... по человѣческой судъ былъ въ рукахъ Бориса Годунова, а обвинять Нагихъ и Угличанъ было можно за небреженіе жизни царевича и за разгромъ, учиненный послѣ его смерти.

Годуновъ жестоко наказалъ Угличъ. Разореніе города отъ него поставлено въ мѣстныхъ дѣтонисяхъ на ряду съ разореніями татаръ и Литвы. «Борисъ разъярился...

¹ А. О. Битковъ, «Повѣсть объ убійствѣ царевича князя Дмитрія», «Мтеинъ Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ» Октябрь, декабрь, 1863 г.

*Крестъ
въ соборѣ
Покров-
скаго мо-
настыря.*

Рѣзьба
изъ кости
16-го вѣка.

во градъ Угличъ посла и повелѣ разорити, что убиша тѣхъ окаянныхъ, и на него глаголаху, иныхъ казняху, инымъ языки рѣзавъ, иныхъ-же по темницамъ разсылаху, множество людей сведоша въ Сибирь, и постави градъ палымъ (Шельмъ) и ими посадиша; и съ того времени Угличъ запустѣ»¹.

Кара постигла не только гражданъ, но и колоколь, напрасно оповѣстившій городъ объ убійствѣ.

«... а колоколь есть великій виновникъ соборную церковь разлучивъ и неблагословно надъ нимъ учинивъ и въ Сибирскую страну въ городъ Тобольскъ нуждею его сославъ»².

Еще творческое сознание народа создавало вокругъ этого событія чуда и

¹ «Изътопись о многихъ мятежахъ», Спб. 1771 г. ² Переяславскій лѣтописецъ, цитировано по книгѣ Л. Ф. Соловьева «Краткая исторія города Углича».

Свнныя ворота Покровскаго монастыря.

17—19-й вѣкъ.

легенды. «Въ городѣ и на посадѣ кто то невидимый Бадилъ, стучалъ въ ворота и кричалъ: «чего вы спите: царя вашего не стало»¹

Однако, Угличская драма 1591 г. имѣла продолженіе въ ужасахъ наступившаго «лихолѣтя»: Угличскій «Итоиседь», дошедшій въ довольно скучной и вялой редакціи 18—19 го вѣка, съ большимъ воодушевленіемъ рассказываетъ о гибели Углича «отъ поляковъ». Быть можетъ, еще живыя преданія сообщали столько живого чувства соста-

¹ Годуновскій «Итоиседь о мнѣшихъ вѣтежахъ», «Ист. Вѣст.», 1896 г., XII.

Богоявленская церковь Покровскаго монастыря.

вителю лѣтописца, а можетъ быть и то, что онъ былъ вдохновленъ дошедшими и до Углича образцами классической литературы.

«О разореніи града Углича отъ Польскаго короля Жигимонта жалостное и умильное повѣствованіе вкратцѣ».

«Аще убо древнїи гречестїи исторїи описатели и другїя многїа описаша о разоренїи славныхъ великихъ городовъ Трои, глаголю, Иерусалима, и о пѣвненїи Царяграда, и чрезъ сіе вѣчной предаша памяти и въ слухъ людей объ ономъ вѣстоисна, яко проидоша много вѣковъ, а память ихъ и донынѣ обносится по вселеннѣй, кольми паче намъ сущимъ гражданамъ о конечномъ разоренїи града Углича должно имѣть въ памяти». Затѣмъ, съ эпической послѣдовательностью «Лѣтописецъ» рисуетъ картины «пришествїя поляковъ подъ градъ Угличъ», «О первой бранї Литвы

Малыя ворта Покровскаго монастыря.

и Христіанъ». «Посланіе съ предложеніемъ мира», «Отказъ Угличанъ Литовскимъ воеводамъ», единодушно говорищихъ: «умремъ за градъ нашъ и за сіе отечество, паче-же за святаы церкви, въ нихъ же народихомся вѣрою Святою; умремъ за нашего Государя, Святаго Царевича Дмитрія, а сего богомерзкаго короля не будемъ до послѣдняго издыханія почитать и Богомъ сего прекраснаго насажденнаго града волею не сдадимъ».

Послѣ неудачныхъ попытокъ взять городъ, поляки пошли на подкупъ. Гибель Углича была предварена слѣдующимъ образомъ. «Егда восхоѣтъ Господь Богъ рабамъ своимъ явити раззореніе града и животь ихъ мученически скончати, яви старцу Николаю монастыря, зовомаго Песочный, сиде: въ недѣлю шестую великаго поста въ полунощи молящуся иноку со слезами и просящу Бога о помощи и побѣдѣ на поляки, тогда явился ибкій прекрасный юноша во образѣ ангела Божія къ нему пришедша и глаголюща: «что, старче, плачеша и Многомилосерднаго Бога о семъ молиши, яко да побѣдитъ супостаты ваша? Но иди и рвы священникамъ и вѣѣмъ гражданамъ, яко созрѣла уже добрая пшеница и присѣѣ время ю жати, и хошетъ Царь небесный скоро взяти въ небесную житницу». Наки юноша сіе вторично рекъ: «иди и не облыбнеша и говори посреди церкви во уши вѣѣмъ людемъ», и абіе юноша невидимъ бысть. Тогда рече оный старецъ въ соборную церковь, и повелѣѣ

Башня воротъ Покровскаго монастыря.

всѣмъ гражданамъ и священникамъ собратися. И бысть егда собратася, тогда взыде и старецъ въ церковь и ста на амвонѣ посреди церкви и лицо его просвѣтися благодатию Божіею и глаголь явльшагося ангела Божія всѣмъ во услышаніе сказа весь. Сіе слышавше граждане и священники прослезиса и глаголаху: да будетъ воля Господня, якоже изволися Ему и будемъ лучше намъ умерти, нежели пріяти панежскую вѣру». Старецъ же той во время святой литургіи причастися Святыхъ Тайнъ и шедъ въ келлію возляже на одрѣ почи о Господѣ».

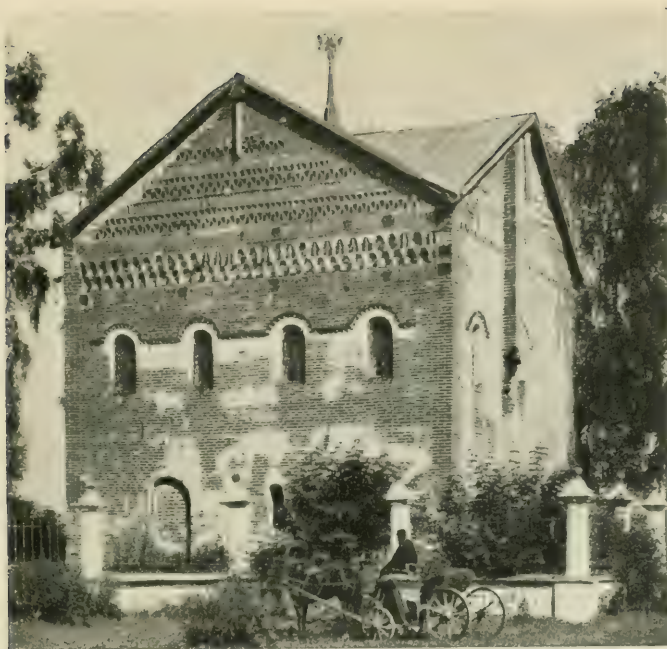

Соборъ Преображенія Господня.

1700—1713 г.

«О заповѣданіи гражданамъ Молитися Богу». «Священники заповѣдаша тогда всѣмъ гражданамъ въ понедѣльникъ Страстныхъ седмицъ собраться въ церкви, день и ночь въ молении пребывать, зане ужасошася пророка гласа о разореніи града и гласъ смерти возвратившагося, и всѣ тогда граждане молящеся и причащахуся Святыхъ Таинъ и ѿбша панихиды по усопшихъ по всѣмъ церквамъ и всѣ слезы горестныя проливаху, облакшая градъ свой прекраснѣйшій, паче же омываху своя многая прегрѣшенія».

Городъ былъ взятъ. Послѣ страшной рѣзни, пантавшей землю словно дождями, грунцовъ человѣческихъ только бысть по всей крѣпости, что не можно и малато

*Дворцовая палата Угличских князей. 1481—1483 г.
(Фот. Ш. Ф. Борщевского и акварель 40-х годов Серебряникова).*

Алексѣевскій монастырь.

мѣста обрѣсти, идѣже бы мертвыхъ тѣлъ не было и яко мостъ намостивъ». Но еще оставались горожане въ соборѣ, какъ въ послѣднемъ оplotѣ нашего города. Подяки «устремившася къ соборной церкви и двери оной отломавше, ужасошася, яко множество бысть гражданъ обоего пола. И сотвориша граждане плачь и крикъ велий въ церкви, взывающе другъ ко другу: «горе намъ грѣшнымъ!» и горѣвъ рыдаху видяще свою кончину: устремившася же вси, хотяще воиъ бѣжати изъ церкви, но лютии тираны, вшедше въ церковь, немилостивно всѣхъ посѣкають, оныхъ изъ церкви воиъ влекуще горѣвй смерти предаваху, и только въ церкви множество бысть убивенныхъ, яко крови ихъ чрезъ порогъ церковный предливатися. Егда же прокляти Латини всѣхъ ту посѣкоша и не оставиша въ живыхъ въ церкви ни

Успенская «Дивная» церковь Алексиевскаго монастыря. — 1628 г. ?)
(Фот. И. Ф. Борщевского).

Устюжская «Дивная» церковь Алексѣевскаго монастыря.—1628 г. (1)

единого, но все потоплени бывше въ своей крови и мыющеся въ оной отъ грѣховъ своихъ!»¹

Трудно представить себѣ истинное число погибшихъ тогда въ Угличѣ. Сунопъевская лѣтопись подробно перечисляетъ жертвъ погрома, но нельзя ничѣмъ подтвердить приводимыя цифры.

¹ А. О. Соболевъ. «Краткая исторія города Углича».

Обработка алтарей Успенской «Дивной» церкви. 1628 г.

«Здѣ умыслихъ изъ чести всѣхъ убіенныхъ окаанными пашстами во градѣ Угличѣ въ третей брани бысть убито разнаго рода званія 20 тысячъ человекъ: священниковъ, діаконовъ и церковно служителей по исчисленію церковей, до 500 человекъ. Сожжено и истреблено 40 мужскихъ монастырей и 2 женскихъ, а въ нихъ два архимандрита, восемь игуменовъ и двѣ игуменьи, монаховъ 500, церковей истреблено и сожжено 150, мірскихъ домовъ 12 тысячъ. Всего по исчисленію, убитыхъ, повѣшенныхъ, утопленныхъ и прочими смертями умученныхъ всякаго званія, пола и возраста до 40 тысячъ человекъ. Имъ же всѣмъ за вѣру Христову умерши подасть Господь вѣчную память и покой»¹.

«Кто твою, граде, погибель теплыми слезами не оплачетъ, и кто не возрыдаетъ о убіенныхъ любезныхъ нашихъ гражданъ, кто не поболѣзнуетъ сердцемъ, кто не воздохнетъ? Воистину намъ достоинъ, братія, плакати, давидски глаголюще: «Аще не помянемъ тебе, граде Угличе, забвени будемъ и мы отъ Бога своего»: плакали сынове

Сіони о зануствіи града Іерусалима: плачьте и вы, о любимии града-не, о разореніи града Углича».

Въ 18 – 19-мъ вѣкѣ Угличъ

не имѣлъ исторіи.—но крайней мѣрѣ не знаешь,

что можно было бы отмѣтить на ряду

съ возвышенными и скорбны-

ми моментами древ-

няго Углича.

Церкви Алексеевскаго монастыря: Иоанна Предтечи (1681 г.) и «Дивная» (1628 г.).

II.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ УГЛИЧА.

Близъ Углича сохранился единственный свидѣтель былой мощи древней культуры — соборный храмъ Покровскаго монастыря. *Стр. 152.* Монастырь расположенъ на живописномъ берегу Волги. Къ нему близко подходят темные лѣса, лишь у рѣки отодвинутые пашнями и деревнями.

Въ старину здѣсь было больше жизни, но слѣды человѣческой культуры, менѣе прочные, чѣмъ «равнодушная природа», погибли, уступивъ мѣсто сочнымъ изумруднымъ полянамъ да непроходимымъ чащамъ лѣсовъ.

Воскресенскій управленнiй монастырь.

Около 1674 г.

Такъ Богоявленская гора, соедняя съ монастыремъ, судя по кладу, найденному здѣсь, могла быть мѣстомъ древнѣйшаго населенiя: названiе Богоявленской горы пережило бывшiй здѣсь Богоявленскiй монастырь, не возстановленный послѣ польскаго погрома.

Житiе святаго Панаѣя, основателя монастыря, разсказываетъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построене соборнаго храма.

Самые размѣры храма были даны свыше, явившимися пятью крестами: «свѣтищихъ до земли — четыре косвенно, пятый же впрямь». Руководясь указанiемъ, поставили алтарь на югъ — особенность довольно рѣдкая. Самое освещене храма въ 1483 г. происходило при большомъ създѣ духовенства, въ присутствiи князя и его семейства. Чудеса и здѣсь украшали действительность: «И бысть всенощное бдѣние съ вечера въ новосозданной оной церкви соборной на самыи той день

Воскресенский урядный монастырь. — Около 1674 г.

Переходы Воскресенскаго монастыря. — Около 1674 г.

Пресвятыи Богородицы честнаго славнаго Ея Покрова, мѣсца октября на 1-ой день. И на томъ бдѣнн ивѣнн боголюбивые иноцы выдѣша на высотѣ, пдѣже въ шен главнѣи бѣ создана церковь мала, ангеловъ предстоящихъ и сладко и тихо ибень сію поощихъ: «Радуйся, Сіоне святый, Мати церквямъ, Божіе жилище!»

Нашествіе поляковъ въ полсвинѣ 17-го столѣтн прннесло страшное разрушеніе всему находящемуся въ Угличѣ. Не избѣжалъ общей участи и Богоявленскій монастырь.

За крѣпкими стѣнами монастыря укрылось больше тысячи человекъ. Игумень, надѣясь усидѣть нападающихъ, вышелъ къ нимъ съ избранными двѣнадцатью

Переходы Воскресенскаго монастыря.

Около 1674 г.

монахами. Игуменъ былъ разсѣченъ пополамъ. Тотчасъ же погибли и сопровождавшіе его монахи. Ударъ, поразившій игумена, пришелся и на крестъ, находившемуся въ его рукахъ. Въ настоящее время недостающая часть перекрестья этого отличнаго памятника русской древней рѣзьбы восполнена изъ дерева. Крестъ заключенъ въ деревянную обкладку, лишающую его контура простого изящества. *Стр. 151.*

Поляки разграбили все, и все предали огню. Среди собора былъ разложенъ костеръ «и церковь разжеся на подобіе печи, братія и граждане въ потайной церкви горцѣй предавшеся смерти дымомъ задохнувшесе яко на сковородѣ сопрягошася»¹.

Массивный порталъ, поясъ собора, и грандіозныя пространства внутри, вотъ что дошло до насъ отъ величественнаго памятника. *Стр. 149.* Уже не видно двойного

¹ «Удѣлчій дѣтошесць», стр. 53. Въ «Житіи» мы находимъ: «Церковь кровію Христіанъ освятилася пакы. И огнемъ труше христіанъ пожежено бысть въ соборной сей церкви. И святыя иконы и писаніе на стѣнахъ писанная... вся погорѣ».

*Портал царскихъ вратъ церкви Смоленской
Божіей Матери Воскресенскаго монастыря.*

1674 г.

ряда закомарь, вбичавшихъ храмъ, да и главы кажутся переложеными въ 17-мъ столѣтіи, въ продолженіе котораго монастырь дѣлательно обстраивался.

Такъ, въ 1627 г. надъ престоломъ соборнаго храма была устроена шатровая свѣшь на четырехъ столбахъ съ подзоромъ, до насъ не дошедшая.

Очевидно, той же эпохѣ принадлежитъ Боговиленская церковь; документально извѣстно, что въ 1596 г. она уже существовала, но всѣ приемы обработки заставляють относить настоящій храмъ къ 17-му вѣку. Ко второй половинѣ 17-го же столѣтія относится башня святыхъ воротъ, между которыми, на мѣстѣ церкви св. Николая, помѣстилась колокольня (1832 г.) *стр. 152.*

*Порталъ сѣвернаго упраздненнаго придѣла Воскресенскаго монастыря.
1674 г.*

Мы отмѣчаемъ общность архитектурныхъ задачъ; и здѣсь, какъ въ Ростовѣ и Борисоглѣбскомъ монастырѣ, пристройкой къ церкви двухъ башенъ¹ была создана живописная группа, уже не разъ намъ встрѣчавшаяся. *Смр. 152.*

Въ концѣ 17-го столѣтія вокругъ одной изъ башенъ былъ сдѣланъ своеобразный, крытый обходъ, на двухъ массивныхъ аркахъ. Переходъ обрывается; теперь сбоку

¹ Есть извѣстіе, что храмъ существовалъ въ 1596 г. Архимандритъ Антоній. «Угличскій Покровскій монастырь». Ярослав. 1870.

*Трапезная палата Воскресенскаго монастыря.
1674 г.*

видна нигде не ведущая дверь. *Стр. 133.* Стѣны монастыря или разрушены, или же ихъ и не успѣли построить въ 17 мѣ столѣтїи (настоящая ограда сооружена въ 1763 г.).

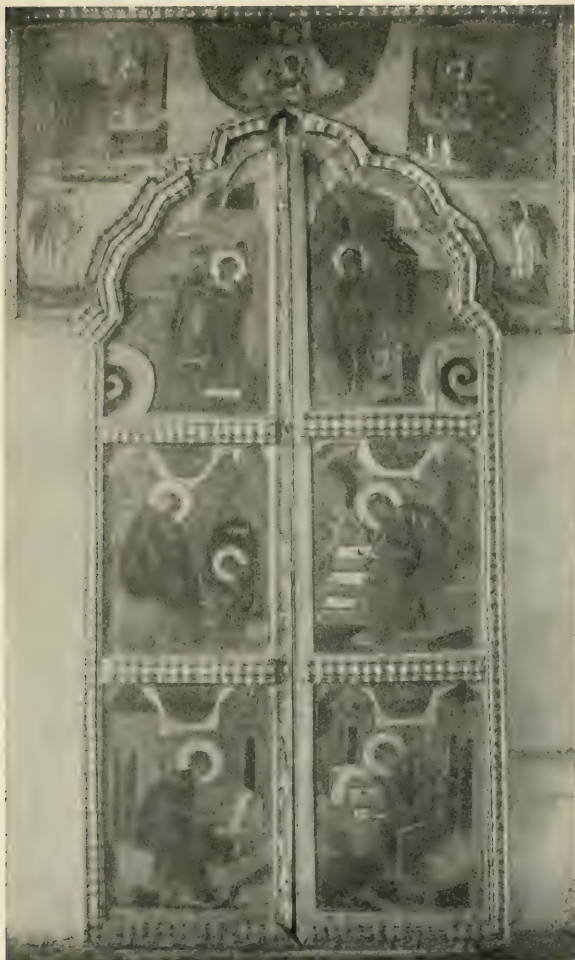
Малыя ворота монастыря, при консерватизмѣ провинціальной архитектуры, могли быть построены уже въ 18 мѣ столѣтїи. *Стр. 134.* Въ нихъ удержано еще диссимметрическое равновѣсіе, присущее многимъ памятникамъ русской архитектуры.

Помимо соборнаго храма Покровскаго монастыря, при князѣ Андрѣѣ Васильевичѣ Большомъ Горѣѣ, были построены Новгородскими мастерами городская соборъ и каменные палаты двorca¹

Начатый въ 1485 г., соборъ не дошелъ до насъ: если можно довѣряться иконописнымъ формамъ, Новгородскій типъ собора засвидѣтельствованъ иконою князей Романа и Дмитрія, находящейся въ Николо-Улейминскомъ монастырѣ. Судя

¹ А. Ф. Соболевъ. Краткая история города Углича.

Царскія
врата.

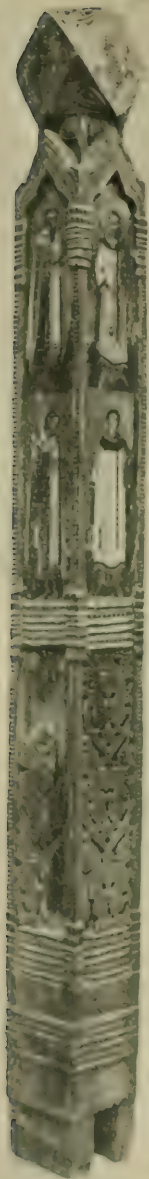
Воскресен-
скій уразд-
неннй мо-
настырь.

по изображенію на этой иконѣ, соборъ былъ одноглавымъ, его стѣны заканчива-
лись тремя неровными закомарами¹.

Переживъ въ началѣ 17-го вѣка страшное разореніе, учиненное поляками, соборъ
уступилъ мѣсто настоящему, выстроенному въ 1713 году. *Стр. 156.*

¹ Соборъ былъ подробно описанъ, какъ и всѣ церкви Углича, въ Писцовыхъ книгахъ 1674—1676 г. «Въ
городѣ жь соборная церковь Преображенія Господня обѣ одной главѣ, своды съ перетявьемъ столбовъ, раз-
вершена по закомарамъ тесомъ, а глава на деревянныхъ дугахъ покрыта чешуею деревянною». Труды Яро-
славской Архивной Комиссіи, т. II.

*Колонка царскиѣхъ вратѣхъ, бывшиѣхъ иѣкогда
въ Покровскоѣмъ монастырѣ.*

Легко можно повѣрить, что Екатеринѣ II соборъ очень понравился. Онъ свѣтель и обширенъ, но всѣ архитектурныя формы потеряли смыслъ и связность: несмотря на запоздалые отдѣльные элементы, храмъ весь принадлежитъ 18-му столѣтію.

Интереснѣй колокольная. При значительной величинѣ, она создана серіознымъ перетолкованіемъ «Нарышкинскихъ» увлеченій архитектуры. Массивныя стѣны восьмигранника, утопчающагося кверху, разработаны только плоскими членами дѣленія; особый тактъ заставлялъ строители избѣгать рельефныхъ украшеній. Злой рокъ, скрывающійся и въ нашествияхъ враговъ и въ реставраціяхъ ученыхъ обществъ, губилъ памятники эпохи князя Андрея. Таковой была реставрація дворцовой палаты, быть можетъ, сооруженной новгородскими мастерами въ 1481—1483 году¹.

То, что въ настоящее время носитъ названіе «дворца», представляетъ собою лишь одну, быть можетъ, центральную палату княжескихъ теремовъ.

Стр. 157.

Все убранство постройки заключается въ обработкѣ щенцовъ, составленной нѣсколько разъ повторенными узорчатыми дорожками². Эти щенцы, какъ и связанныя арочками окна, возвышались надъ цѣлымъ рядомъ дворцовыхъ построекъ частью каменныхъ, частью деревянныхъ. Восточная стѣна, наиболѣе удаленная отъ собора,

¹ Д. Ф. Соловьевъ, «Краткая исторія города Углича». ² Подобное украшеніе, несомнѣнно, и есть изъ деревянной архитектуры. Еще даю въ 80-хъ годахъ попадались на сѣверѣ избы, украшенныя подобными дорожками.

Архидіако́нъ Авіѣвъ.

Роспись колонки царскихъ вратъ.

украшена меньше другихъ, быть можетъ, она выходила къ дворцовымъ службамъ. За свое многовѣковое существованіе дворецъ видѣлъ много бѣдствій: онъ пережилъ гоненія злополучнаго Горя и его семьи, убійство царевича Дмитрія и, наконецъ, польскій разгромъ 1609 г. «Устремившася океаннии аки пси бѣснующіися къ полатамъ царевича Дмитрія и къ прочему бывшему тутъ строенію; и отломаше двери у полатъ, начаша гражданъ жестоко сѣщи остриемъ мѣча, и зѣло ту много гражданъ посѣкоша, яко отъ множества ихъ крови наполнитися погребамъ царскимъ и ямамъ и яко кладезямъ преливатися сотвориша»¹.

Реставрація 1890 — 1893 г. уничтожила благородный характеръ древности, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло обаяніе подлинности памятника; кромѣ того добавленія въ «русскомъ стилѣ» менѣе идутъ къ характеру зданія, чѣмъ предшествовавшія имъ классическія частности ремонта 1802 году².

¹ «Угличскій лѣтописецъ», стр. 44.

² Въ настоящее время во «дворцѣ» устроенъ музей. Здѣсь помѣщенъ привезенный изъ Тобольска въ 1892 г. колоколь и собраніе божье или менѣе случайныхъ предметовъ.

Входъ въ церковь Иоанна Предтечи. 1689—1690 г.

Фот. Д. П. фонъ Эшшта.

Мало памятниковъ архитектуры оставилъ по себѣ 17-й вѣкъ въ Угличѣ; да это и понятно. Угличане, съ трудомъ обстраиваясь послѣ польскаго погрома, предпочитали ставить деревянныя церкви; только въ 18-мъ вѣкѣ состоятельность города позволила смѣнить прежнія церкви каменными. При всемъ томъ городъ нельзя назвать обездоленнымъ, развѣ здѣсь сохранилось, быть можетъ, лучшее, что только было создано за весь 17-й вѣкъ.

Такимъ перломъ русской архитектуры является «Трѣдшая» церковь Успенія Божіей Матери въ Алексѣевскомъ монастырѣ. *Стр. 158, 159, 160.*

Народное сознаніе, вообще оставившее не мало слѣдовъ чуждости къ прекрасному въ искусствѣ, отмѣтило Успенскую церковь эпитетомъ «дивной». Церковь построена

Церковь Иоанна Предтечи. 1689—1690 г.

около 1628 г.¹ какъ всѣ лучшія созданія своей и предшествующей эпохи, она почти лишена всякаго убранства, и въ то же время она прекрасна. Она прекрасна всѣми своими соотношеніями, вышине ее украшаютъ только необходимыя грани и рамки, только неизбѣжныя расчлененія. Но этого достаточно. «Дивная» церковь легко возноситъ въ высь свои шатры, связанные изумительнымъ чутъемъ, въ ней сочетались.

¹ П. Ливрзъ. «Цугевоггелер по церквамъ города Углича». Ярославль. 1869. Соловьевъ. Краткая исторія города Углича. Судя по суждеию тенденція относить церковь къ болѣе ранней эпохѣ, — къ 16-му вѣку. (Киссель).

Церковь Иоанна Предтечи и Воскресенскій монастырь.

(Фот. Б. П. фонъ Эдшта.)

какъ въ истинно-прекрасномъ произведеніи искусства, законы необходимости съ художественной свободой. Самая нарядная часть храма — алтарь подучилъ обработку тѣмъ тиномъ аркатуры, который помѣщали зодчіе Москвы 15—16-го вѣка на церковныхъ главахъ и абсидахъ. *Стр. 161.* Но здѣсь бесполезно перечислять чѣмъ украсенъ алтарь, какими подуваликами, карнизами и кокошниками. Онъ украсенъ искусствомъ, тонкимъ, художественнымъ чутьемъ строителя. И настолько сильна и обаятельна красота всей церкви, что кажутся неумѣстными и безцѣльными нарушить общее впечатлѣніе всѣ позднѣйшія передѣлки и добавленія. Таковы настоятельскіе покои, уродливыя окна, пробитыя въ средней абсидѣ и, наконецъ, «фасонистыя» покрытія алтарей, очень распространенныя въ Угличѣ въ 18-мъ столѣтіи.

Церковь Иоанна Предтечи. 1689—1690 г.

Другая монастырская церковь во имя Иоанна Предтечи сооружена въ 1681 году¹; она върна отяжелѣвшимъ формамъ «соборнаго типа» конца 17-го столѣтія. *Стр. 163.* На этомъ отрицательномъ примѣрѣ убѣждаешься въ неповторимости того творчества, созданиемъ котораго явилась «дивная» церковь. При своей органической, ясной конструктивности, «дивная» церковь болѣе родственна елямъ, растущимъ около нея, чѣмъ позднему созданию одного и того же искусства.

¹ Н. Лавровъ. «Путеводитель по церквамъ города Углича». Ярославль. 1869.

Церковь Дмитрия царевича «на крови», 1692 г.

За Успенской «дивной» церковью слѣдует по времени средняя группа церквей Воскресенскаго монастыря, начатая по распоряженію Ростовскаго митрополита Іоны Сысоевича въ 1674 году¹. *Стр. 169.* Время основанія монастыря неизвѣстно. Въ бытность здѣсь Іоны монаховъ монастырь стоялъ у берега, и перенесенъ уже на новое мѣсто Іоной митрополитомъ. Принадлежитъ ли замыселъ группы самому Іонѣ, по поводу разбившему архитектурные памятники, или въ этомъ выразились творческія исканія цѣлыхъ артелей, мы пока не знаемъ; вѣрно лишь то, что въ звонницѣ, предшествовавшей ростовскимъ, сказались исканія, нашедшія свое полное выраженіе позже въ Ростовѣ².

Двѣ прямо противоположныя точки зрѣнія выясняютъ, какъ вытянуты въ одну «фасадную» линію соборная церковь, звонница и меньшая церковь Смоленской Бо-

¹ Подробная опись монастыря 1702 г. приведена въ книгѣ «Улицы. Матеріалы для исторіи города 17-го и 18-го столѣтій». Москва, 1887.

² Особенно, покрытие звонницы, потребовавшее обработки главы, неправильно. Не была ли крыша «бѣлая бочкомъ», отбѣлавшей внутреннему корытовому своду? Въ настоящее время промежутокъ между покатыми карнизами и двускатной крышей заполненъ очень небрежно; на южной сторонѣ онъ оббитъ досками.

Житіє Андрея Юродиваго.

Росписъ сѣверныхъ вратъ придѣла церкви Юанна Предтечи.

жіей Матері съ трапезой. Въ то же время сзади эти постройки представляютъ величайшее разнообразіе архитектурныхъ плановъ, не подчиненныхъ никакому единству. Стр. 165. Воскресенскій храмъ силенъ своими массами, а не очертаніями и силуэтомъ. День, когда на свѣломъ небѣ рисуются его скучныя испорченныя крыши и купола, гнететъ его. Ночью, когда между темнымъ небомъ и померкшей землей рисуются его стѣны, озаренныя невѣрнымъ свѣтомъ луны,—ночью выступаетъ исти-

Блюдо, гравируема въ Музѣѣ.

ное величіе и обаяніе этого храма. Тогда постигаешь изумительную красоту чередованія тяжелыхъ плоскостей со впадинами частыхъ арокъ. Внутри, опустившіе переходы грандіозной развалныи монастыря представляютъ живописѣйшую смѣну свѣта и тѣни на мощныхъ аркахъ и сводахъ. *Смр. 166, 167, 169.* Большое разнообразіе вносятъ порталы входовъ. Грудныи стѣны получаютъ на нихъ дробную игру свѣта. Эти порталы не сохранили слѣдовъ раскраски, оставшейся почти не испорченной въ порталахъ царскихъ вратъ церкви Смоленской Божіей Матери¹. *Смр. 168.*

Цѣль большаиу палату сохранилась передъ церковью Смоленской Божіей Матери — трапезная (?) *Смр. 168.* Развалившіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ своды ея подперты

¹ Да познать, въ какомъ мѣстѣ въ соборномъ храмѣ Воскресенія намъ удалось найти слѣды росписи, несомненно относящейся къ 17-му столѣтію.

*Крыльцо
церкви
Введения
въ Улеймин-
скомъ мона-
стырѣ.*

1563 г.
(Фот. Б. Н.
фонъ
Эдвнга.)

*Святія ворота Николо-Улейминскаго монастыря. 17-18-й вѣкт.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдвнга.)*

Входъ въ церковь Св. Троицы на Днѣпской горѣ.—1634 г.

(Фот. Б. Н. фонъ Эдина).

теперь балками: очевидно близко время, когда только куча кирпичей будетъ указывать на существовавшій здѣсь памятникъ архитектуры 17-го столѣтій¹.

Слѣды фресокъ въ Воскресенскомъ монастырѣ убѣдительно говорятъ объ утраченныхъ навсегда фрескахъ. Въ Угличѣ сохранились главнымъ образомъ архитектурные памятники. Фрески сбиты, образа записаны или покрыты потемнѣвшей олифой. Однако, такія иконы, какъ находящіяся въ соборѣ, въ Улейминскомъ монастырѣ, царскія врата въ Воскресенскомъ храмѣ *стр. 171* и прекрасная роспись колонки *стр. 172, 173*, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Угличъ въ 16—17-мъ вѣкѣ не былъ лишень отличной иконописи.

¹ Состояніе монастыря не поддается описанію. Слово уже обреченной на побѣду, она еще стоитъ живыми укоры и для Углича, и для ученыхъ общества, и для духовенства, отвернувшихся отъ былого творческаго храмодѣлчества. Какъ много въ наше время друзей искусства, находящихъ жестокое удовольствіе смаковать набѣговъ о «вандалахъ». Но вотъ еще существуетъ Воскресенскій храмъ, его трагическая судьба не завершилась конченнымъ разрушеніемъ, и мы безумно жаждемъ. Храмъ рухнетъ, и только тѣмъ привлечетъ всеобщую симпатію и полное признаніе. Надъ грудой развалинъ мы высказываемся больше, чѣмъ передъ живымъ еще организмомъ искусства; жестокое любительство!

Домъ Овсянникова около Ярославской улицы.

Домъ
Букиныхъ
и Аксаковъ

около
Благовѣ-
щенской
улицы.

Почти рядомъ съ величественнымъ храмомъ Воскресенскаго собора, стоящимъ уже безъ огражденія монастырскихъ стѣнъ, висится церковь Іоанна Предтечи, построенная въ 1689—1690 г. *Стр. 173, 175, 176, 177.* Весь храмъ проникнутъ духомъ изящества, обычнаго въ эту эпоху, но колокольня, не терпящая изысканной стройности при богатомъ убранствѣ, — говорить о выдающейся одаренности строителя. Тонкая красота церкви словно родственна прелести сказанія объ убіеніи отрока Іоанна Чеполосова. Повѣсть, поясняющая причину постройки храма, начинается очень внушительно:

«Вещи и дѣла, еще неписанныя бывають, тмою покрываются и гробу безмятежства предаются, написанныя же яко одушевленныя бывають и провозорно показуютъ».

Загнѣвъ сказаніе подробно говорить о состоятельномъ посадкомъ чловѣкѣ Никифорѣ Чеполосовѣ, имѣвшемъ сына, который былъ «тѣломъ зѣло прекрасенъ, иначе же духомъ страха Божія процвѣтаете и укрѣпляется».

Однажды весной, въ апрѣлѣ, мальчикъ пошелъ къ учителю и пропалъ. Его завлекъ въ свой домъ доверенный слуга Никифора Чеполосова — Рудакъ, имѣвшій на отца Іоанна «длбственное... въ сердцѣ скрытое ухищреніе». Шестнадцать дней томился мальчикъ, запертаый въ дарѣ: Рудакъ истязалъ его, вырывая каждую ночь по дубку, принуждалъ Іоанна отречься отъ родителей. Наконецъ, измученный самъ, Рудакъ убилъ отрока. Пастухи нашли тѣло Іоанна въ «мягковязкомъ» болотѣ, обнажившемся, чтобы открыть негдбное тѣло.

Мощи были погребены съ великой торжественностью. Мученичество младенца и его небесное прославленіе утишили горе родителей. Явившись во снѣ матери, онъ настаивалъ на прощеніи убійцы Рудака, общая истрѣча на землѣ. И дѣйстви-

Домъ Калашниковыхъ

противъ Богоявленскаго монастыря.—18-й вѣкъ.

тельно, мощи были открываемы нѣсколько разъ. Въ первый разъ ихъ обнаружили, когда на средства Никифора Челюсцова начали строить храмъ во имя Юанна Предтечи. Мощи, вокругъ которыхъ происходили чудотворенія, были освидѣтельствованы, но въ это время не только въ Москвѣ, гдѣ царь Петръ Алексѣевичъ переламывалъ все по своему, но даже и въ Ростовѣ не находили времени и охоты открывать новыя святыни¹.

Задумчивый Угличъ, надолго сохранившій возможность святости, чудесъ и свѣтлыхъ сказаній, — не получилъ санкціи новой святыни. Житіе говоритъ объ этомъ: «тогда архіереомъ о умиреніи народа пекущимся не до новоявленныхъ тогда мощей бѣше; понеже тогда народъ во всероссійстей державѣ на архіереевъ по неразумѣнію своему вставаше и ропташе за новоправленные великороссійскимъ патриархомъ Никономъ книги, и бунты за сіе подвизаху, и мнози за тое смертію недѣпотѣѣ казняхуса».

¹ Въ половинѣ 18-го столѣтія мощи были обнаружены опять: «и одежда на немъ нетлѣнная, полукачаніе кушанное, красное»... Опять граждане приступили къ Ростовскому митрополиту, Арсенію Маціевичу, и опять безуспѣшно. Митрополитъ отказалъ, «покивая главою съ жалостью». Послѣдній разъ мощи были обнаружены въ 1840 г., но ихъ заложили вновь.

Въ церкви, на ряду съ прекрасными очень древними иконами (какъ напр. Симеона Столпника въ житіи), сохранилась дверь нижняго придѣла съ изображеніями изъ жизни св. Андрея Коробового. Лучезарныя краски и рѣшительное тяготѣніе къ живописнымъ приѣмамъ, говорить о Петровской эпохѣ. *Стр. 179.*

Вскорѣ за постройкою церкви Іоанна, въ 1692 г. была закончена церковь Дмитрія «на крови», уже не первая на этомъ памятникѣ для удлинанія мѣстѣ. *Стр. 178.* Церковь не принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ эпохи, въ ней не дано гармоничнаго сочетанія стройныхъ массъ съ декорацией ихъ покрывающихъ: колокольня груба, а стѣны церкви перегружены декоративными элементами. Но не въ архитектурныхъ формахъ значеніе церкви «на крови». Окрашенная въ багровый цвѣтъ, съ которымъ сильно контрастируетъ бѣлая обработка и темно голубыя главы, — церковь представляетъ въ общей картинѣ города, на ряду съ ярко желтой окраской

Церковь Воздвиженія или Дмитрія Солунскаго.—1775 г.

другихъ храмовъ и темнотою зелени, изумительно счастливое пятно. Въ церкви, между прочимъ, хранится пелена съ изображеніемъ царевича. Преданіе упорно считаетъ ее работою царицы Марфы, хотя извѣстно, что даже первый храмъ былъ сожженъ поляками.

Если вѣрить преданію, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ церковь блюдо, хранящееся теперь въ Музеѣ. *Смр. 180.* При большой грубости изображеннаго Божоявленія останавливаютъ вниманіе отлично найденные орнаменты.

Нѣсколько хорошихъ памятниковъ архитектуры и иконописи сохранилъ Николо-Улейминскій монастырь, находящійся въ 12 верстахъ отъ Углича. Здѣсь, въ 1460 г., идя въ Ростовъ, остановился для отдыха странникъ Варлаамъ. Онъ несъ

изъ «Бара града» образъ святителя Николая. Образъ чудесно остался на мѣстѣ, когда странникъ думалъ продолжить свой путь. Начались чудотворенія. Усердіемъ князя Андрея Горя былъ устроенъ монастырь, пользовавшійся особымъ вниманіемъ угличскихъ князей.

Изъ древнихъ церквей здѣсь сохранился храмъ Введенія Пресвятой Богородицы, построенный въ 1563 г. Церковь обезображена застройками и передѣлками 17-го и 18-го вѣка; глава, покрытие и трапезная часть не имѣютъ ничего общаго съ прекрасно обработанными стѣнами и барабаномъ главы. Еще, несмотря на застройку со всѣхъ сторонъ, можно уловить отголосокъ серьезнаго и сильнаго искусства въ южномъ крыльцѣ храма. *См. стр. 181.* Съ особой логикой камня, здѣсь соединены упругія арки и прямые границы плоскостей. Внутри, на западной стѣнѣ, сохранился интересный порталъ. На массивномъ столбѣ трапезной обращаетъ вниманіе прекрасная икона Параскевы «въ житіи», а въ проходѣ образъ князей Романа и Дмитрія съ видомъ Углича, о которомъ мы упоминали. Соборная церковь очень грузной

Домъ селца Григорьевскаго. 18 — 19-й вѣкъ.

архитектуры несомѣнно принадлежитъ второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Тогда же, а можетъ быть уже и въ самомъ началѣ 18-го вѣка, когда была построена декоративно-боевая стѣна съ башнями, построили надвратную церковь Живоначальной Троицы. *Стр. 182.*

Какъ и въ Ростовѣ, мы видимъ здѣсь рядъ висячихъ гирекъ, помѣщенныхъ въ одной большой аркѣ; здѣсь мы отмѣчаемъ безсвязность воротъ съ окнами храма ¹. Концу 17-го столѣтія принадлежитъ церковь Троицы въ Дивногорской пустынѣ, находящейся въ 8 верстахъ отъ Углича.

Правъ былъ народъ, назвавшій это мѣсто «дивной горой»: рядъ густыхъ лѣсовъ, привольныхъ пашенъ виденъ съ края возвышенности, вѣчаемой церковью. Самыми интересными частями памятника, оконченнаго къ 1694 г., является панерть, напоминающая Ростовскія галереи и гульбище, бывшее когда то открытымъ ². *Стр. 182.*

Восемнадцатый вѣкъ и первая половина девятнадцатаго, вообще говоря, не были эпохой захуданія и упадка Углича: такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать большое число каменныхъ церквей и домовъ этого времени. Въ городѣ остались цѣлыя

¹ Тоже въ надвратной церкви Толгскаго монастыря. ² Л. О. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича». «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись», перечисляя постройки преемника Юны Сысоевича, Юсафа Лазаревича, говоритъ: «... въ Угличскомъ уѣздѣ, на Дивной горѣ, въ пришеюмъ монастырѣ, построилъ церковь каменную на полатахъ во имя Живоначальной Троицы».

«Китайская» комната въ Грибовскоѣ.

улицы, на которыхъ самымъ новымъ домомъ является домъ Николаевской эпохи. Обойденный желѣзной дорогой, Угличъ на рѣдкость сохранилъ культурныя наслѣдія Александровской и Николаевской эпохъ.

Безъ помощи людей, отъ времени рушатся большіе, ставшіе ненужными дома, съ непремѣнными фронтонами, «боскеты» и «галлеи», высоко вытянувшись надъ садами, оглашаются только криками вороньяго царства. Въ такой обстановкѣ сохранилось немало старинныхъ домовъ, иногда красивыхъ, но почти всегда интересныхъ, какъ свидѣтели минувшаго.

Отвѣнокъ глухого провинціализма всегда въ большей или меньшей степени присущъ этимъ постройкамъ. Нѣкоторые изъ старыхъ домовъ были построены еще до европейской перепланировки города: они помнятъ еще безпорядочный и живописный Угличъ, — теперь улицы отошли отъ нихъ, тихо склоняющихся и разваливающихся на огородахъ.

Таковъ домъ Овсянникова на тупикѣ Ярославской улицы. *Смр. 183.* Домъ навѣрно принадлежит 18 му вѣку, но его «Елисаветинскія» формы не могутъ служить болѣе точной датой: въ Угличѣ подобныя формы могли прити и въ самомъ концѣ вѣка.

Такъ же отступилъ отъ улицы деревянный домъ Букиныхъ-Аксаковыхъ, которому насчитываютъ 250 лѣтъ, очень жаль, что домъ не сохранилъ ни оконъ, ни

покрытія; характеръ всего дошедшаго до насъ лишаетъ эту постройку и столѣтней давности. *Стр. 184.* Лучше сохранился маленькій каменный домъ Калашниковыхъ. *Стр. 185.* Стѣны особняка разработаны очень наивно, но пріятно, хороши вставки зелено-голубоватыхъ кафелей. Церковная архитектура говоритъ съ особой убѣдительною, что много формъ и строительныхъ задачъ перешло изъ 17-го столѣтія въ 18-е.

Таково было одно изъ теченій: другое съ большимъ запозданіемъ приносило изъ столицъ «новыя архитектурныя формы». Церковь «Воздвиженія», построенная въ 1775 г., церковь «Казанской Божіей Матери», законченная въ 1778 г. уже ясно говорить объ этой отсталости. *Стр. 186, 187.*

Но еще болѣе поразительнымъ примѣромъ можетъ служить церковь «Рождества Христова» («Филипповская»), построенная въ 1801 г. въ такомъ типѣ, который показался бы въ Петербургѣ архаическимъ даже предыдущему поколѣнію. *Стр. 188.*

Семейный портрет Заковалев. Около 1800 г.

Однако, помимо этих церквей, помимо маленьких домиков незамѣтных людей, въ Угличѣ была осуществлена затѣя великолѣпныхъ хоромъ съ длиннымъ рядомъ парадныхъ комнатъ, съ галереями, театромъ, библіотекой и пр.

Уже рѣдко встрѣчаемое преданіе говоритъ объ Екатерининскомъ вельможѣ Григорьевѣ (или Григоровѣ), которому императрица подарила землю близъ стоящаго здѣсь раньше «Кормового дворца» Угличскихъ князей. Григоровъ былъ самый страстный любитель архитектуры и самъ построилъ для себя великолѣпный дворецъ, близкій по общему замыслу къ Останкинскому. *См. стр. 180.*

Быть можетъ, проектъ идетъ отъ кого нибудь изъ сотрудниковъ Казакова, а быть можетъ, и это правдоподобнѣе, мы имѣемъ здѣсь осуществленіе общихъ архитектурныхъ задачъ, надрѣзанныхъ на рубежѣ 18-го и 19-го вѣка.

Трудный замыселъ—увѣщаніе главнаго корпуса фоваремъ—не получилъ счастливаго разрѣшенія, но общія соотношенія корпусовъ и связь ихъ довольно хороши.

Изъ внутренняго убранства хоромы сохранили очень мало, такъ какъ въ темени нѣсколькихъ десятилѣтій запустѣвшій домъ размещался и временными властѣ

Домъ усадьбы Зыковыхъ.—19-й вѣкъ.
(Фот. Б. П. фонъ Эдингга).

Дом Серебряниковых на Ярославской улиц.—19-й вѣкъ.

Дом Ожестовых около церкви Иакин Пророка.

Фот. В. Н. фонъ Эдингъ.

«Дула» 1815 года и Городской садъ.

телями и цѣлой округой крестьянъ, «добывавшихъ» даже мѣдные запоры дверей. И все же нужно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ сохранились отличные обои, лѣшнина карнизовъ и печи. Нечислимы простые эффекты длинныхъ анфиладъ разнообразныхъ комнатъ: лучше всего сохранились проходы парадной лѣстницы. *Стр. 191.* Въ одной изъ залъ зимнія рамы составлены изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; говорятъ, это придаетъ комнатѣ отблескъ волшебной прелести. Самая несерьюзная — «Китайская комната», разумеется, не ближе къ стилю Китая, чѣмъ иная какая либо частность «дворца». *Стр. 190.* Однако, замыслы вельможи не ограничились стѣнами его хоромъ; бытъ разбитъ прекрасный паркъ и выкопаны пруды, хитро обходящiе нѣсколько острововъ; острова Венеры, трехъ сестеръ, Дианы и Сампсона получили названiя отъ статуй, стоявшихъ на островахъ. Въ дальнемъ углу

Домъ Быкова
на углу Рыбинской и Ярославской улицы — 19-й вѣкъ.

Домъ, бывший Леонтьевой.
19-й вѣкъ.

Наличникъ избы въ деревнѣ Фатьяново.

(Фот. Б. П. фонъ Эдлинга).

сада сохранились развалины павильона съ бассейнами; по преданію это «душистыя ванны»¹.

Неподалеку отъ имѣнія Григорьева или Супоньева и Волкова, какъ его называютъ именами послѣдующихъ обладателей, находилось еще одно «дворянское гнѣздо» — имѣніе Зыковыхъ². На горѣ, съ которой открывается лучшій видъ на Угличъ *стр.* 147, расположился старинный парк; за нимъ домъ хорошей архитектуры первой половины 19-го столѣтія. *Стр.* 193. Изъ предметовъ убранства, нѣкогда любовно

¹ На старой фотографіи, относящейся къ середнѣ 19-го столѣтія, ясно видны «холодныя галереи», соединившія главный корпусъ съ боковыми; при ремонтѣ 1912 г. не сохранили галерейнаго характера этихъ промежутокъ, получившихъ безформенныя окна и неопредѣленные простѣвны между ними. ² Имѣніе недавно продано, и ничто не гарантируетъ дальнѣйшее существованіе памятниковъ былой культуры.

здѣсь собранныхъ, удалось снять семейный портретъ Зыковыхъ, писанный около 1800 г. *Стр. 192.*

Возвращаясь къ архитектурѣ города, мы отмѣчаемъ тяжелую ротонду дома Серебренниковыхъ *стр. 193* и маленькій и пестрый домикъ Ожеговыхъ *стр. 193*; широкія окна, безъ яснаго соотношенія съ декорацией, выдають позднюю эпоху построекъ. Къ 1815 г. была построена городская Дума. *Стр. 195.* Наконецъ, домъ бывшій Леонтьевой, а еще раньше Владыкиной, типичнѣйшій провинціальный особнякъ Николаевской эпохи. *Стр. 196.* Каменные львы воздвигнуты на деревянныхъ воротахъ охранять скромный «домъ съ мезониномъ». Послѣдній домъ города у Ярославскаго шоссе Бычковыхъ, выдержанъ въ духѣ ранняго или очень провинціального классицизма. *Стр. 196.* Городъ кончился. Старое шоссе, дороги и дорожки бѣгутъ по лѣсамъ, полямъ и дугамъ. Въ мѣстностяхъ привольныхъ и отдаленныхъ расположились то здѣсь, то тамъ села и деревни. Вышній бытъ крестьянъ сохранилъ уже мало чертъ искусства и старины. Тамъ пріятельнѣе являются такіе образцы рѣзьбы, какъ наличникъ избы въ деревнѣ Фатьяново. *Стр. 197.* Гдѣ, какъ не въ русской деревнѣ, могли быть соединены строго линейные «классическіе» элементы съ излюбленною на Руси узорчатостью!

Церковь Духа Святаго «на кровлѣ».

(Апрѣль 1840-го года въ Сербренниковѣ.)

Оглавление

	СТРАН.		СТРАН.
Предисловіе	3 — 6	вѣщенія, звонница, Святые ворота, Звонница Ростовскаго собора, Деревянная церковь: церковь Іоанна Богослова на Шинѣ и церковь села Билокова. Церковь Одигірія въ Архіерейскомъ домѣ	73—108
<i>Ростовъ Великій.</i>			
<i>Прологъ Ростова Великаго.</i>			
Введеніе	9— 12	Глава VII.—Фрески.	
Глава I.—Вольный городъ	15— 47	Фрески Воскресенской церкви, Спаса «на сѣнхъ». Роспись церкви Іоанна Богослова. Стѣнопись Троицкаго храма Яковлевскаго монастыря	109—126
» II.—Подъ властью Москвы	17— 22	» VIII.—Восемнадцатый вѣкъ и эпоха классицизма.	
» III.—Эпоха Іоны Сысоевича	23 — 34	Дмитріевскій храмъ Яковлевскаго монастыря, монастырская ограда. Перепланировка города и частные дома	127—140
» IV.—Захуваніе Ростова	35— 46	<i>Угличь.</i>	
<i>Аудожественное наследіе Ростова Великаго.</i>			
Глава V.—Древнѣйшая эпоха.		Глава I.—Прошлое Углича	143—162
Литературныя извѣстія. Соборъ, Борисоглѣбскій монастырь: соборный храмъ, церкви Благовѣщенія и Сергія, ограда. Соборный храмъ Боголюбскаго Аврааміева монастыря. Церковь Вознесенія или Псидора Блаженнаго. Храмъ Преображенія Господня въ упраздненномъ Спасо-Песочкомъ монастырѣ	47— 72	» II.—Художествен. памятники Углича.	
» VI.—Выработка мѣстнаго архитектурнаго типа.		Постройки Покровскаго монастыря. Свѣтлнй обѣ Угличскомъ соборѣ. Палаты Угличскихъ князей. Успенская церковь Алексѣевскаго монастыря. Воскресенскій монастырь. Церкви Іоанна Предтечи и Дмитрія царевича «на крови». Николо-Улейминскій монастырь. Церковная архитектура 18-го вѣка. Усадьбы: Григорьевское и Зыково. Городская архитектура начала 19-го вѣка	163—188
» VII.—Благостицій монастырь: церкви Благовѣщенія и Михаила Архангела. Постройки Архіерейскаго дома: церковь Вознесенія, Бѣлая палата, церкви Спаса «на сѣнхъ» и Іоанна Богослова. Борисоглѣбскій монастырь: церковь Срѣтенія, входной портикъ церкви Благо-			

Деревянная траверти для обложки, и изображавшая церковь Срѣтенія и башни съѣврной стороны Борисоглѣбскаго монастыря, исполнена А. П. Остроуловой.

Надписи обложки исполнены А. И. Троянковой.

Фронтисписѣ «Что городъ то нравы» исполненъ В. В. Лансере.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
23	1 сверху	Въ 1562 г.	Въ 1652 г.
43	въ подписи	Сакось Юны II	Сакось Юны III

244/157

МОГИЯ
Магалин 35
80 р.

DK
651
R68E45

Eding, Boris von
Rostov Velikii. Uglich

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 08 09 05 013 4